

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ
И ГЕОПОЛИТИКА
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Коллективная монография

Алматы
«Қазақ университеті»
2017

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
С 56

*Рекомендовано к изданию Ученым советом
КазНУ им. аль-Фараби*

*Выпущено за счет государственного гранта
республиканского научно-исследовательского центра
«Изучение Всемирной истории»*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *Г.С. Султангалиева*
доктор исторических наук *К.Ш. Алимгазинов*

Под общей редакцией

д.и.н., профессора *Г.М. Мендикуловой*

Коллектив авторов:

М.Ш. Губайдуллина, А.В. Гуцин, Г. Дадабаева, Р.С. Жаркынбаева,
К.Т. Жумагулов, А.К. Избаиров, А.С. Левченков, Г.М. Мендикулова,
Е.А. Надежук, Е.И. Пивовар, И.Е. Ханова

С 56 **Современная история и геополитика в Центральной Азии: коллективная монография / под ред. Г.М. Мендикуловой, колл. авт.: М.Ш. Губайдуллина, А.В. Гуцин, Г. Дадабаева, Р.С. Жаркынбаева [и др.]. – Алматы: Казак университети, 2017. – 306 с.**

ISBN 978-601-04-2683-2

Международная коллективная монография, написанная казахстанскими учеными и преподавателями КазНУ им. аль-Фараби, Университета КИМЭП и Евразийского университета им. Л. Гумилева совместно с российскими историками из РГГУ, является результатом слаженной научной работы ученых, а также крепкого международного и межвузовского сотрудничества двух государств. В монографии представлены интересные разработки, которые дают характеристику многогранным процессам развития Центральной Азии за последние годы.

В работе авторы постарались проанализировать процессы, протекавшие за 25 лет независимости и развивающиеся в наших странах в настоящее время.

В монографии даны определения экономической, социальной, политической интеграции стран СНГ; охарактеризованы процесс нацистроительства в регионе, миграционные и интеграционные процессы, рассмотрены вопросы социально-экономического развития, вопросы безопасности, международного и гуманитарного сотрудничества, а также даны характеристики и тенденции развития религиозной ситуации в Центрально-Азиатском регионе.

**УДК 94(5)
ББК 63.3(5)**

ISBN 978-601-04-2683-2

© Коллектив авторов, 2017
© КазНУ им. аль-Фараби, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ РЕДАКТОРА

В 2015 г. КазНУ им. аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан) и РГГУ (Москва, Российская Федерация) был подписан договор о трехдипломном образовании, совместной научно-образовательной деятельности и т.д. Данная международная коллективная монография является «первой ласточкой» претворения в жизнь данного соглашения казахстанских и российских ученых.

В международной коллективной монографии представлены интересные разработки последних лет, которые дают характеристики многогранным процессам, имеющим место быть в развитии Центральной Азии за прошедшие 25 лет независимости.

Хоть четверть века – период небольшой в историческом разрезе, однако он стал основополагающим для наших государств.

Мы постарались проанализировать процессы, протекавшие за 25 лет независимости и развивающиеся в наших странах в настоящее время. Структура, предложенная в коллективной монографии, хронологически и предметно содержит анализ этапов становления новых независимых государств нашего региона, во многом определяющих их сегодняшнее развитие. Так, в статье Пивовара Ефима Иосифовича, члена-корреспондента РАН, д.и.н., профессора, Президента РГГУ (Россия), даны определения экономической, социальной, политической интеграции стран СНГ. Ассоциативный профессор Университета КИМЭП, доктор исторических наук Гульнара Дадабаева (Казахстан) раскрыла проблемы, с которым столкнулись наши страны в процессе нациестроительства в регионе, как сложен был переход от советских наций к постсоветским нациям-государствам. Профессор кафедры всемирной истории, историографии и источниковедения КазНУ им. аль-Фараби, доктор исторических наук, профессор истории, академик Академии истории и социальных наук Мендикулова Гульнара Малба-

гаровна (Казахстан) раскрыла вопросы, связанные с миграционными процессами в регионе за последние четверть века, используя данные национальных и международных статистических агентств и учреждений ООН. Профессора кафедры всемирной истории, историографии и источниковедения КазНУ им. аль-Фараби, доктора исторических наук, профессора истории Роза Сейдуалиевна Жаркынбаева и Калкман Турсынович Жумагулов (Казахстан) проанализировали вопросы социально-экономического развития наших постсоветских государств Центрально-Азиатского региона. Логическим продолжением их статьи является исследование Губайдуллиной Мары Шаукатовны, профессора кафедры международных отношений и мировой экономики, директора Центра германских исследований КазНУ им. аль-Фараби (Казахстан), посвященное интеграционным процессам в Центральной Азии, что характеризуется имеющимися здесь в разработке национальными и международными проектами. Российские ученые Гущин Александр Владимирович, доцент Российского государственного гуманитарного университета, кандидат исторических наук, эксперт Российского совета по международным делам и Ханова Ирина Евгеньевна, доцент Российского государственного гуманитарного университета, кандидат философских наук (Россия) представили свое видение сущности и основных параметров Евразийского экономического союза. Вопросы безопасности Центрально-Азиатского региона были освещены в статье Левченкова Александра Станиславовича, заместителя заведующего кафедрой стран постсоветского зарубежья, РГГУ, кандидата исторических наук, доцента (Россия). Особое внимание автор уделяет международному сотрудничеству и объединенным усилиям в противодействии современным вызовам безопасности в Центрально-Азиатском регионе. Одной из актуальнейших проблем современности является религиозный вопрос. Поэтому подробнейший анализ религиозной ситуации в независимых государствах Центральной Азии, характеристики ее основных параметров и тенденций развития были представлены в статье Избаирова Асылбека Каримовича, и.о. профессора кафедры религиоведения Евразийского Национального университета имени Л.Н. Гумилева, доктора исторических наук, профессор

(Казахстан). Не осталась за пределами наших научно-аналитических разработок проблема гуманитарного сотрудничества между Республикой Казахстан и странами Европейского Союз, которую представила в своей статье докторант КазНУ им. аль-Фараби Надежук Евгения Адольфовна (Казахстан).

Как было изложено выше, над данной международной коллективной монографией работали известные ученые и преподаватели КазНУ им. аль-Фараби, РГГУ, Университета КИМЭП и Евразийского университета им. Л. Гумилева (г. Астана), что является доказательством слаженной научной работы ученых, а также крепкого международного и межвузовского сотрудничества наших двух государств.

*С уважением,
профессор кафедры всемирной истории,
историографии и источниковедения
КазНУ им. аль-Фараби, доктор исторических наук,
профессор истории Г.М. Мендикулова*

ДЕФИНИЦИИ И СПЕЦИФИКА ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПРОСТРАНСТВЕ СНГ И ЕАЭС

Термин «интеграция» используется во многих отраслях научного знания и, хотя в зависимости от области данное понятие обладает определенной спецификой, в целом под интеграцией понимается сближение, взаимопроникновение, формирование общих пространств: экономического, политического, общественного, ценностного.

Интеграция в экономике – это процесс взаимного приспособления, расширения экономического и производственного сотрудничества двух и более государств, интернационализация хозяйственной жизни, которая проявляется в расширении и углублении производственно-технологических связей, совместном использовании ресурсов, объединении капиталов, снятии взаимных экономических барьеров и т.п.¹ В политических науках под *интеграцией* подразумевается объединение, слияние политических сил в рамках государственных или межгосударственных структур, политических институтов с целью достижения определенной политической общности, стабильности развития государств и обществ.

По мнению В.А. Смолякова, интеграцию как явление международной экономики и политики можно определить так: это «совокупность экономических, политических и социокультурных процессов, ведущих к соединению взаимодействующих между собой государств в единое целое – особую политико-экономическую общность»². Данные процессы необходимо рассматривать как способы трансформации сложных политических и социально-экономических систем, учитывая, что интеграция – это не только тесное взаимодействие однотипных

¹ Стерлигова А.Н. Анализ значения термина интеграция в контексте управления организацией // Логистика и управление цепями поставок. – 2005. – № 6. – С. 70-71.

² Смоляков А.В. Политическое измерение экономической интеграции (сравнение европейской и восточноазиатской моделей) // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. – 2010. – № 3. – С. 23-24.

государств и обществ, находящихся на сходных стадиях экономического, социального, политического развития, но и притяжение более сильными государствами малых и развивающихся стран. При этом «мотором» интеграции с обеих сторон являются, прежде всего, политические и экономические элиты.

Экономическая интеграция. Основными целями экономической интеграции обычно является стремление повысить эффективность функционирования национальных экономик за счет факторов, возникающих в ходе развития регионального международного обобществления производства. Кроме того, в ходе интеграции используются преимущества «экономики большего масштаба», сокращаются издержки, создается благоприятная внешнеэкономическая среда, решаются задачи торговой политики, оказывается содействие структурной перестройке экономики и ускоряются темпы ее роста.

Предпосылками для экономической интеграции могут служить: сходство уровней экономического развития интегрирующихся стран, территориальная близость государств, общность экономических проблем, потребность в достижении быстрого эффекта и, наконец, так называемый «эффект домино», когда страны, которые оказались за пределами экономического блока, развиваются медленнее, и поэтому начинают стремиться к включению в интеграционное объединение.

Когда речь идет об экономической интеграции, важно учитывать ее виды и типы. Различают всемирную экономическую интеграцию – порожденную процессами глобализации и традиционную региональную интеграцию, развивающуюся в определенных институциональных формах еще с 50-х годов XX века. Однако характерной для современного мира является так называемая «двойная» интеграция, сочетание двух вышеуказанных видов (уровней).

Развиваясь на двух уровнях – глобальном и региональном, интеграционные процессы характеризуются, с одной стороны, нарастанием интернационализации хозяйственной жизни, а с другой – экономическим сближением стран на региональной основе.

Региональная интеграция, вырастающая на базе интернационализации производства и капитала, выражает параллельную тенденцию.

Можно выделить целый ряд видов региональной интеграции. Среди них: зона свободной торговли (ЗСТ), таможенный союз (ТС), единый или общий рынок (ОР), экономический союз (ЭС), экономический и валютный союз (ЭВС).

ЗСТ представляет собой преференциальную зону, в рамках которой поддерживается свободная от таможенных и количественных ограничений торговля. ТС – соглашение двух или более государств об отмене таможенных пошлин в торговле между ними, таким образом, являясь формой коллективного протекционизма от третьих стран; ОР – это соглашение, в котором в дополнение к положениям ТС устанавливается свобода передвижения капитала и рабочей силы; в рамках ЭС в дополнение к ОР гармонизируется фискальная и монетарная политика; ЭВС является, по сути, официальным договором в дополнение к ЭС о проведении единой макроэкономической политики и создании наднациональных органов управления и т.д. Достаточно часто международной экономической интеграции предшествуют преференциальные торговые соглашения.

Основными результатами региональной интеграции являются синхронизация процессов экономического и социального развития стран; сближение макроэкономических показателей; углубление взаимозависимости экономик; рост ВВП и производительности труда; увеличение масштабов производства, сокращение издержек; образование региональных рынков торговли.

Политическая интеграция. Этот тип интеграции необходимо рассматривать как процесс слияния двух или более независимых (суверенных) единиц, национальных государств в широкую общность, обладающую межгосударственными и надгосударственными органами, которым передается часть суверенных прав и полномочий. Политическая интеграция характеризуется многоаспектными факторами, в том числе, спецификой геополитического положения стран и их внутривнутриполитических условий и т.п.

Для подобного интеграционного объединения характерны следующие черты: наличие институциональной системы, базирующейся на добровольном ограничении суверенитета государств-членов; складывание единых норм и принципов, регулирующих отношения между членами интеграционного объеди-

нения; введение института гражданства интеграционного объединения; формирование единого экономического; культурного, социального, гуманитарного пространства.

Процесс оформления политического интеграционного объединения, его основных измерений отражается в понятиях «интеграционная система» и «интеграционный комплекс». Интеграционная система формируется через совокупность институтов и норм, общих для всех базовых единиц объединения (это политико-институциональный аспект интеграции); в понятии «интеграционный комплекс» акцентируются пространственно-территориальные масштабы и границы интеграции, пределы действия норм и полномочий общих институтов.

Политические интеграционные объединения различаются по базовым принципам и методам функционирования. В-первых – на основе принципа диалога общих наднациональных органов; во-вторых – на базе принципа правового равенства государств-членов. Третьим важным принципом является координация и субординация (координация предполагает согласование действий и позиций государств-членов объединения и наднациональных структур, субординация же характерна для более высокой ступени и предполагает обязательства субъектов приводить свое поведение в соответствие с установленным порядком; в-четвертых, необходимо учитывать и принцип разграничения предметов ведения и полномочий между наднациональными и национальными властями, а также принцип политизации целей базовых единиц, основывающийся на передаче власти наднациональным структурам через практику компромиссов; еще одним базовым принципом выступает взаимовыгодность как основа принятия решений и, наконец, принцип гармонизации правовых норм и отношений интегрирующихся субъектов.

Важно остановиться еще на одном типе интеграционных процессов – социокультурной интеграции. Этот термин, используемый чаще всего в американской культурной антропологии, во многом пересекается с понятием «социальная интеграция», под которым в современной российской науке понимается состояние и процесс объединения в единое целое, сосуществование ранее разрозненных частей и элементов системы вместе, на

основе культурного обмена между ними с сохранением и развитием социальных характеристик взаимодействующих культур. При интеграции такого типа участвующие в ней этносы сохраняют свою социокультурную дифференциацию¹.

В целом социокультурная интеграция интерпретируется исследователями по-разному: как согласованность между культурными значениями; как соответствие между культурными нормами и реальным поведением носителей культуры; как функциональная взаимозависимость между различными элементами культуры (обычаями, институтами, культурными практиками и т.п.).

К общим факторам интеграционных процессов относятся такие факторы, как географический (именно государства, имеющие общие границы, наиболее подвержены интеграции, имея общие границы и схожие геополитические интересы и проблемы (водный фактор, взаимозависимость предприятий и природных ископаемых, общая транспортная сеть), экономический (интеграция облегчается наличием общих черт в экономиках государств располагающихся в одном географическом регионе), этнический (интеграции способствуют схожесть быта, культуры, традиций, языка), экологический (все большее значение имеет объединение усилий различных государств по защите окружающей среды), политический (интеграцию облегчает наличие сходных политических режимов), наконец, фактор обороны и безопасности (с каждым годом все более актуальной становится необходимость совместной борьбы с распространением терроризма, экстремизма и наркоторговли).

Можно выделить *шесть базовых факторов*, которые чаще всего лежат в основе интеграции:

- общие экономические интересы;
- родственная или общая идеология, религия, культура;
- близкая, родственная или общая национальная принадлежность;
- наличие общей угрозы (чаще всего, внешней военной угрозы);

¹ Савченко И.А. Социокультурная интеграция и дезинтеграция современных многоэтнических сообществ: автореф. дисс. докт. соц. н. по специальности 22.00.06 «Социология культуры». – Нижний Новгород, 2012. – С. 3.

- понуждение (чаще всего, внешнее) к интеграции, искусственное подталкивание объединительных процессов;
- наличие общих границ, географическая близость.

В большинстве случаев имеет место сочетание нескольких факторов. К примеру, на процесс формирования Российской империи оказывали влияние все шесть упомянутых факторов. Интеграция предполагает в отдельных случаях необходимость поступиться собственными интересами ради общей цели, которая выше (и в перспективе выгоднее) сиюминутной выгоды.

Отношение элит к интеграционным и дезинтеграционным процессам заслуживает особого внимания. Очень часто интеграция воспринимается как условие выживания и успеха, но, часто ставка делается и на дезинтеграцию, когда элиты стремятся удовлетворить, прежде всего, свои собственные амбиции. В любом случае, именно воля элит часто является определяющей в выборе той или иной стратегии развития.

Таким образом, перед национальными элитами, которые считают интеграцию необходимой, всегда стоит ряд задач. Элиты должны сформулировать такую модель сближения и повестку дня, которая обеспечит интересы каждой группы, но в то же время все же заставит различные элитные группировки двигаться навстречу друг другу. В их функции входит также формулировка привлекательной общей идеологической модели, на основе которой возможно сближение (либо удаление). Именно элиты должны предлагать проекты действительно взаимовыгодного экономического сотрудничества, работающие на идею интеграции.

Элиты способны менять информационную картину в пользу интеграционных процессов и влиять на общественные настроения любыми доступными способами, таким образом, создавая давление снизу. При определенных условиях элиты могут развивать контакты и стимулировать неправительственную деятельность, вовлекать в интеграционные проекты бизнес, отдельных политиков, отдельные партии, движения, любые другие структуры и организации, находить доводы в пользу интеграции для внешних центров влияния, способствовать появлению новых элит, ориентированных на процессы сближения. В случае, если элиты способны справиться с перечисленными задачами, можно

утверждать, что представляемые ими государства имеют мощный потенциал к интеграции.

Обратимся к специфике интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Сразу же после распада СССР в бывших советских республиках стали проявляться центристские тенденции. На первом этапе они выразились в попытках оградить, хотя бы частично, прежнее единое экономическое пространство от дезинтеграционных процессов, особенно, в тех областях, где разрыв связей оказывал особенно неблагоприятное воздействие на состояние народного хозяйства (транспорт, связь, поставки энергоносителей и т.п.).

Российская Федерация оказалась естественным ядром интеграции. Это не случайно – на Россию приходится свыше 3/4 территории постсоветского пространства, почти 1/2 населения и около 2/3 ВВП. Этот фактор, а также ряд других причин, прежде всего, культурно-исторического характера, и легли в основу постсоветской интеграции.

Распад СССР – так называемый «вопрос века»¹ – стал потрясением для экономик всех советских республик. Советский Союз был построен по принципу централизованной макроэкономической структуры. Установление рациональных хозяйственных связей² и обеспечение их функционирования в рамках единого народнохозяйственного комплекса стало первым условием относительно успешного экономического развития. Система хозяйственных связей выступала в качестве структурного элемента связей, функционировавших в экономике Советского Союза. Принцип приоритетности общесоюзных интересов над интересами союзных республик определял ядро экономической политики. Система хозяйственных связей в СССР, по мнению И.В. Федорова, обеспечивала «обмен веществ» в народнохозяйственном организме и таким путем – его нормальное функционирование³.

¹ Коэн С. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? // Вестник аналитики. – 2006. – №4 (26). – С. 37.

² Понятие «хозяйственные связи» подразумевает особый род экономических отношений, в основе которых лежат товарно-денежные отношения, складывающиеся в сфере общественного производства между организациями и являющиеся экономической формой их.

³ Федоров В.И. Хозяйственные связи в СССР. Вопросы теории правового регулирования. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978. – С. 48-49, 60-63.

Уровень экономико-географического разделения труда в СССР определялся транспортной инфраструктурой, потоками сырья, готовой промышленной продукцией и продовольствием, движением человеческих ресурсов и т.д.

Отраслевая структура хозяйства советских республик отражала их участие в общесоюзном территориальном разделении труда. Одной из первых попыток претворения в жизнь идеи планового территориального разделения страны стал план ГОЭЛРО. В нем воедино связывались экономическое районирование и задачи хозяйственного строительства. Этот план развития хозяйства на основе электрификации страны основывался на экономической (район как специализированная территориальная часть народного хозяйства с определенным комплексом вспомогательных и обслуживающих производств), национальной (учитывались исторические особенности труда, быта и культуры народов, проживающих на определенной территории) и административной (определялось единство экономического районирования с территориально-административным устройством) функциях. С 1928 года принимались пятилетние планы развития экономики страны, и в них неизменно учитывался территориальный аспект разделения труда.

Становление промышленности в национальных республиках особенно активно шло в период индустриализации. Происходил рост численности промышленных рабочих, в основном, за счет переезда кадров и обучения местного населения. Особенно явно это наблюдалось в Казахстане и в среднеазиатских республиках – Узбекистане, Таджикистане, Туркмении, и Киргизии. Именно тогда сложился типовой механизм создания новых предприятий в республиках Советского Союза, который с незначительными изменениями действовал на протяжении всех лет существования СССР. Квалифицированные кадры для работы на новых предприятиях поступали преимущественно из России, Белоруссии и Украины.

На протяжении всего периода существования СССР, с одной стороны, происходило усиление централизации в проведении региональной политики, а с другой – шла ее определенная корректировка в связи с набирающими силу национально-политическими факторами, образованием новых союзных и автономных республик.

В ходе Великой Отечественной войны резко повысилась роль восточных районов. Военно-хозяйственным планом, принятым в 1941 г. (на конец 1941-1942 гг.) по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии, предусматривалось создание на Востоке мощной военно-промышленной базы. Это была следующая после индустриализации волна массового перевода промышленных предприятий из центра страны на Восток. Быстрое введение предприятий в строй было связано с тем, что вместе с заводами переезжала и основная часть персонала. После войны значительная часть эвакуированных рабочих вернулась обратно в Россию, Белоруссию и Украину, однако перенесенные на восток мощности не могли быть оставлены без обслуживающих квалифицированных кадров, и поэтому часть русскоязычных рабочих осталась на территории современной Сибири, Дальнего Востока, Закавказья, Центральной Азии.

В годы войны страна была разделена на 13 экономических районов. Это деление сохранялось до 1960 г., когда была утверждена новая система районирования. На территории РСФСР было выделено 10 экономических районов. Украина делилась на три района – Донецко-Приднепровский, Юго-Западный, Южный. Другие союзные республики, имевшие в большинстве случаев общую специализацию хозяйства, были объединены в следующие районы – Среднеазиатский, Закавказский и Прибалтийский. Казахстан и Белоруссия выступали в качестве отдельных экономических районов. Особняком стояла также Молдавия. Все республики Советского Союза развивались в направлении, зависимом от общего вектора экономических процессов и связей, территориальной близости, схожести решаемых задач и, во многом, общего прошлого.

Этим до сих пор обуславливается значительная взаимозависимость экономик стран СНГ. На начало XXI века Российская Федерация обеспечивала на 80% потребности соседних республик в энергии и сырье. Так, к примеру, объем межреспубликанских операций в общем объеме внешнеэкономических операций (ввоз-вывоз) составлял: Прибалтика – 81-83% и 90-92%, Грузия – 80% и 93%, Узбекистан – 86% и 85%, Россия – 51% и 68%, Украина – 73% и 85%, Белоруссия – 79% и 93%, Казахстан

– 84% и 91%. Это позволяет предположить, что существовавшие экономические связи могут стать важнейшим основанием для интеграции на постсоветском пространстве.

Распад СССР и возникновение на его месте 15 национальных государств стали первым шагом к полному реформированию социально-экономических связей на постсоветском пространстве. Договор о создании СНГ предусматривал, что двенадцать вошедших в это объединение бывших советских республик сохранят единое экономическое пространство. Однако это стремление оказалось нереализуемым. Экономическая и политическая ситуация в каждом из новых государств развивалась по-своему. Хозяйственные системы стремительно утрачивали совместимость, различными темпами шло экономическое реформирование, набирали силу центробежные силы, подпитываемые национальными элитами. Сначала постсоветское пространство постиг валютный кризис – новые государства заменили советские рубли своими национальными валютами. Гиперинфляция и нестабильная экономическая ситуация сделали трудноосуществимыми регулярные экономические отношения (связи) между всеми странами на постсоветском пространстве.

Важно отметить, что старые связи, на протяжении 70 лет формировавшиеся в рамках советского государства, оказались не приспособленными к новым квазирыночным условиям. В результате в новых условиях кооперация предприятий разных республик стала невыгодной. Неконкурентоспособные местные товары стремительно теряли своего потребителя. Их место занимала зарубежная продукция. Все это вызвало многократное сокращение взаимной торговли.

Последствия распада СССР и разрыва экономических связей для производственной базы новых государств впечатляют. Сразу после образования СНГ, Новые Независимые государства столкнулись с осознанием того факта, что «эйфория суверенизации явно прошла, и горький опыт отдельного существования испытали на себе все бывшие союзные республики» (У. Касенов 1994.).¹ Так, по мнению Ж.Т. Тощенко, СНГ «как

¹ Цит. по: Тощенко Ж.Т. Постсоветское пространство: суверенизация и интеграция. – М., 1997. – С. 51.

некое мифическое образование практически ничего не решало и не могло решить».¹ Большинство населения практически всех республик испытало глубокое разочарование в результатах свалившейся независимости. Последствия распада СССР оказались более чем тяжелыми – полномасштабный экономический кризис отложил отпечаток на весь переходный период, который в большинстве постсоветских государств еще далек от завершения.

Помимо сокращения взаимной торговли, бывшие советские республики столкнулись с проблемой, определившей во многом дальнейшую судьбу национальных экономик некоторых из них. Речь идет о массовом исходе русскоязычного населения из национальных республик. Начало этого процесса датируется серединой-концом 80-х годов XX века, когда Советский Союз потрясли первые этнополитические конфликты – в Нагорном Карабахе, Приднестровье, Казахстане и т.д. Массовый исход начался с 1992 года.

После распада Советского Союза многократно выросли масштабы миграции в Российскую Федерацию представителей соседних государств, обусловленные ухудшающимися социально-экономическими условиями и местным национализмом. В результате новые независимые государства лишились значительной части своего квалифицированного персонала. Уезжали не только русские, но и представители других этносов.

Не менее важной является и военно-политическая составляющая существования СССР. Система взаимодействий субъектов военной инфраструктуры Союза строилась на едином политическом, военном, экономическом и научно-техническом пространстве. Оборонная мощь СССР и материальные ресурсы, оставшиеся в хранилищах и складах бывших республик, а ныне самостоятельных государств, стала базой, которая позволила странам Содружества Независимых Государств обеспечивать свою национальную безопасность. Однако новым государствам не удалось избежать ряда противоречий сначала при разделе оборонного ресурса, а затем в вопросах обеспечения собственной военной безопасности.

¹ Тощенко Ж.Т. Постсоветское пространство: суверенизация и интеграция. Этносоциологические очерки. – М., 1997. – С. 5.

По мере углубления геополитических, региональных, внутригосударственных проблем во всем мире, обострения экономических противоречий и всплеска проявлений международного терроризма военно-техническое сотрудничество (ВТС) становится все более важной составляющей межгосударственных отношений. Именно сотрудничество в военно-технической сфере может стать еще одной точкой притяжения и интеграции на постсоветском пространстве, как фактор совместного противостояния новым угрозам и вызовам.

Таким образом, на сегодняшний день вырисовываются две альтернативные стратегии дальнейшего развития постсоветского пространства. Первый вариант, в основе которого лежит фактическая дезинтеграция, предполагает автономное вхождение бывших советских республик в мировое экономическое и политическое пространство. Процесс вхождения в таком режиме будет осуществляться за счет ослабления прежних межгосударственных связей. Это, в свою очередь, повлечет резкое усиление неравномерности в социально-экономическом развитии каждой страны, рост экономического и социального неравенства, внутренней напряженности, ухудшение межгосударственных отношений на фоне борьбы внешних политических сил и транснациональных корпораций за ресурсы, территорию, рынки сбыта, неизбежные этнополитические конфликты.

Второй вариант предполагает согласованную экономическую и политическую модернизацию всего постсоветского пространства. В основе такого процесса будет лежать соединение потенциалов постсоветских государств и заинтересованность в совместном выступлении на мировом рынке в целях снижения экономических и политических рисков для каждого отдельного государства и постсоветского пространства в целом. Эта стратегия предполагает укрепление хозяйственных контактов, активное использование механизмов государственного регулирования, обеспечивающих целенаправленное использование потенциала общего экономического пространства.

Среди преимуществ такой стратегии – эволюционный характер модернизации, укрепление социальной стабильности, в том числе, за счет усиления регулирующей и стабилизирующей роли государства, возможность согласованного использования

всего экономического потенциала постсоветского пространства, более сбалансированного развития различных отраслей экономики и более равномерного развития всех стран-участников интеграционных процессов. Основным недостатком *этой модели* может стать повышенная зависимость стабильности одной страны от политической и социально-экономической ситуации в других интегрирующихся государствах.

Закономерно, что в середине 1990-х как формы интеграции постсоветского пространства воспринималась совершенно по-другому. Прежде всего, не как форма интеграции, а как попытка исправить совершенную ошибку. В частности, Ж.Т. Тощенко отмечает, что если в 1996-1997 гг. требование возрождения СССР звучало как попытка политических сил использовать советский опыт для выхода из кризиса, то в начале – середине 1990-х годов это было похоже на попытку в прямом смысле вернуться в советское прошлое. Примечательно, что во второй половине 1990-х годов до 70% населения в разных регионах России и бывших союзных республиках сожалели о крахе СССР, что близко тому проценту людей, которые на референдуме в марте 1991 г. выразили желание сохранить СССР.

В очередной раз обратимся к вопросу об основных факторах, порождающих интеграционные тенденции на постсоветском пространстве. Во-первых, это разделение труда, структуру которого невозможно было полностью изменить за короткий промежуток времени. Во-вторых, длительное совместное проживание в пределах одного государства, создавшее плотную «ткань взаимоотношений» в разнообразных областях и формах (из-за смешанного населения, смешанных браков, элементов общего культурного пространства, отсутствия языкового барьера, свободного перемещения людей и т.п.). И, наконец, технологическая взаимозависимость, наличие единых технических норм.

Однако интеграционные процессы наталкиваются на противоположные тенденции (центробежные), обусловленные, прежде всего, стремлением национальных элит в бывших советских республиках упрочить суверенитет, укрепить свою государственность. Это нередко рассматривалось ими как без-

условный приоритет, и соображения экономической целесообразности отступали на второй план в том случае, когда интеграционные меры воспринимались как ограничение суверенитета.

Разный уровень готовности бывших советских республик к определенным формам интеграции определялся не столько экономическими, сколько политическими и этническими факторами.

Таким образом, как интеграционные, так и дезинтеграционные тенденции на постсоветском пространстве можно проследить с момента распада СССР. В течение последующего периода, вплоть до настоящего времени, в регионе образовался целый ряд отличных по составу и разновеликих по потенциалу интеграционных объединений, одни из которых носят в большей степени экономический и гуманитарный характер, другие – политический.

НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ОТ СОВЕТСКИХ НАЦИЙ К ПОСТСОВЕТСКИМ НАЦИЯМ-ГОСУДАРСТВАМ

Распад Советского Союза в 1991 году означал, что государство, существовавшее на протяжении 73 лет, как «империя наций», де-юре прекратило свое существование, в то время как независимые, суверенные государства только появились на политической карте мира. Наиболее сложной задачей для молодых республик стало наполнение реальным содержанием понятий «независимость и суверенитет». Внутри этой проблемы страны Центральной Азии столкнулись с задачей скорейшего формирования новых наций на основе подходов, которые должны были бы в корне отличаться от предшествующих принципов.

Долгое время в советской исследовательской литературе существовало представление о союзе республик как новом, наднациональном обществе, дающем всем равные возможности. Именно это представление лежит в основе наших взглядов о природе социалистического интернационализма. Насколько реальными оказались эти представления и какую роль сыграет «советское наследие» в процессе национального строительства в республиках Центральной Азии? Понять, что представляют собой «новые» нации в советских азиатских республиках без обращения к природе современного национализма невозможно. Национальные движения на территории Российской империи еще только набирали силу, когда они столкнулись с проблемой смены политической власти в стране и необходимостью решать собственное политическое будущее. Три российские революции и гражданская война сильно подтолкнули национальные окраины бывшей империи к идее самоопределения.

Сегодня, когда новые независимые республики СНГ празднуют 25 лет своей независимости, вопрос о природе постсоветских идентичностей до сих пор остается актуальным. Гарантия политической и социальной стабильности государства – это

совпадение национальной, политической и культурной идентичностей в одних и тех же политических границах. В процессе формирования постсоветских государств Центральной Азии, однако, данный феномен практически не наблюдался. Мировой опыт строительства наций знает два основных подхода к формированию нации: гражданский и этнический. В первом случае нацию составляют все граждане государства, как это наблюдается, например, в США. Во втором, нация выстраивается на основе государствообразующей этнической группы и наиболее ярким примером подобной практики является Япония. Опыт национального строительства в центрально-азиатских государствах демонстрирует попытки совместить мировые модели формирования наций, объяснить которые можно, лишь обратившись к исследованию огромного пласта социально-экономического и политического взаимодействия народов Центральной Азии в советский период. Именно поэтому доминантой данного исследования становится история формирования наций новых государств с позиций их общего исторического прошлого и огромного влияния советского опыта национально-государственного строительства.

Другой комплекс проблем строительства нации лежит в плоскости взаимоотношений государствообразующей нации и национальных меньшинств. Все пять республик Центральной Азии активно проводят целенаправленную языковую, демографическую и экономическую политику, способствующую усилению позиций основной этнической группы (Brubaker, 1995). Подобная «национализирующаяся политика» относится и к тем странам, которые провозгласили в своих конституциях исторические права титульной нации на это государство, и к тем, чья политика и практика имеют те же цели, однако открыто не показаны в законодательных документах (Mostov, 1994). В этой связи наиболее сложными проблемами независимых государств сегодня является вопросы о том, какую же роль играет и еще будет играть в социальных, культурных и политических процессах в республиках Центральной Азии политика формирования национальной идентичности. Будет ли она способствовать возникновению моноэтнических наций, как это происходит в Туркмении, или же как в Казахстане, будет происходить

процесс становления территориальной нации. Последний опыт закономерно подводит к другой, не менее важной проблеме – о месте и роли национальных республик в составе Советского Союза.

Советские нации Центральной Азии. Тогда каким же образом можно определить место и значение этих государств в составе СССР? Были ли они просто колониальными территориями, управлявшимися так же, как Франция и Англия управляли своими территориями и чье национальное самосознание воспринимало себя, как часть колониальной структуры? В любом случае, природа и форма новых, независимых республик после 1991 года была и есть то, что они представляли собой и какое место, реальное или воображаемое, они занимали в предшествующем политическом образовании. Вопросы, связанные с их положением по отношению к центру, на Западе трактовались как проблемы «колоний», в советской исследовательской литературе они анализировались как «национальные» проблемы социалистического строительства. Главный же вопрос, возникающий в связи с определением основных направлений этих взаимодействий, относится к тому, можем ли мы трактовать СССР, как федерацию, в которой республики были «равными, суверенными субъектами федерации»? Или же, как другие страны Третьего Мира, они являлись частью колониальной империи?

Большинство исследователей сходятся во мнении, что отношения между этническими республиками и центром были и остаются уникальными для XX века (Parrot, 1997). Если мы принимаем эту точку зрения, согласно которой центр доминировал над периферией, советские республики никак не могли быть «равными, суверенными субъектами федерации» (Barkey and Hagen 1997). Скорее, они входили в систему отношений, которая может быть названа «федеральным колониализмом» (Smith 1995). Другими словами можно сказать, что советская федерация не была «федерацией», так же, как и «колониальной империей» в чистом виде, а сочетала элементы, как той, так и другой системы. Соответственно, концепция постсоветских наций должна была учитывать эти особенности и предложить стратегию, отличную от советской. Однако, любое обращение к

принципам колониализма закономерно приводит к проблеме национализма или же к идее как местные националисты выстраивали свои политические программы в контексте отношений колония-метрополия, включая кардинальные вопросы самоопределения.

Самый большой парадокс «социалистического строительства» на территории бывшего Советского Союза состоит в практическом применении принципа самоопределения наций в полиэтнической Российской империи. Несмотря на то, что этот принцип понимался В.И. Лениным как возможность выбора полной политической независимости, он настаивал, что самоопределившиеся народы должны оставаться в составе нового социалистического государства. Именно это положение резко разделило позиции национального движения в разных российских регионах, включая Центральную Азию после событий 1917 года.

Тот тип национализма, который появился в азиатском регионе еще в колониальный период, был национализмом элиты или протонационализмом. Движение «Алаш» и правительство «Алаш», появившиеся в Казахстане в 1917 году, были отражением процесса открытости этой имперской окраины силам модернизации – всеобщему образованию, урбанизации, современной законодательной и административной системе. Элита, представлявшая «сливки» движения «Алаш», получила высшее образование и профессиональную подготовку в Москве и Санкт – Петербурге. Их новые политические идеи были отчасти заимствованы из основных положений либеральной философии Западной Европы. Прежде всего, это касается таких политических прав, как «свободные выборы президента республики или автономии каждые четыре года, равноправие мужчин и женщин, светское государство и т.д. (из программы «Алаш» от IX/1917). Этот элитарный национализм был все еще интегрирован в российское государство, поскольку задачи модернизации не могли быть решены без помощи метрополии, поэтому лояльность Алаш Временному правительству так же, как и антибольшевистским силам, очевидна. Раскол Алаша, произошедший в 1919-1920 гг., – это отражение невозможности решить фундаментальные задачи национального строительства

с терпевшим не только военное поражение, но и идейное, «белым движением».

Для В.И. Ленина и его соратников национализм не был ни чем-то естественным, ни чем-либо неизбежным, но, с другой стороны, они были убеждены, что национализм отражает интересы только лишь буржуазии. Тем не менее, российские марксисты понимали, какой политический потенциал стоит за национализмом, но считали, что он используется тем классом, чьи интересы абсолютно противоположны их собственным. Таким образом, поддержка национальных движений была тактической уступкой классовым интересам пролетариата. В этом контексте идея А. Мотыля о том, что тактическое использование национальных движений являлось реальным наследием идей К. Маркса в политике большевиков, а также других социалистических партий, выглядит вполне правдоподобно (Motyl, 1992).

Такой подход к пониманию природы национализма и необходимость союза с нерусскими народами Российской империи привел к возникновению Советской Российской Республики как союза свободных наций и федерации советских национальных республик.

Неудивительно, что краеугольным камнем построения нового, социалистического в перспективе государства, стал именно национальный принцип, однако советское государство использовало национальности в качестве основной единицы национально-территориальных образований абсолютно не так, как это происходило в других странах.

Во-первых, Советская власть очень четко определила границу между этническими или национальными и территориальными границами. Советский Союз был организован по национально-территориальным единицам в иерархическом порядке, во главе которого стояли 15 союзных республик, а далее располагались автономные регионы (республики, области, округа и края).

Союзные республики стали своеобразными квазинациональными государствами, получившими названия по тем национальным группам, которые, в основном, проживали на этой территории. Национально-государственное размежевание, проведенное в 1920-х годах, стало одним из основных элементов

этой стратегии. Большевистское руководство смешало этнический и территориальный подход, чтобы выработать новую стратегию формирования наций. Помимо национально-государственного размежевания, большевики продвинули идею развития национальной культуры, которая стала краеугольным камнем в этом процессе. Язык играет в процессе формирования нации огромную роль, и развитие литературного языка стало важнейшим фактором в институционализации наций и национальностей в СССР. В конечном итоге, советское правительство сделало национальность основной категорией классификации населения. И, именно национальная принадлежность играла основную роль в распределении ресурсов и возможностей получить образование, работу, войти в номенклатуру и так далее (Martin, 2001).

Интерпретация исторических событий неизбежно ведет к различным спорам и дискуссиям. Национальная политика партии большевиков, в целом, и национальное размежевание, в частности, не является исключением. Советские и зарубежные историки, в основном, дискутируют по проблеме совпадения вновь созданных национальных групп с идентичностями, существовавшими до размежевания 1924 года. Советские исследователи настаивают, что эти границы были проведены по принципу компактного проживания этнических групп, для сторонников «разделительной» теории делимитация осуществлялась произвольно, не совпадая с существующими этническими группами. Начиная с конца 1980-х годов, западные историки подвергают критике подход, основанный на преувеличенном значении фактора «советских мусульман» (Khalib, 1999).

Эта группа исследователей считала, что те модернизационные процессы, которые были запущены еще в период Российской империи, уже к началу 1920-х годов привели к формированию устойчивых идентичностей (Hirsch, 2005). Границы вновь образованных республик были проведены именно в пределах существования этих идентичностей. Д. Карлис показал в своей работе, что местная элита, быстро поняв значение тех или иных политических фигур в Москве, сделала акцент на сотрудничестве с Центром для осуществления проекта создания национальных республик (Naugen, 2003). Несмотря на то, что

идеи образования государства, объединенного идеологией джадидов, общей культурой и этническим (тюркским) происхождением, были особенно популярны в Центральной Азии в начале 1920-х годов, национальные элиты, включая Ф. Ходжаева и его последователей, смогли извлечь выгоды для объединения именно своих этнических групп. Например, среди этнических групп афганско-российского приграничья культивировалась идея провозглашения независимого государства, объединяющего туркмен Бухары, Закаспия, Хивы и Персии. В 1919 году российско-афганские противоречия по поводу среднеазиатских территорий достигли такой остроты, что глава МИДа Афганистана Махмуд Тарзи предложил англичанам поддержать идею создания буферного государства между Афганистаном и Россией (Marwat, 1997).

История формирования «советских наций» в азиатских республиках – вопрос крайне сложный и запутанный, поскольку соседи по региону оказывали сильное влияние на ситуацию внутри этих новых государственных образований. Так, формально независимое существование среднеазиатских республик, той же Бухарской Народной Советской Республики, давало возможность их мусульманским соседям вмешиваться во внутренние дела. Ф. Ходжаев, выступая на III Всебухарском курултае, докладывал о желании афганцев «установить в крупных городах Бухары религиозные представительства для контроля над тем, совершает ли население намазы или нет» (Бойко, 2004).

Однако существовали и внутренние факторы, связанные с характером политических режимов республик Центральной Азии. До 1924 года существовали две разновидности советской государственности – социалистическая в Туркестанской АССР, которая входила в состав РСФСР, и народно-советская в Бухарской и Хорезмской республиках, представлявших собой суверенные государства и имевшие договорные отношения с РСФСР (Масов, 1991). Для руководства Туркестанской АССР более характерны симпатии к Турции, дополненные этническим моментом, объединением всех тюркоязычных народов. Панисламисты же, напротив, больше полагались на помощь Афганистана и некоторых арабских стран. Что же касается симпатий панисламистов, то они больше ориентировались на Афганистан

и некоторые арабские страны. Т. Рыскулов, например, полемизируя с В.И. Лениным по поводу положения дел в Туркестане, высказывал мнение о том, что бороться с «пантюркизмом и панисламизмом» не нужно, поскольку эти идеи близки населению Востока. Именно группа Т. Рыскулова упорно проводила в жизнь этот принцип. Кульминацией такой целенаправленной политики становится провозглашение III краевой мусульманской коммунистической конференцией РКП (б) и V Краевой конференцией РКП (б) Туркестанской республики – республикой тюркских народов, а Туркестанской компартии – Тюркской коммунистической партией в 1920 году (Масов, 1991). Г. Сафаров, один из крупнейших деятелей Туркестанской АССР, позднее отмечал: «Пантюркисты «историческое деление» тюрков на татар, киргиз, туркмен, башкир, казахов и т.д. объявляли искусственным делением, и все стремления к подлинно национальному самоопределению татарских, киргизских и туркменских масс признавали «неправильным» с точки зрения якобы национального единства всех тюркских народов» (Сафаров, 1921).

Подтверждением этого тезиса служит политика среднеазиатской и казахской элиты по отношению к Временному правительству. 4 – 8 апреля 1917 года в Ташкенте состоялся первый конгресс мусульман Туркестана. Конгресс, обсудив вопрос о будущем государственном устройстве России, постановил, что Россия должна стать демократической республикой, а Туркестан должен получить территориальную автономию, главой которого был выбран Мустафа Чокай. Временное правительство никакого решения по этой проблеме не приняло (Науит, 1956).

Кроме того, ситуация в Туркестане осложнялась противоречиями между русскоязычными руководителями республики и представителями местного населения. Желание создать Тюркскую республику диктовалось необходимостью сплотить тюркоязычное население, что привело бы в дальнейшем к большей независимости от Москвы. Надо сказать, что и В.И. Ленин, обращаясь к теме национального строительства в регионе еще в 1920 году, не был уверен в необходимости разделения Туркестана на отдельные национальные образования. В примечаниях к

проекту ЦК по Туркестану он оговаривал две возможности: «детальнее выяснить условия слияния или разделения этих трех частей (Узбекии, Киргизии, Туркмении – В.Л.)» (Ленин, 1981).

Национальное строительство осложнялось тем, что на руководящую работу в республиках принимались не по способностям, а по национальной принадлежности, причем, представителей тех национальностей, которые доминировали в регионе в культурном и экономическом отношении. Неудивительно, что «национализм, принимавший тогда форму узбекского шовинизма (в Бухаре, Хорезме и др.), являлся основным идейным препятствием на пути выращивания марксистских кадров» (Турсунов 1957). Для политических интересов Москвы активизация подобных тенденций сказалась бы потерей влияния в республиках Средней Азии и Туркестане. Возможно, Москва бы приняла существование единой Тюркской республики, однако, сама же, парадоксальным образом, способствовала развитию такого политического феномена, как национализм меньшинств.

Размежевание: причины и итоги

Без сомнения, национальные процессы, происходившие в Центральной Азии в 1920-е годы, подходят под определения национализма меньшинств. Вероятнее всего, то, что мы видим на примере создания центрально-азиатских национальных республик, может быть лучше всего объяснено с помощью концепции Р. Брубейкера по национализму.

Брубейкер выделяет три типа национализма, связанных в некую единую систему. Во-первых, это «национализирующийся» национализм новых независимых государств. В этих государствах существует жесткое разделение между титульной нацией и всеми остальными гражданами. «Национализирующееся» государство тесно связано с предыдущим, которое видится легитимным предшественником новой, вновь возникшей страны. Второй носит название «трансграничного национализма» и является подтверждением прав и обязанностей государства по защите интересов граждан, принадлежащих к титульной нации, вне зависимости от того, где они проживают, в своей стране или за рубежом. Третий представляет собой национализм меньшинств, который позволяет им выступать в защиту своих прав. Позиции этих групп населения тесно свя-

заны с деятельностью «национализирующегося» государства, внутри которого они формируют свое национальное меньшинство (Brubaker, 1995).

Вероятно, что казахи и туркмены, проживавшие на территории Туркестанской АССР, чувствовали себя национальными меньшинствами и защищали свои интересы. Туркмены, проживавшие на территории Хорезма и Бухары, чувствовали, что здесь они не смогут получить равные с другими национальными группами доступ к политической власти и к экономическим ресурсам. Именно это видение – истинное или ложное – того положения дел, которое существует в «национализирующемся» государстве и формирует сознание национального меньшинства. С точки зрения меньшинства, в государствах Бухары и Хорезма доминирующее положение занимали группы узбеков и таджиков, которые и проводили свои интересы в жизнь за счет интересов других групп (туркмен). По их мнению, решение проблемы включало в себя либо образование автономии на территории республик, либо отделение с образование своего собственного государства. Точно также ситуация обстояла и с казахами, которые чувствовали себя меньшинством в этих республиках. По национально-государственному размежеванию 1924-1925 годов из бывшей Туркестанской АССР в состав Узбекистана перешло 2,827,392 человека, Бухарская и Хорезмская часть республики составили в общей сложности 2,197,765 человек. Именно из Туркестанской АССР перешло значительное количество национальных меньшинств (ЦГА РК., Ф. 548).

В связи с этим, возникает закономерный вопрос: что же имеется в виду, когда меньшинства выражают требование получить «равный доступ» к тем или иным ресурсам? Наибольшую роль в процессе формирования этих требований сыграли идеи большевиков о равенстве всех наций. Когда большевики выдвигали этот лозунг, то, прежде всего, имелось в виду неравенство русского и нерусского населения Центральной Азии. Однако содержание этого лозунга для большинства включало понятие невозможности подавления интересов слабой нации более сильной. Так, возникло понимание большевистской национальной политики, как политики, препятствующей подавлению интересов одной нации другой. Именно то обстоятельство, что ло-

зунг равенства наций был перенесен на территорию Туркестана, Бухары и Хорезма, что совсем не предусматривалось до событий 1917 года, и стало катализатором так называемого национализма меньшинств. Так и появились территориальные требования со стороны казахов и туркмен, а, самое главное, тем самым было положено начало процессу легитимизации прав национальных меньшинств в советской Центральной Азии, т.е. формирования национально-этнических республик.

Следующая группа факторов, закрепивших советскую модель нации, связана с политикой коренизации, языковой политикой и началом мощных модернизационных процессов, запущенных в годы сталинских пятилеток. Краеугольным камнем модернизации стала новая советская система образования. Задачи образования, по генеральному плану Советской власти, включали в себя обучение не только на русском, но и на местных языках. В январе 1923 года Исполнительное Бюро ЦК Компартии Туркестана приняло резолюцию, содержащее такой любопытный отрывок. «Принимая во внимание, что культурное развитие местного населения должно идти в соответствии с развитием национальной культуры, предлагается ввести русский язык только для среднего и высшего образования и только там, где для обучения на местном языке нет соответствующих условий и подготовленных кадров. В первые три года, на этапе начального образования, обучение должно вестись на *местном языке*» (Naugen, 2003, P. 127).

Результаты размежевания 1920-х годов окончательно закрепили советский принцип формирования наций – этнические группы, проживавшие на определенной территории, имеют право на свои национально-государственные образования. Именно этим фактом объясняется учреждение Центральной Административной Комиссии, взявшей за основу административного строительства национальный состав административно-национальных образований, а уже затем их «экономические особенности» и влияние «соседних республик».

Основные линии национальных конфликтов 1923-1924 гг. в Туркестане, Бухаре и Хорезме проходили между узбеками и таджиками, узбеками и казахами, а также между туркменами и узбеками. Именно эти противоречия привели к появлению

предложений по разделу территории республики между представителями различных национальных групп. В декабре 1923 года в Центральном Азиатском Бюро было получено письмо, подписанное 30 «ответственными киргизскими (казахскими) работниками» Туркестанской АССР. Наиболее влиятельными и уважаемыми среди них были Т. Рыскулов (председатель Туркестанского Совнаркома), С. Ходжанов, С. Асфендияров, М. Сергазиев. Это письмо выглядело ходатайством казахского народа, в котором были изложены жалобы на неравное положение казахов в республике, поскольку основные позиции принадлежали узбекам, а, следовательно, экономическое и политическое развитие республики было направлено, в первую очередь, на удовлетворение их потребностей (India Office Record. Foreign Office). Те предложения, которые содержались в письме, большей частью были осуществлены в процессе делимитации 1924 года. Процесс делимитации проходил под знаком требований меньшинств о предоставлении им равных с другими национальностями возможностей, в первую очередь, в области образования, внедрения родного языка и доступа к советским и партийным должностям, что гарантировало бы защиту интересов своей нации на государственном уровне. Кстати, такой интересный факт, как упоминание И.В. Сталиным в беседе с Б. Г. Гафуровым, руководителем Таджикской ССР, о том, что создание в 1924 году этой республики тормозилось самими таджиками, говорит о многом (Масов, 1991, С. 25).

Кроме того, за исключением Казахской ССР, включавшей большинство казахского населения, остальная часть Центральной Азии оказалась разделенной на многонациональные территориальные образования. Хорезм и оставшаяся часть Каспия были включены в Туркменскую АССР, Узбекистан получил остальные районы Каспия, Самарканда, Ферганскую долину и большую часть Бухары. Бухарская Народная республика вошла в состав Узбекистана в качестве автономной республики Таджикистан¹. Создание таких этно-территориальных единиц легло в основу национальных групп, соединивших свою легитимность с республиканским статусом. Однако эти же обстоятельства и

¹ ЦГА РК, Ф. 548.

позволили усилить национализм меньшинств. Официально признанные национальности Центральной Азии, иногда поощряемые сверху, а чаще по своей инициативе начали предлагать новые границы для своих республик, претендуя на земли своих соседей. Фактически процесс формирования границ завершился лишь в конце 1920-х гг. Можно сказать, что именно национализм меньшинств становится основным политическим принципом в действиях руководства новых национальных образований, стремящихся добиться для своих республик наиболее благоприятных условий.

Однако самая сложная задача стояла на пути создания национальной истории в рамках политико-административных границ советского периода, поскольку требовалось вписать историю определенной нации или национальности в строго очерченные, во избежание политических сложностей, границы государства. Национальная история – один из важнейших элементов нации, который обеспечивает чувство уважения за свое общее прошлое, а, значит, и чувство уверенности в своем будущем. Создание официальной историографии представляло собой сложный процесс, который тщательно отслеживался Москвой и республиканскими властями. Руководители республик зачастую прямо указывали, каких исторических личностей и в каком ракурсе необходимо представить в новой национальной истории. Пожалуй, переосмысление национальной истории азиатских республик бывшего СССР начинается с пересмотра этого списка или с переосмысления принципов, согласно которым отдельные личности входят в историю. Сегодня историки, пытаясь очертить отдельные национальные истории, отдаляются от регионального контекста, что сужает как поле приложения исторических знаний, так и возможность перейти на более высокий уровень теоретического осмысления прошедших событий.

Наряду с этими сложными преобразованиями советское правительство параллельно начала политику легитимизации новых границ. Эта новая стратегия была сфокусирована на процессе модернизации, которая значительно увеличила влияние Советской власти. Тезис об «отсталости» национальных окраин Российской империи объяснялся не только западно-

ориентированной программой большевиков, он также был нацелен на привязку республик к метрополии не только экономически, но и культурно. По мнению большевиков, делимитация означала стратегию преодоления клановой и племенной организации центрально-азиатского общества. Однако желание Советского правительства было не единственной движущей силой в развитии «разделительной теории», большей частью аргументы в пользу делимитации выстраивались на понимании возможных последствий национального размежевания. Например, Каррер Д'Анкос считала, что реорганизация Центральной Азии привела к тому, что казахи, киргизы и узбеки начали бороться за большие территории своих республик. В продолжение этой мысли Оливер Рой выдвинул тезис о том, что самая большая победа И.В. Сталина состояла в том, что он заставил среднеазиатскую интеллигенцию защищать свой язык и «нацию» в противовес влиянию соседей. Таким образом, именно Москва стала арбитром и центром, к которому апеллировали при возникновении конфликтов.

Основной пункт, по которому расходятся взгляды советских и зарубежных историков, это совпадают ли вновь созданные национальные группы с идентичностями, существовавшими до размежевания 1924 года. Советские исследователи настаивают, что это границы были проведены по принципу компактного проживания этнических групп, для сторонников «разделительной» теории делимитация осуществлялась произвольно, не совпадая с существующими этническими группами (Абашин, 2007).

По мнению западных исследователей, делимитация была кульминационным моментом в политической игре соперничающих между собой местных элит и московскими правящими кругами. Разделение между местными жителями «было, без всяких сомнений, этническим по своей природе; но конфликтующие идентичности были, в сущности, политическими, и они-то и создали патриотизм, который был также региональным или геополитическим, но не чисто «национальным» [Parrot, 1997, P. 25]. Вероятно, это фундаментально важное утверждение для понимания природы дальнейшего национально-государственного развития республик. Чисто этническая программа для

определения территории проживания была, в принципе, неосуществима. К 1924 году для Москвы стало ясно, что джадидизм, также как и пантюркизм, используются местной политической элитой для реализации своих собственных планов.

Д. Карлис был убежден, что один из главных ключей к делимитации лежит между пониманием позиций джадидизма Бухары и тех привилегий, которые смогли из этого извлечь Ф. Ходжаев и его последователи. Этот подход идет вразрез со взглядами Э. Алсворта, который подчеркивает, что Москва действовала через Бухару, чтобы показать делимитацию как результат действия инициативы местных политических групп. Д. Карлис утверждает, что Узбекская ССР была выстроена на основе Великой Бухары, что показывало преемственность в политическом смысле и, в то же время, отражало влияние местной политической элиты.

Согласно одной из наиболее распространенных концепций по проблемам делимитации границ центрально-азиатских республик, как только местная элита соединила процесс проведения национальных границ со своими политическими амбициями, связь между политикой и национальными идентичностями становится жестко прагматичной. Однако эта интерпретация выглядит не совсем убедительной, так как присутствие только личных и политических целей недостаточно для успешного хода процесса национального строительства. Тем не менее, сбрасывать со счетов подобное объяснение процесса размежевания азиатских республик не следует.

Первый пример такого рода подали туркмены, проживавшие на территории Бухары. С 1921 года в составе Бухарского ЦИК было Туркменское отделение, которое проявляло постоянное недовольство положением дел внутри республики по отношению к туркменскому населению. В мае 1923 года Туркменское отделение посылает письмо к Айтакову, позднее члену ЦИК Туркестанской АССР. «Большинство населения, проживающее вдоль Амударьи в районах Кирки, Чарджоу и Термез являются туркменами. Они еще с давних времен подвергались преследованиям со стороны эмира Бухары. После революции наш народ взял власть в свои руки, но другие народы республики (узбеки и таджики) не желают создавать каких-либо

условий для развития туркменского народа. Они не только не сделали ничего, но и намеренно создают препятствия на нашем пути. Например, сейчас Бухара страдает от чумы, самой страшной из всех болезней, и, в это время туркмены оказались исключенными из всех социальных, политических и экономических процессов. Та часть туркменской молодежи, которая желает участвовать в советском строительстве, просто игнорируется. Узбеки и таджики культивируют такое разделение и используют его в своих интересах» [Науген, 2003, Р. 116].

Именно недовольство туркменского отделения Бухарского ЦИК было озвучено на IV конференции народов Бухары в сентябре 1923 года. Здесь были предъявлены требования об открытии школ на туркменском языке, и, во-вторых, предоставить доступ к земельным и водным ресурсам туркменскому населению, а также равные права с остальными народностями республики. Но, как бы то ни было, решение о проведении этих мер в жизнь так и осталось на бумаге.

Национальные проблемы в политической жизни азиатских республик не ограничивались только Бухарой и Хорезмом. Такие же национальные противоречия были характерны для Туркестанской АССР, что привело позднее к появлению предложений по разделу территории республики между представителями различных национальных групп.

Следует отметить тот факт, что в этот период времени, как и в предыдущие десятилетия, Туркестан характеризовался двумя особенностями социально-экономического развития. Во-первых, это было связано с особой ролью городов в регионе, а, во-вторых, с совпадением экономических форм хозяйственной жизни с территориальным расселением определенных этнических групп. До российского завоевания Туркестана, города играли роль политических, экономических и религиозных центров, где проживала доминирующая группа населения. Следовательно, доминирование городского населения над сельскими жителями определяло и позиции превосходства одной нации над другой. Именно поэтому, между различными народностями Туркестана существовал такой глубокий антагонизм. В его основе лежали различные формы хозяйственной жизни, определявшие глубокие культурные, социальные и политические противоречия

проживавших здесь народностей. Это фактор, кстати, также попутно объясняет отсутствие так называемого «мусульманского единства» на территории Туркестана как в царские времена, так и в советский период.

Ключевым моментом для понимания происходивших процессов является понимание того, что, если в первые годы после событий 1917 года национальный вопрос ставился в контексте революции, то введение НЭПа заставило правительство приступить вплотную к решению насущных национальных проблем. Происходило это именно потому, что «смычка между городом и деревней», как важнейшая экономическая задача, буксовала вследствие этнических и национальных конфликтов. Новая экономическая политика оказалась особенно тяжелой для казахского и туркменского народов, поскольку они были наиболее неразвитой частью населения Туркестана в экономическом отношении. В результате, казахи и туркмены оказались в более тяжелой ситуации, чем городское население, где, в основном, проживали узбеки. Проведенные Советской властью мероприятия в области ирригации и в производстве хлопка оказались наиболее выгодными для городского населения, вернее, наиболее зажиточной его части, а сельское население практически не получало дивидендов от новой экономической политики, что усугублялось лидирующим положением одной национальной группы, в основном, узбеков (Keller, 2003).

В письмах, приходивших от представителей других этнических групп, приводились различные случаи, свидетельствующие о культурных разногласиях. Например, «*улема*, вовлеченные Советской властью в процесс образования местного населения, насаждали среди казахов шариат в качестве основного закона», и примеров подобного рода приводилось множество. Основной возможностью решения назревших конфликтов авторы письма считали осуществление на практике «национальных прав», т.е. увеличение казахов и туркмен в партийных и государственных органах Туркестана, а, следовательно, увеличение сферы применения казахского и туркменского языков в делопроизводстве и системе образования, что решило бы некоторые проблемы сельского населения республики.

Вторым решающим моментом многочисленных петиций является то, что можно назвать «национализацией политических

разногласий». Например, в вышеприведенном отрывке из письма казахских государственных работников М. Сергазиев указывает на недопустимость доминирования одной национальной группы, без учета объективных обстоятельств, например, итогов последней переписи, по которой казахи и туркмены вполне могут претендовать на отдельные автономные территории расселения. Он считал необходимым немедленный раздел Туркестана на две республики – Казахскую и Узбекскую, так как конфликт из партийных и правительственных кругов мог очень быстро перейти в территориальный, следствием которого стали бы массовые жертвы среди казахов и узбеков. Разумеется, необходимо отметить следующий сложный момент национального строительства в Туркестане, а именно, его полиэтническую структуру, что сильно затрудняло проведение четких национальных границ.

Заявление Москвы о том, что процесс делимитации 1924 года был реализацией «национальных требований» центрально-азиатских республик основано на различных документах, где изложены просьбы местного населения. Например, в январе 1921 года около 600 делегатов Областной Казахской конференции, проходившей в Аулие-Ата, подняли вопрос о присоединении Сырдарьинской и Семиреченской областей к Казахской АССР. Такие же просьбы были направлены в ЦК РКП(б) и ВЦИК в Москву в 1922 и 1923 годах.

В конечном итоге делимитация 1924 года привела к созданию национально-территориально республик, ставших фундаментом для формирования политического национализма. Конечно, этот процесс растянулся на долгие десятилетия, однако траектория движения к современному национальному государству была задана этими решениями Москвы.

Легитимизация национального государства: советский опыт

Сегодня в мире доминирует тип государства, который предполагает наличие такого политического феномена, как народный суверенитет и самоопределение наций. В этом контексте

современные государственные образования можно разделить на «легитимные» и «нелегитимные». «Легитимное» государство предполагает ситуацию, в которой государство и нация совпадают, в случае «нелегитимных» государств на территории страны проживают представители двух или более наций. Именно этот факт предопределяет фундаментальные различия в развитии различных типов национализма.

В первом случае, т.е. когда государство и нация существуют в единых границах, мы наблюдаем национализм, который государство использует в качестве средства гомогенизации населения и, таким образом, усиливает взаимосвязи граждан друг с другом. Разумеется, эта связь не может быть сведена лишь к политической, но именно на этой политической основе мы можем отследить многообразные отношения, которые вычлениваются из самой идеи формирования нации. На этой же основе строится та общность людей, которая разделяет друг с другом следующие институты: культуру, территорию, экономику, язык, религию и т.д. Результатом всего этого и становится процесс создания некой персональности – «француз» или «русский», что подчеркивает характерные черты граждан данной страны, отличающие их от всех других людей. В этом процессе национализм использует уже существующие элементы культуры данной нации, но он не просто возрождает традиции, он их трансформирует и вводит в общество в новом качестве.

Советская национальная политика выглядит совершенно иначе. Прежде всего, в реальности Советский Союз никогда не выстраивался, как национальное государство. Это не было неизбежным и автоматическим результатом национального разнообразия государства, в случае очень многих пост – колониальных африканских стран провозглашались национальные государства, а ведь там проживало большое количество разных этнических групп (Smith, 1983). В случае с Советским Союзом проблема скорее происходила из той формы, в которую было облечено национальное разнообразие и каким образом оно соответствовало политическому устройству государства.

По логике вещей советское правительство должно было бы на соответствующих территориях образовать национальное государство. Тогда это было бы советское национальное госу-

дарство, образованное на основе новой *советской нации* или русское национальное государство. Однако они поступили совершенно иначе. С одной стороны, советское руководство довольно тщательно отработывало идею советской нации. Именно этим объясняется появление в 1960 – 1970-х годах доктрины «советского народа» как новой исторической общности. Но эта новая, зарождающаяся общность стала по своему характеру не национальной, а наднациональной (Nahaylo, Swoboda, 1990). Это наднациональное образование не могло стать достаточно крепким, поскольку внутри его разъедали нации, к этому времени окрепшие в национальных республиках. Национально-государственное строительство стало, преимущественно, делом республик, не распространяя его на общегосударственный уровень. Разумеется, попытки правительства и партийных органов создать подобную общность имели довольно заметные результаты, но это больше касалось проблемы гражданства и сферы культурного развития.

С другой стороны, СССР никогда и не создавался, как Российское национальное государство. Тем не менее, русские занимали ключевые посты в партийных и государственных органах, а, главное, русский язык был основным государственным языком (Motyl, 1987). Однако этот факт отнюдь не означал создания русского национального государства. Некоторые характерные особенности советской национальной политики не могут, причем радикально, входить в структуру национального государства. Прежде всего, это относится к советской системе этно-территориального федерализма, следствием чего стало фактическое оформление национальных республик в национальное государств. Политика Москвы на деле заново создала многие национальные языки, используя кириллицу, национальную интеллигенцию и главное, готовый бюрократический и административный аппарат, способный на начальном этапе независимости использовать наработанный опыт управления.

Таким образом, ни в теории, ни на практике Советский Союз не стал национальным государством. Феномен СССР состоит в том, что ни гражданство, ни государство не были определены, как национальные, но его составные части, напротив, стали национальными. Особенностью советской национальной

политики стало замена понятия национальности и нации с уровня государственного на уровень субгосударственный (Simon, 1991).

Ключевыми для понимания этих процессов, как перехода к государственному национализму, по крайней мере, в республиках Центральной Азии являются 1960 – 80-е годы. Именно в этот период местные элиты, пользуясь поддержкой большинства национального населения, выстраивают нации азиатских республик как этнические. Многонациональный состав республик отнюдь не может стать препятствием для формирования программы политического национализма, поскольку неофициально считается, что многие этнические группы имеют свою «национальную» республику, не претендуя, таким образом, на право вписаться в этническую нацию. Неофициально на территории СССР появлялись параллельные нации: территориальная, которую можно также охарактеризовать как наднациональную *советскую* и этнические, которые воспринимались, как легитимные внутри территорий своих республик.

Здесь приводятся случаи, которые иллюстрируют, что подобные настроения стали широко распространены в регионе уже в 1960-е годы. В июне 1962 года в выступлении первого секретаря компартии Узбекистана прозвучала жалоба на то, что в письме, недавно им полученном, содержалась грязная клевета на национальную политику Советской республиканской власти. Студент Ташкентского Педагогического института написал, что «процесс «узбекизации» предполагает, что коренное население должно находиться во главе партийных и административных организаций. «Однако, – продолжил он, – на деле, в республике узбеки являются «пастухами», а погоняют ими русские»¹. Разумеется, автор письма был строго наказан, однако сам факт обращения к первому секретарю с подобными замечаниями означал, что обстановка в республиках действительно накаляется.

В 1971 году в Центральном Комитете Казахстана произошло событие, которое оказалось иллюстративным в отношении формирования более «либеральной политики» по отно-

¹ RFE/RL Research Institute, Nationalism: National Minorities. – С. 4.

шению к национальным республикам, в число которых входил и Казахстан. В марте 1971 года, накануне открытия партийного съезда в республике, «Казахстанская правда» сообщила о том, что второй секретарь ЦК КП Казахстана В.Н. Титов уходит с поста в связи с переходом на другую работу. По решению Пленума на этот пост был назначен В.К. Месяц, причем с официальным подсчетом голосов, что было не совсем обычной процедурой в этот период. Вероятно, перед началом партийного съезда, во избежание каких-либо осложнений, следовало убрать В.Н. Титова так, чтобы не возникло вопросов.

Этот случай выглядел абсолютно экстраординарным, поскольку состав секретариата, накануне съезда, до этого изменениям не подвергался. Наиболее вероятный вариант событий выглядел следующим образом: В.Н. Титов остается на этом посту до конца съезда, а затем, по официальной процедуре, будет переведен на другую должность. Однако этого не произошло, а значит, кто-то очень сильно не хотел, чтобы В.Н. Титов оставался на этом посту и принимал, а, возможно, и влиял на решения съезда и выборы главы республики. Скорее всего, все эти вопросы были немедленно сняты с повестки дня, как только стало известно, что В.К. Месяц входит в команду Л.И. Брежнева.

Начало 1970-х годов является поворотным моментом во взаимоотношениях Центра и национальных республик. Во-первых, в большинстве из них, благодаря относительно высоким темпам экономического развития, появилась не только культурная и научная элита, но и определился статус республики в экономическом разделении труда. Казахстан, сохранявший свою сырьевую направленность, благодаря целине, становится и поставщиком зерна, став, таким образом, следующей за Россией и Украиной по значению республикой. Последовавший за этими событиями ввод Д.А. Кунаева в Политбюро КПСС означал, что брежневское руководство делает особый упор на отношения с приближенными главами нескольких республик. В свете этого становятся понятны такие цифры, которые показывают, как национальная элита стала преобладать в определенных сферах.

Поскольку казахи, как и другие народы Центральной Азии, в которых процветала вербальная культура, всегда отдавали

предпочтение литературе и поэзии, то, например, казахи составляли большинство опубликованных авторов в республике – 82%, причем публиковались они на двух языках (русском и казахском). Точно так же, более 94% композиторов, состоящих в Союзе этой организации, составляли казахи. Интересная деталь: почти все скульпторы в республике также принадлежали к титульной нации. Все эти цифры даются на основании сведений министерства культуры Казахстана¹.

Отношение прессы, телевидения и средств массовой информации к представителям титульной нации выглядело более мягким. Очень редко допускались статьи, критикующие состояние национальной культуры или же казахов-рабочих. Данный случай описан в статье П.А. Дерезинского, посвященного его воспоминаниям о работе в Алма-Ате в Казахстане в качестве директора спортивных программ Казахского радио. В 1982 году он вместе с семьей покинул Советский Союз и продолжил свою карьеру на радио «Свобода».

В 1980 году в «Казахстанской правде» была опубликована статья о совхозе «Ленинский» (северный Казахстан), который собрал рекордно низкий урожай зерновых – 800 кг с гектара. Государственная комиссия по результатам проверки пришла к выводу, что виновны в этом директор совхоза и главный агроном – оба казахи. Однако в самой статье речь пошла о двух совхозных бригадирах – В. Куропаткине и А. Апельганезе, которые и были в результате осуждены на три года лишения свободы. Этот факт подтверждает вывод о том, что межнациональные отношения начали поворачиваться в другую сторону².

Усиление позиций представителей титульной нации диктовали совсем другую стратегию защиты национальных интересов. Любопытно, что с приходом Д.А. Кунаева на пост главы государства начался обратный процесс вытеснения русскоязычного населения из всех важных государственных секторов и замена их казахским населением. Накануне событий 1991 года и последовавшего за этим распада СССР, Казахстан находился в

¹ RFE/RL Research Institute, Kazakhstan

² RFE/RL Research Institute, Kazakhstan. – С. 9.

довольно сложной ситуации. Даже в 1995 году казахи составляли не более 47% населения республики, а это означало, что основные сложности в случае провозглашения суверенной республики будут связаны с определением статуса государственного языка. По конституции 1993 года, русский язык оставался официальным, а казахский – единственным «государственным языком» в республике.

Парадоксы постсоветского нациестроительства

«Казахские националисты» видели во внедрении русского языка в качестве государственного основную угрозу для возрождения и увеличения роли казахского языка в республике. Их оппоненты считали, что введение двух государственных языков, напротив, не будет иметь такого негативного последствия. В конечном итоге, вопрос о статусе и, главное, месте и роли русского языка стал частью программы по нациестроительству, в котором русскоязычному населению отводилась важная роль. Если бы положение о двух государственных языках сохранилось в конституции, то нация бы трансформировалась, с большей долей вероятности, в сторону территориальной. Наличие двух функционирующих языков неизбежно сопровождалось бы наличием двух культур. Для русскоязычного населения территориальная нация стала бы наилучшим решением в условиях многонационального общества. Однако, как представляется, для казахскоязычного населения выбор однозначно должен быть сделан в пользу этнической нации, который не только «легитимизирует нацию», но и позволит избежать каких-либо конфликтных ситуаций в будущем. Однако проблема этнических наций, которая практически реализована в Туркменистане, Узбекистане, Таджикистане и начинает приобретать реальные очертания в Казахстане и в Кыргызстане, ставит перед исследователями более сложные задачи. Какими будут в дальнейшем отношения двух языков, культур и насколько острыми станут вопросы колониальной зависимости, в том числе и то, в каком ракурсе будет рассматриваться советская история республик Центральной Азии.

Анализируя прошедшие 25 лет независимого существования постсоветских республик Центральной Азии, приходишь к выводу, что колониальный и постколониальный дискурс стал центральной осью формирования национального нарратива

практически во всех азиатских республиках. Взрыв исследовательского интереса к постколониальной теории в 2000-е годы – это скорее отражение интереса к проблеме доминирования (Heathershaw, 2010, Adams 2005; Kandiyoti, 2002) и, соответственно, полного дистанцирования от бывшей метрополии, следуя логике, заданной колониальной проблематикой. Именно это определяет возможность использования этой теории не только к процессам, происходящим в контексте причинно-следственных связей, но и к таким сферам, как культура и литература и, в первую очередь, – к проблемам языка.

В целом, если мы говорим о влиянии постколониальной теории, мы можем, прежде всего, трактовать ее как уход «третьего мира» от тех парадигм развития, которые были заданы «западным миром» (Philosophical Dictionary). В широком смысле, процессы нациестроительства в республиках Центральной Азии могут рассматриваться как уход от «западной» советской парадигмы развития.

Распад Советского Союза в 1991 году выдвинул в качестве первоочередной задачу формирования государства и нации. Вопрос в том, какого государства и какой нации?

Возвращаясь к проблеме постколониальной тематики в исследовательской литературе, как казахстанской, так и зарубежной, необходимо подробнее остановиться на следующем. Как указывает Чаттерджи, в колониальных обществах сфера политики находилась под контролем колонизаторов, в то время как колонизируемые были вытеснены из этой области, что объяснялось спецификой этих обществ (Chatterji, 1993). Именно поэтому рефлексии колонизируемых обществ были больше направлены не в политическую, а в литературно-публицистическую область. Парадоксы советского нациестроительства как раз и состояли в том, что они одновременно выполняли и задачи антиколониальной направленности. Это и равноправие наций и этнических групп, гендерное равноправие, которое сопровождалось мощным взлетом национальных культур.

После распада Советского Союза заданная линия продолжает существовать, лишь поменяв вектор антиколониальной направленности. В реальности, большинство из заявленных антиколониальных задач были решены еще в советский период

времени. Однако сам подход к решению политических проблем существенных изменений не претерпел.

Исследователи, которые задаются вопросом, какие именно новые подходы были выработаны новыми независимыми государствами, будут удивлены, заметив насколько похожи практики нациестроительства в советский и постсоветский период, разумеется с поправкой на реалии XXI века.

Но какие же новые подходы к изучению проблем Центральной Азии могут быть предложены сегодня? Б. Дэйв в своей книге (Dave, 2007) о современных процессах нациестроительства в Казахстане утверждает, что процесс деколонизации должен включать критику когнитивных подходов советского периода по формированию наций. Однако сегодня в независимых республиках Центральной Азии наблюдается то, что Чаттерджи метко назвал так называемым «деривативным дискурсом» (Chatterjee 1993). В социальных науках до сих пор преобладает примордиализм, который доминирует в большинстве исследовательских работ по данной проблематике. Возможно, такая медленная трансформация взглядов на процессы формирования наций объясняется тем, что в советский период доминировали концепции, одобренные центральными исследовательскими институтами, в то время как фокус национально-этнического дискурса уходил в публицистику и литературу. Вероятно, потребуется гораздо больше времени и усилий, чтобы социальные науки стали самостоятельными и от советских и от западных подходов, чтобы создать некий симбиоз для анализа процессов, происходящих в регионе.

Новая парадигма формирования нации должна быть увязана с процессами глобализации, которые оказывают большое давление на политику государства. Однако последнее десятилетие демонстрирует, что процессы интеграции также должны учитываться при выработке концепции нации. Мы недооцениваем либо же игнорируем тот факт, что СССР создавался как проект интеграции – политической и экономической, который прошел проверку Второй мировой войной и послевоенными десятилетиями. Думается, что экономическая заинтересованность в сотрудничестве между республиками оставалась до самого конца существования СССР, однако стремление к политической независимости в большинстве республик завершило этот проект.

Тем не менее, возвращаясь к постколониальному дискурсу в современном нацистроительстве в республиках Центральной Азии, следует упомянуть ту особую роль, которая была сыграна националистическим направлением в литературе и публицистике.

Это очень сложный и неоднозначный процесс, который требует новых теоретических подходов и методов исследования. Часть проблемы заключается в том, что то, что можно назвать «постколониальной реальностью», т.е. советским временем, стало воплощением «империализма в его лучшей исторической версии» (Spivak, 1994, p 25). Речь здесь идет о той интеллектуальной элите, которая была вычеркнута из советского проекта создания национальной истории и они, таким образом, были вынуждены выступать как та часть постколониального дискурса, которую позиционируют как *subaltern*, т.е. подчиненный.

Другими словами националистическая карта, которая жестко подавлялась в советском государстве, лишь после распада СССР могла реализовать свою часть проекта.

Их взгляды стали особенно популярны в начале 1990-х, когда интеллектуалы искали новые когнитивные подходы для объяснения сложных процессов нации- и государственного строительства. Возможность использовать старые советские подходы в своей части проекта и создала лимит на пути поиска новых концепций.

Использованная литература

1. Brubaker R. Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – P. 63.
2. Mostov J. Democracy and Politics of National Identity // Studies in East European Thought. – 1994. – Vol. 46. – P. 9-31.
3. Parrot B. Analyzing the Transformation of the Soviet Union in Comparative Perspective // The End of Empire ? The Transformation of the USSR in Comparative Perspective / ed. by K. Davisha, B. Parrot. – New York and London: M. E. Sharpe, 1997. – P. 3.
4. Barkey K., Hagen von M. Imperial Collapse: Causes and Consequences. – Boulder: Westview, 1997. – P. 7.
5. Smith G. Federation, Defederation and Refederation: From the Soviet Union to Russian Statehood // Federalism: The Multiethnic Challenge / ed. by G. Smith. – London: Longman, 1995. – P. 157-179.

6. Motyl A. *The Post-Soviet Nations: Perspective of the Demise of the USSR*. – Columbia University Press, 1992. – P. 57.
7. Martin T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939*. – Ithaca, 2001. – P. 14.
8. Khalib A. *The Politics of Muslim Cultural Reform. Jadidism in Central Asia*. – University of California Press, 1999.
9. Hirsch F. *Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and The Making of The Soviet Union*. – Cornell University Press: Ithaca and London, 2005. – P. 161.
10. Haugen A. *The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia*. – Basingstoke, UK, 2003. – P. 25.
11. Marwat Fazal ur-Rakhim. *The Evolution and Growth of Communism in Afghanistan (1917-1979): an Appraisal*. – Karachi, 1997. – P. 93.
12. Бойко В.С. Афганистан на начальном этапе независимого развития (1920-е гг.): центрально-азиатский контекст внутренней и внешней политики // Афганистан и безопасность Центральной Азии. – Бишкек, 2004. – С. 3.
13. Масов Р. *История топорного разделения*. – Душанбе: Ирфон, 1991. – С. 14.
14. Сафаров Г. *Колониальная революция (опыт Туркестана)*. – М., 1921. – С. 111.
15. Hayit B. *Turkestan im XX. Jahrhundert*. – Darmstadt, 1956. – S. 49-50.
16. Ленин В.И. *Замечания на проект решения ЦК о задачах РКП (б) в Туркестане от 13 июня 1920 года // Полн. собр. соч.* – М., 1981. – Т. 41. – С. 436.
17. Турсунов Х. *Образование Узбекской Советской Социалистической Республики*. – Ташкент, 1957. – С. 76.
18. *Сведения о количестве населения на территории Киргизской Советской Социалистической республики (по данным переписи 1920 года) // ЦГА РК. Ф. 548. Оп. 1, Д. 42.*
19. *Из донесения Джеймса Рамсея Макдональда в Министерство Иностранных дел Великобритании. – Британская миссия в Москве, 20 мая, 1924 // India Office Record. L/PS/10/837 – Political Development in Russian Central Asia since the Revolution. Foreign Office, Political Intelligent Department, 1924.*
20. Масов Р. *История топорного разделения*. – Душанбе: Ирфон, 1991.
21. Абашин С.Н. *Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности*. – СПб.: Алатейя, 2007.
22. Keller S. *The Central Asian Bureau: An Essential Tool in Governing Soviet Turkestan // Central Asian Survey, 2003. – 22 (2-3). – P. 281-297.*
23. Smith, A. D. *State and Nation in the Third World*. – New York: St. Martin's, 1983. – P. 126.
24. Nahaylo B., Swoboda V. *Soviet Disunion: A History of the National Problem in the USSR*. – New York: Free Press, 1990. – P. 186.
25. Motyl A. *Will the Non – Russians Rebel ?* – Uthaca and London: Cornell University Press, 1987. – P. 41.

26. Simon G. Nationalism and Policy Towards the Nationalities in the Soviet Union. – Boulder, Colorado: Westview Press, 1991. – P. 2.
27. Nationalism: National Minorities. 1954-1977. RFE Special Series // RFE/RL Research Institute – Soviet Red Archive. 1 Old Code Subject Files. F. 300, subfond 80, series 1-1. hth.
28. Kazakhstan KP. 1971-1974. RFE Special Series // RFE/RL Research Institute – Soviet Red Archive. 1 Old Code Subject Files. F. 300, subfond 80, series 1-1. hth.
29. Heathershaw J. Post-colonial perspectives on Central Asian statehood, in Kavalski E (eds) *Stable Outside, Fragile Inside*. – Ashgate, 2010.
30. Adams, Laura. 2008. «Can We Apply a Postcolonial Theory to Central Asia?» // *Central Asian Studies Review* 7 (1): 2-8. – Vol. 7. – №1. – P. 2-8.
31. Dave B. Kazakhstan: Ethnicity, Language and Power. – Routledge, 2007. – Central Asian studies series (vol. 8),
32. Beissinger M. The Persisting Ambiguity of Empire // *Post-Soviet Affairs*, 1995. – Vol. 11. – №2. – P. 149-184.

**MIGRATIONS IN POST-SOVIET CENTRAL ASIA:
NEW TRENDS, THREATS AND PERSPECTIVES**

The paper is devoted to timely questions concerning to contemporary situation on Migrations in the Central Asian region, their problems and ways of solution. As a part of the Global Migration system, Migrations from, through and in Region are very significant for the development of the World, because have influences for all spheres of life.

During the 25 years of Independence, all Post-Soviet states passed very difficult ways of formation, first steps of nation-building, first achievements and their developments, etc. The main questions to which will pay attention in the paper are: What happened in these years on Migration issues? What kind of achievements, negative aspects and perspectives of Migrations in the Central Asian region we have? And what we could do for solving problems or preventing negative impacts of so significant phenomenon, like Migration?

In 1990 s after the falling down of the «Iron Curtain» and the collapse of the USSR, borders were opened and new conditions for migratory processes in Eurasia have been created. During the 25 years of Independence the Central Asian states were faced to different external and internal, voluntary (free) and forced migratory waves, which had/have both objective and negative moments (aspects) there.

Contemporary Kazakhstan, as well Central Asia is actively involved in the World economic, political, labor relations and this likely enhance the problem of migration on its territory. The economic integration on the post-Soviet space, geopolitical factors of great powers neighbors – China and Russia, closeness to the conflict zones (Afghanistan and Pakistan) – all this could be a challenge to Kazakhstan, as well as to whole Region's status-quo. It is very important to understand the problems concerning migrations in occurring from East to West.

Statistical data show to us the Migration situation in the Region. In 2015 in Kazakhstan international migrants are estimated about

3.546 million people, in Uzbekistan – 1,2 million. Decreasing of international migrant's rate up to 10% took place in Kyrgyzstan, Turkmenistan and Tajikistan.

Table 1

**Estimated number of international migrants
at mid-year (both sexes) (thousands)¹**

Country	1990	1995	2000	2005	2010	2015
Kazakhstan	3 619.2	3 295.4	2 871.3	2 973.6	3 079.5	3 546.8
Kyrgyzstan	623.1	481.8	372.5	288.1	222.7	204.4
Tajikistan	425.9	304.9	330.3	306.4	284.3	275.1
Turkmenistan	306.5	259.6	241.0	223.7	207.7	196.4
Uzbekistan	1 653.0	1 473.7	1 366.9	1 267.8	1 175.9	1 170.9

For the Central Asian states it is a large amount. That is why the paper is devoted to timely questions concerning contemporary situation on Migrations in the Central Asian region, their problems and ways of solution.

In the Central Asian region intensification of migratory movements were increased by large-spreading external and internal geopolitical and economical causes, interethnic and war conflicts as well.

Table 2

Population at mid-year (thousands)

Country	1990	1995	2000	2005	2010	2015²
Kazakhstan	16 530	15 926	14 957	15 194	15 754	17 640
Kyrgyzstan	4 395	4 592	4 955	5 221	5 550	5 940
Tajikistan	5 303	5 776	6 173	6 536	7 075	8 482
Turkmenistan	3 668	4 187	4 502	4 843	5 177	5 374
Uzbekistan	20 515	22 919	24 776	26 320	27 794	29 893

The migration pattern in the Central Asian states is unique not only in absolute numbers. It is especially significant in the ratio of

¹ United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2009). Trends in International Migrant Stock: The 2008 Revision (United Nations database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2008). <http://esa.un.org/migration>; International Migration Report 2015. – United Nations New York, 2016. – P. 29. http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2015_Highlights.pdf

² <http://knoema.ru/IMSTMG2014/international-migrant-stock-at-mid-year-by-sex-and-by-major-area-region-country-or-area-1990-2015?location=1000720-kazakhstan>

migrants to the total population of their home state. You can see the Country profiles on Migration issues on the Attachments 1-6.

Table 3

International migrants as a percentage of the population¹

Country	1990	1995	2000	2005	2010	2015
Kazakhstan	21.9	20.7	19.2	19.6	19.5	20.0
Kyrgyzstan	14.2	10.5	7.5	5.5	4.0	3.0
Tajikistan	8.0	5.3	5.4	4.7	4.0	3.0
Turkmenistan	8.4	6.2	5.4	4.6	4.0	4.0
Uzbekistan	8.1	6.4	5.5	4.8	4.2	4.0

Last decade some scholars offer 5 major stages of migrations in post-Soviet state). In 1991-1992 the large scale of the population movements took part from different parts of the former USSR. The migration's motivation of this period explains by political and ethnic reasons. During this period mass refugee flows as well as military servicemen² were formed.

The Second period (1993-1995) was characterized by the creation of unidirectional flows within post-Soviet space. This period some scholars linked just with emigration of Russian and Russian-speaking people from and to Russia.

The third period started in 1996 and continued till 2000. It was characterized by stabilization on the Migratory sphere in the post-Soviet countries. «The general contraction on interregional migration activity, the relative increase in the importance of external emigration, and the growing role of socioeconomic factors in defining the character and intensity of the new migration flows»³ are the major features determined this period.

The fourth period (2000-2005) by Andrei Korobkov, was marked by the attempts of the new Administration of President Vladimir Putin to develop the new institutional foundations for

¹ International Migration Report 2015. – United Nations New York, 2016. – P. 29. http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2015_Highlights.pdf

² Migration, Homeland, and Belonging in Eurasia / edited by Cynthia J. Buckley, Blair A. Ruble, Erin Trough Hofmann. – Washington D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 2008. – 362 p. (P. 77).

³ Migration, Homeland, and Belonging in Eurasia. – P. 77.

migration policy in Russia, which were failed in case of Central Asia. During the period, permanently and ethnically motivated flows were decreased, temporary and labor migration was increased.

According to Andrei Korobkov since March 2005 the new, fifth, stage is started and characterized by general liberalization of migration policy, aimed at increasing permanent immigration, improvements in migration statistics, the expansion of the legal space for labour migration, a limited legalization of undocumented migrants, and creation of stimuli for the immigration of high qualified labour resources¹.

I am not completely agree with these 5 stages of migration, maybe it is more suitable for Russia, but not for Central Asia particularly. That is why I would like to offer another classification of the Migrations in Central Asia.

In this paper I try to conduct cross-disciplinary research using the follow parameters of Migration, such as: distance (long or short), duration (temporary or permanent), cross-borders (internal or external), area of involvement (between urban and rural areas or inside of settlements), decision making and political influence (forced or voluntary), the reasons (economic, political, environmental, and etc.), the involved amount (mass or individual), social organization and characteristics of migrants (family, class or individual)².

So, in early 1990s, there were a few external and internal, voluntary and forced migratory waves in Central Asia, such as: emigration, repatriation or return migration, all types of refugee movements, brain-drain, labor migration, trade and business migration, mixed (polyethnic) marriage, traffic and illegal migrations, other (irregular, season, and etc)³.

¹ Migration, Homeland, and Belonging in Eurasia. – P. 78.

² Мендикулова Г.М. Казахская диаспора: история и современность. – Алматы: Реиз, 2006. – С. 21.; Krane, Ronald E. International Labor Migration in Europe. – New York, 1979. – 250 c.; Migration Policies in Europe and the United States. – Dordrecht, Boston, 1993. – 162 c.; Ogden, Philip E. Migration and Geographical Change. – Cambridge, New York, 1984. – 108 c.; and others.

³ Please, read about more in: Gulnara Mendikulova. Migrations in Post-Soviet Central Asia: Problems and Perspectives // Demography and Migration in Asia. Issues and Trends. Kolkata: Maulana Abul Kalam Azad Institute of Asian Studies, 2011. – P. 56-84.

Table 4

**Annual rate of change of the migrant stock (%)
by countries 1990-2015¹**

Country	1990-1995	1995-2000	2000-2005	2005-2010	2015
Kazakhstan	-1.9	-2.8	0.7	0.7	1.2
Kyrgyzstan	-5.1	-5.1	-5.1	-5.1	-2.5
Tajikistan	-6.7	1.6	-1.5	-1.5	-0.2
Turkmenistan	-3.3	-1.5	-1.5	-1.5	-0.2
Uzbekistan	-2.3	-1.5	-1.5	-1.5	-0.8

According to the Tables 4, 5 and 6 we can see that within 25 years the ratio of migration is characterized by stable mark «Minus», except Kazakhstan, where since 2000 migrants came to the country, and decreasing ratio became with mark «Plus». Compared with 1990s, in 2000s the number of migrants has declined in all countries of the Region. Amount of female migrants are higher than male.

Table 5

Estimated number of female migrants at mid-year

Country	1990	1995	2000	2005	2010
Kazakhstan	1 953 036	1 778 303	1 549 445	1 604 636	1 661 792
Kyrgyzstan	362 667	280 425	216 833	167 662	129 641
Tajikistan	239 458	172 168	187 950	174 809	162 305
Turkmenistan	172 326	146 589	137 135	127 631	118 578
Uzbekistan	929 382	832 157	777 803	723 258	671 353

Table 6

Estimated number of male migrants at mid-year

Country	1990	1995	2000	2005	2010
Kazakhstan	1 666 164	1 517 097	1 321 855	1 368 938	1 417 699
Kyrgyzstan	260 416	201 362	155 699	120 391	93 090
Tajikistan	186 442	132 732	142 350	131 624	121 986
Turkmenistan	134 174	113 011	103 865	96 101	89 122
Uzbekistan	723 618	641 543	589 097	544 581	504 582

¹ <http://knoema.ru/IMSTMG2014/international-migrant-stock-at-mid-year-by-sex-and-by-major-area-region-country-or-area-1990-2015?location=1000720-kazakhstan>; United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2009). Trends in International Migrant Stock: The 2008 Revision (United Nations database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2008). <http://esa.un.org/migration>

All these types of migrations are influenced to integration of the Region¹. You can note that forced migrations are the main part of these trends.

In case of **emigration** at the beginning of 1990s it was the typical phenomenon in migratory trends from Central Asia, as well as from territory of all former Soviet Union. It is estimated that in the first years of independence, almost 2 million people left Kazakhstan in search of a different life, including more than a million ethnic Russians and other Slavs, as well as almost 600,000 ethnic Germans, 50,000 Greeks and others. As for Central Asia about 4,5 million people left the Region up to now².

At the 2000s this type of migration is not so significant. Integration into a new society is always difficult in social-economical, psychological and cultural spheres. It may be even more difficult in the western countries with different mentality, untraditional cultural environment that is why we have return migration (or re-emigration) to Central Asia by the same emigrants. For example, since 1989 until 2007 more than 300 thousand re-emigrants

¹ UNHCR. Refugees and Others of Concern to UNHCR in Countries of Commonwealth of Independent States (CIS) in 1999, UNHCR. – Geneva, 7 June 2000. – p. 3/8. 2000. – Indicative number of refugees and others of concern to UNHCR, end 2000, UNHCR, Provisional Statistics on Refugees and Others of Concern to UNHCR for the year 2000, UNHCR, Population Data Unit, PGDS/UNHCR, Geneva, 11 April 2001, (www.unhcr.ch) tab. 1.; Gulnara Mendikulova, Repatriation Into Kazakhstan: History and Current Situation. International Conference on Central Asia. – Toronto, 2000. – # 6, – p. 77-81; Gulnara Mendikulova, «Some Problems of Adaptation of the Kazakh Repatriates (Oralmans) in Contemporary Kazakhstan». Otan tarikhy, 2004, no 2: 3-35; Gulnara Mendikulova, Repatriation of the Kazakhs from Turkey into Sovereign Kazakhstan. Interrelations of Turkey and Central Asia in the Context of Enlarging Europe. – Almaty, 2005. – p. 257-266. (in Russian); Gulnara Mendikulova, The Kazakh Diaspora: History and Modernity, Almaty: Reiz, 2006 (Kazakhskaya diaspora: istoriya i sovremennost') (in Russian).

² Agency on Statistics of the Republic of Kazakhstan. Population Migration in the Republic of Kazakhstan. Almaty: Agency on Statistics of the Republic of Kazakhstan, 2000; IOM. Migration Trends in Eastern Europe and Central Asia. 2001-2002 Review. Geneva: IOM, 2002; Gulnara Mendikulova, (2000). Repatriation Into Kazakhstan: History and Current Situation; Agency on Statistics of the Republic of Kazakhstan, Demographical Annual Report of Kazakhstan in 2004. Statistical Reports. – Almaty: Agency on Statistics of the Republic of Kazakhstan, 2005. (in Russian).

from Germany, Russia, Ukraine and other countries has returned to Kazakhstan¹.

At the same time Kazakhstan has begun the **repatriation** of ethnic Kazakhs from different countries². I divide the process of repatriation of ethnic Kazakhs into three stages, such as: since 1992 until 1997, when the Law about Migration was passed³; since 1997 until 2011, and since 2011, when new Law about Migration was passed. According to these two Laws, all Oralman could come to Kazakhstan by quotas, according to those the essential conditions for living, working and education were granted to⁴. In 1997 the Law on Migration was passed, according to which every ethnic Kazakh immigrant was granted the status of Oralman.

Since 1993 until early 2016 more than 840 thousands Oralman (Kazakh ethnic repatriates) moved to their historical Homeland⁵. This year the new Law on Migration was passed, which is an evidence of new conditions which take place in the period of

¹ Agency on Statistics of the Republic of Kazakhstan. Population Migration in the Republic of Kazakhstan. – Almaty: Agency on Statistics of the Republic of Kazakhstan, 2000; IOM. Migration Trends in Eastern Europe and Central Asia. 2001-2002 Review. Geneva: IOM, 2002; Gulnara Mendikulova, Repatriation Into Kazakhstan: History and Current Situation; Agency on Statistics of the Republic of Kazakhstan. Demographical Annual Report of Kazakhstan in 2004. Statistical Reports. – Almaty: Agency on Statistics of the Republic of Kazakhstan, 2005 (in Russian).

² Please, read more about it in: Gulnara Mendikulova. Contemporary Migration Trends between Kazakhstan and China, Proceeding of International Conference «Central Asia-China: Conditions and Perspectives of Cooperation», 4-5th June 2008. – Almaty: KISI, 2009. p. 158-170; Gulnara Mendikulova. Repatriation Into Kazakhstan: History and Current Situation. International Conference on Central Asia. Toronto, 2000. # 6, p. 77-81; Gulnara Mendikulova. Repatriation of the Kazakhs from Turkey into Sovereign Kazakhstan. Interrelations of Turkey and Central Asia in the Context of Enlarging Europe. Almaty, 2005. p. 257-266. (in Russian); Gulnara Mendikulova. «Some Problems of Adaptation of the Kazakh Repatriates (Oralman) in Contemporary Kazakhstan». Otan tarikhy, 2004, no 2: 3-35; and other.

³ Law of the Republic of Kazakhstan about Migration (Zakon Respubliki Kazakhstan ot 13 Dekabrya 1997 goda № 204-I. O Migratsii naseleniya. – Almaty, 1998. – 121 p.

⁴ Gulnara Mendikulova, «Some Problems of Adaptation of the Kazakh Repatriates (Oralman) in Contemporary Kazakhstan». – Otan tarikhy, 2004, no 2: 3-35.

⁵ Agency on Statistics of the Republic of Kazakhstan Statistical Yearbook of Kazakhstan, Astana: Agency on Statistics of the Republic of Kazakhstan, 2016. – p. 26-28; Agency on Statistics of the Republic of Kazakhstan Statistical Yearbook of Kazakhstan. – Astana: Agency on Statistics of the Republic of Kazakhstan, 2007. – p. 26-28; IA Novosti-Kazakhstan, 18 January 2010. About Oralman from China, please read in: Gulnara Mendikulova. Contemporary Migration Trends between Kazakhstan and China, Proceeding of International Conference «Central Asia-China: Conditions and Perspectives of Cooperation», 4-5th June 2008. Almaty: KISI, 2009. p. 158-170.

Globalization, the World Economic crisis and etc. But the new Law tries to strength the Oralman's adaptation and positions, as well as, gives additional opportunities to them to reach Kazakhstan.

Following the collapse of the USSR **refugee** problem became even more acute. A number of inter-ethnic and political conflicts were taking place in Central Asia. As a result, several waves of refugees entered Kazakhstan from Tajikistan (since 1992), Chechnya (since 1995) and other places. These refugees can be economically categorized as poor.

According to the Tables 7 and 8, the highest amount of war and ecological refugees¹ in the Central Asia states was fixed in 1990s and in the 21st century this phenomenon is decreasing.

It is very important to note, that in 1990 estimation of the refugees as «zero» is not correct, because the tragically events in Fergana in 1989 created a waves of refugees in the Region. It was one of the serious interethnic conflicts, which took place in the Fergana Valley between Uzbeks and Meskhetian Turks. It was a cause of at least 100 deaths and forced about 100 000 people to flee their homes. There were 74 000 Meskhetian Turks among them. Approximately 44 000 was granted by asylum in Azerbaijan, remained people sought asylum in other Soviet republics, including Kazakhstan.

Table 7

Estimated number of refugees at mid-year

Country	1990	1995	2000	2005	2010	2014²
Kazakhstan	0	10 296	17 685	11 555	4 349	633
Kyrgyzstan	0	17 323	10 729	3 176	721	482
Tajikistan	0	658	9 953	1 426	1 031	2,026
Turkmenistan	0	19 362	16 326	12 608	438	35
Uzbekistan	0	5 314	19 682	44 203	1 235	125

¹ Please, read about more in: United Nations High Commissioner for Refugees. The State of the World's Refugees. In Search of Solutions. United Nations High Commissioner for Refugees: Oxford University Press, 1995. p. 24; Gulnara Mendikulova. Migrations in Post-Soviet Central Asia: Problems and Perspectives // Proceeding of the International seminar «Communities, Institutions and 'Transition' in post 1991 Eurasia». – Kolkata: Maulana Abul Kalam Azad Institute of Asian Studies, 2010.

² Refugee population by country or territory of asylum // <http://data.worldbank.org/indicator/SM.POP.REFG>

Table 8

Refugees as a percentage of international migrants

Country	1990	1995	2000	2005	2010	2015
Kazakhstan	0.0	0.3	0.6	0.4	0.1	- 0,040 ¹
Kyrgyzstan	0.0	3.6	2.9	1.1	0.3	0.236
Tajikistan	0.0	0.2	3.0	0.5	0.4	0.805
Turkmenistan	0.0	7.5	6.8	5.6	0.2	0,018
Uzbekistan	0.0	0.4	1.4	3.5	0.1	0.011

At the same time the United Nations High Commissioner for Refugees gives other figures about the refugees in or from Central Asia. According to the United Nations High Commissioner for Refugees, at the beginning of the 21st century, 22,3 million people in the World were refugees. Among them 7,7 million refugees were in and from the former Soviet Union. Moreover, 1 million or more than 4% of total World data were from Central Asia².

The character of Migrations of the 2000s in the Region is a little bit different from the 1990s trends. The forced factor of Migration is changing for liberated decision making of people to move elsewhere or stay at home, but not a tall (human traffic, some illegal and irregular migrations, and unfortunately tragically events in Kyrgyzstan last year). There are partly new Migration's trends in Central Asia, such as: labour migration, repatriation or return migration, trade and business migration, all types of traffic, illegal migrations, transit corridor; and etc.³ Now a few words about these migratory trends in Central Asia.

When we talk about labour migration, it is necessary to stress a

¹ <http://knoema.ru/IMSTMG2014/international-migrant-stock-at-mid-year-by-sex-and-by-major-area-region-country-or-area-1990-2015?location=1000720-kazakhstan>

² UNHCR. Refugees and Others of Concern to UNHCR in Countries of Commonwealth of Independent States (CIS) in 1999. UNHCR, Geneva, 7 June 2000, p. 3/8. 2000. - Indicative number of refugees and others of concern to UNHCR, end 2000 // Provisional Statistics on Refugees and Others of Concern to UNHCR for the year 2000, UNHCR, Population Data Unit, PGDS/UNHCR, Geneva, 11 April 2001, (www.unhcr.ch) tab. 1 p. 3-8.

³ United Nations. Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat, Trends in Total Migrant Stock: The 2005 Revision <http://esa.un.org/migration>. United Nations, POP/DB/MIG/Rev.2005. New York, 2006; Gulnara Mendikulova, The Kazakh Diaspora: History and Modernity; Gulnara Mendikulova, (2007). Illegal Migration in Kazakhstan as a Threat to National and Regional Security. (in Russian). Proceeding International Conference "Afghanistan: 5 years after Taliban", Dushanbe, 2006. p. 67-79; Gulnara Mendikulova, Illegal Migration in Central Asia as Destabilized Factor of the formation of National Idea in the Republic of Kazakhstan. Eastern Turkestan in Civilization Processes of Central Asia. Almaty 2008 (forthcoming). (in Russian); and many others.

demographical factor. As you know, the Central Asian countries, even within the USSR period, had the areas with high birth rate and the extra of labour force (Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan). At the same time they had/have low life expectancy, high level of disproportion, extreme poverty among some groups of the society, high level of unemployment, etc. All of that is the reason for creation of labour migration to neighboring and foreign countries, from resource-poor to resource-rich states in the region. Certainly, labour migration has had a usual impact on the social, economic and human development in both donor and recipient countries.

In 1990s opened borders, fall down of live-being, market-based reforms, mass unemployment and needs to find new sources of incomes are the main reasons of intensification of Labor migration in Central Asia. According to Independent Research Council on Migration in CIS and Baltic States data, about 10 million people – citizens of CIS countries take participation to labor migration in the year. Russian citizens estimate a half of these migrants. Approximately, 1,5-2 million migrants from Russia get a work outside of CIS countries, about 3 million find work inside of Russia. At the same time, about 3 million migrants from CIS countries move to Russia and Kazakhstan for a job. Turkey, China, Korea, United Arabic Emirates, countries of the European Union, USA and Canada are the favorite directions of the external (foreign) labor migrants from Central Asia¹.

In Central Asia, Kazakhstan and Uzbekistan are the largest providers of migrants in Russia, Caucasus, Ukraine and Belorussia, and through them to the EU and further to the World. Kyrgyzstan and Tajikistan have migrants in Russia too, and their amount is growing day after day.

The economic development between 2000 and 2008 is characterized by the emergence of a new trend: an increase of the already substantial economic discrepancy between the resource-rich and

¹ Agency on Statistics of the Republic of Kazakhstan *Population Migration in the Republic of Kazakhstan*. Almaty: Agency on Statistics of the Republic of Kazakhstan 2000; Partnership and Co-operation Agreements (PCAs) (2003) http://ec.europa.eu/external_relations/ceeca/pca/index.htm; Agency on Statistics of the Republic of Kazakhstan *Demographical Annual Report of Kazakhstan in 2004. Statistical Reports*. – Almaty Agency on Statistics of the Republic of Kazakhstan, 2005. (in Russian); IOM. *Migration Trends in Eastern Europe and Central Asia. 2001-2002 Review*. Geneva: IOM, 2002; IP/03/1017 – Brussels, 15 July 2003.

resource-poor countries. Kazakhstan and Turkmenistan – the resource-rich countries – have emerged as the fastest growing economies in the CAR. The resource-poor countries (Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan) made efforts to revive their economies and to bring into being new jobs.

According to the Russian Federation Migration Service, during recent years between 700,000 and 900,000 citizens of Tajikistan (out of population of 7.1 million) or about 30 percent of the labour force, have been involved in migration; in Kyrgyzstan the numbers are between 500,000 and 900,000 citizens (out of 5.5 million) or about 30 percent of the labour force¹. On the official data for the end of 2009 has been registered as the unemployed in: Kazakhstan – 6,3% or 531,8 thousand people (7,9 million people were employees)², in Kyrgyzstan – 71,3 thousand persons³.

In 2007, according to the World Bank estimates, the Russian Federation became the world's second largest recipient of migrants after the United States; Kazakhstan became the ninth largest in the world⁴. By the way in 2005 Kazakhstan had the 20th place.

Mass waves of migrants create problems in social-economical, political and cultural spheres of recipient-country: such as growing up loading on social infrastructure, intensify of business struggle, creation of migrant-phobias or xenophobia phenomenon⁵. There are **negative** aspects of migration.

Productive using of migrant's experience and skills both in donor and recipient countries, as well as, additional incomes to the economy of a state and family, are **positive** aspects of migration. For «pushing» countries, the positive elements are: the decrease in the unemployment level; growth of money flow to the native country by migrant workers to their families and relatives; formation of the ethnic lobby in the accepting country acting in favor of the native

¹ <http://www.eurasianet.org/departments/insightb/articles/eav111008.shtml>;
http://www.migration.ucdavis.edu/mn/more.php?id=3209_0_4_0

² IA Novosti-Kazakhstan, 12 January 2010.

³ CA-NEWS (KZ). 15-02-2008.

⁴ Ali Mansoor and Bryce Quillin, eds. Migration and Remittances. Eastern Europe and the Former Soviet Union. –Washington DC: World Bank, 2006. – P. 3

⁵ United Nations. World Population Prospects. The 2004 Revision. Volume I (United Nations publication, 2005. – Sales No. E. 05.XIII. – p. 5.

state; and sometimes – even the support of this or that conflicting side.

For example, last 4-5 years Tajikistan and Kyrgyzstan have developed a high dependency on international money transfers from their labour migrants, having the world's highest ratio of remittances to their GDP.

As for the «pulling» countries, the positive effect of migration is seen in the making up for the demographic resources, decreasing of the working force deficit, and others¹.

Illegal migration² is more important and has influence to all situations in the Central Asian Region. As we know, illegal migration is accompanied by growing of criminalization of all spheres of life; promotion of corruption, stimulation of the increasing of «Shadow» (black, hidden) economy, etc. Violation of law takes place on various directions, such as naturalization, non-disclosure of taxation, smuggle, transit and distribution of drugs, etc. Moreover, illegal migration, refugee movements, traffic, human beings traffic and others are the sources of hidden threats, such as changing of demographic and social structure of population, diffusion (propagation) of infection diseases, etc.

It's well-known, that illegal migration consists of four most important components: 1) Illegal entry to the country; 2) Illegal stay in the country; 3) Illegal employment; and 4) Illegal departure (exit) to another country that threatens to national security of any state³.

After the collapse of the USSR the channel of carrying over illegal migrants from countries of Southern and Eastern Asia (Afghanistan, Bangladesh, India, Iran, China, Pakistan, Sri Lanka,

¹ Gulnara Mendikulova *Illegal Migration in Central Asia as Destabilized Factor of the formation of National Idea in the Republic of Kazakhstan*.

² G. Hanson, «The economic logic of illegal immigration», Council on Foreign Relations, Special Report, CSR # 26, 2007; IOM 2002; Agency on Statistics of the Republic of Kazakhstan. *Demographical Annual Report 2005*; Gulnara Mendikulova, *Illegal Migration in Kazakhstan as a Threat to National and Regional Security*. (in Russian). Proceeding International Conference «Afghanistan: 5 years after Taliban», Dushanbe, 2006. p. 67-79; Gulnara Mendikulova, *Illegal Migration in Central Asia as Destabilized Factor of the formation of National Idea in the Republic of Kazakhstan. Eastern Turkestan in Civilization Processes of Central Asia*. – Almaty, 2008. (in Russian); Gulnara Mendikulova. *Migrations in Post-Soviet Central Asia: Problems and Perspectives; and others*.

³ IOM, 2002, p. 38.

etc.) and even Africa through borders of China, Kyrgyzstan and Uzbekistan to border with Russia and further in the countries of the EU and America, was created.

Unfortunately, this migratory way is used as the transit channel for trans-boundary criminal operations, such as drug industry (narcotic business), illegal migration, traffic in arms, trafficking etc., directed from the Asian countries on territory of the EU and America, in as in the opposite direction.

It is well-organized business of the transnational criminal groupings, skilful using local conditions (the national legislation and system of International cooperation of the post-Soviet states of Central Asia).

Penetration through reloading points is their widespread method. For example, from Sri Lanka illegal migrants depart to the United Arab Emirates, then to Kyrgyzstan and further to Kazakhstan. Through Kazakhstan, they follow by transit to Russia and further to the West.

As soon as the amount of illegal movements of not only the Central Asian countries but also in and through their territories, steadily growing, national administrations come to a clear understanding that there is a need to develop an effective response to this process. Concerted efforts are needed in order to bring the regulatory framework to the existing international standards, strengthen the administrative structures, and develop strategies in the field of migration, taking into account short-, medium-and long-term objectives and practical measures needed to prevent and combat illegal migration.

All these aspects connect and influence on stability, national and regional security, as well as, to growing integration of Central Asia to the World society.

The Main Migration Trends of **2010 s** in the Region is the following:

- labour migration,
- repatriation or return migration,
- trade and business migration,
- all types of traffic
- illegal migration,
- transit corridor; and

- New trend influencing to the situation in Region – so called aggressive Religious Migrations,
- etc.

Let's talk about this new and why I called it "Religious Migrations".

This is new data on religious migrations, for example, in Kazakhstan. In 2010 more than 3 million international migrants were in Kazakhstan According to the Pew Research center's research there were 4 million 150 thousand people, who left the country. There were 2 million 130 Muslims (51%), 560 thousand Christians and (14%), and less than 10 thousand (less than 1%) Jews among them. 89% (3 million 710 thousand) migrants from Kazakhstan went to Europe. 350 thousand (8%) moved to Asian-Pacific Ocean region, 30 thousand (more than 1%) to the USA, 30 thousand – to the Middle East.

Kazakhstani migrants live in:

Russia – 2 million 650 thousand

Germany – 700 thousand

Ukraine – 250 thousand

Belorussia – 70 thousand

Kyrgyzstan – 50 thousand (???) I don't think so!

Turkey, Poland, Latvia – 10 thousand each

Canada 10 thousand

3 million 80 thousand migrants came to Kazakhstan:

2 million 650 thousand (86%) – from Europe and post-Soviet countries;

430 thousand (14%) – from Asian countries.

70% immigrants are Christians, 15% - Muslims.

Within last years there is a creation of new Sub-Migratory system, such as: Central Asia – South Asia, which needs to be researched.

What we can do in this situation? Of course, that we need to provide complex measures. In recent years, the CIS countries efforts are being made in legislation, in particular, in the direction of bringing it into line with the various phenomena and processes in various fields, observed on an international scale. In general, there are enough good legal bases, but you must continue to reinforce and

strengthen measures for practical implementation of existing legal norms.

The framework for cooperation on migration between the Commonwealth members was established by the Almaty Declaration (December 1991), the Agreement on establishing Consultative Council on Labour, Migration and Social Protection (November 1992), the CIS Inter-Government Treaty on Migration and Social Protection of Labour Migrants (April 1994) and the CIS Treaty on Cooperation against Illegal Migrations (March 1998).

ILO Conventions and Recommendations relevant to Migration:

- Convention (Revised), 1949, on the Migrant Workers (№ 97)
- The 1975 Convention on Migrant Workers (Supplementary Provisions) (№ 143)
- Recommendation (Revised), 1949, on the Migrant Workers (№ 86)
- Recommendation 1975 on Migrant Workers (№ 151)
- The 1949 Convention on the Right to Organize and Collective Negotiation (№ 98)
- The 1948 Convention on Freedom of Association and Protection of the Right to Organize (№ 87)
- Convention, 1930 Forced Labour Convention (№ 29)
- Convention, 1957 Abolition of Forced Labour (№ 105)
- The 1973 Convention on Minimum Age (№ 138)
- Convention, 1999 on the Worst Forms of Child Labour (№ 182)
- 1958 Convention on Discrimination in Employment and Occupation (№ 111)
- The 1951 Convention on Equal Rewards (№ 100)
- The 1997 Convention on Private Employment Agencies (№ 181)
- Recommendation 1997 Private Employment Agencies (№ 188)
- Convention, 1925 Equality of Accident Compensation (№ 19)
- Convention, 1952 Minimum Standards of Social Security (№ 102)

- The 1982 Convention on the Conservation of Rights in Social Security (№ 157)
- Convention, 1962 Equality of Welfare (№ 118)
- Recommendation 1983 on Preserving the Rights of Social Security (№ 167)
- Convention 1981 Workers with Family Responsibilities (№ 157)

For example, since summer 2006 in Kazakhstan the state actions on legalization of illegal labor migrants have taken place. It proceeds until now on realization of the law RK «About amnesty in connection with legalization of illegal labor immigrants». Kazakhstan tries to systematize status of international labor migrants, to divide them on to three categories, such as international employees, season international employees, and business-immigrants. They will have different law rights, recruitment standards, etc¹. This project is in the processing of discussion.

The leaky borders throughout Central Asia create major security challenges. That is why we have to strength border controls, as well as, emphasize the links between drug trafficking, terrorism, illegal migration and border security.

For changing of Migration's situation in the Region, coordinated measures of Kazakhstan, the Central Asian Republics, Russia, and the EU were created. If previously migration problems generally took the form of the two-sided relations between countries, then now and in the future it will be dealing with many-sided and regional level.

For example, cooperation of the EU and Central Asia focuses on prevention of illegal activities, such as corruption, money laundering, drugs and the prevention and control of illegal immigration. I think that the same coordinated measures between Central Asian and Southern Asian countries would be a great solution of the problem.

The framework for EU relations with the Central Asian countries, Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan and Tajikistan, is provided by four bilateral Partnership and Co-operation Agreements², two important Tacis JLS-programs, one on borders and one

¹ IA Novosti-Kazakhstan, 18 January 2010.

² Partnership and Co-operation Agreements (PCAs).

on fight against drugs; the *Border Management Initiative for Central Asia* (BOMCA) and the *Central Asia Drugs Action Programme* (CADAP)¹.

The PCA agreements (please see Attachment 7) cover fight against terrorism and drug trafficking, illegal activities, money laundering, illegal migration, asylum and readmission, as well as border control, customs and legislative cooperation.

In conclusion, I would like to offer create collaboration cross-disciplinary project on Migration issues among World scholars and practitioners. We are professionals and specialists who could conduct research and then write joint report. This report we can share to our government institutions.

¹ Reuters (2005), ATHENS NEWS, 29/04/2005, page: A13 Article code: C13128A132; IP/03/1017 - Brussels, 15 July 2003.

Table 9

**Population, Health, and Environmental Data and Estimates
for the Countries and Regions of the World¹**

	Population mid-2009 (millions)	Births per 1,000	Population Deaths per 1,000	Population Rate of Natural Increase (%)	Net Migration Rate per 1,000	Projected Population (millions) mid-2025	Projected Population Change 2009–2050 (%)	Infant Mortality Rates	Total Fertility Rates	Percent of Population Ages		
										<15	15–64	65+
South Central Asia	1,726	24	7	1.7	-0	2,148	2,624	52	57	2.8	32	5
Afghanistan	28.4	39	18	2.1	6	39.4	53.4	88	155	5.7	44	2
Bangladesh	162.2	23	7	1.6	-1	195.0	222.5	37	48	2.5	32	4
Bhutan	0.7	25	8	1.7	3	0.9	1.0	46	40	3.1	32	5
India	1,171.0	23	7	1.6	-0	1,444.5	1,748.0	49	55	2.7	32	5

¹ Population Reference Bureau. 2009 *World Population Data Sheet*. Washington, D.C.: Population Reference Bureau, 2009. p. 8.

Iran	73.2	20	5	1.5	-1	88.0	100.2	37	35	2.0	28	5
Ka-zakh-stan	15.9	23	10	1.3	0	18.0	21.1	33	32	2.7	24	8
Kyr-gyz-stan	5.3	24	7	1.6	-10	6.5	8.0	52	31	2.8	30	5
Mal-dives	0.3	22	4	1.8	0	0.4	0.5	51	10	2.3	30	5
Nepal	27.5	29	9	2.1	-1	35.7	46.0	67	48	3.1	37	4
Paki-stan	180.8	30	7	2.3	-2	246.3	335.2	85	67	4.0	38	4
Sri Lanka	20.5	19	7	1.2	-2	23.2	25.4	24	15	2.4	26	7
Taji-kistan	7.5	28	5	2.3	-2	10.2	13.7	84	65	3.4	38	4
Tur-kme-nistan	5.1	22	8	1.4	-1	6.1	6.8	33	51	2.5	31	4
Uzbe-kistan	27.6	23	5	1.8	-2	34.4	42.4	54	48	2.6	33	5

Kazakhstan. Country profile. 1990-2010

Indicator	1990	1995	2000	2005	2010
Estimated number of international migrants at mid-year (both sexes)	3 619 200	3 295 400	2 871 300	2 973 574	3 079 491
Estimated number of refugees at mid-year	0	10 296	17 685	11 555	4 349
Population at mid-year (thousands)	16 530	15 926	14 957	15 194	15 754
Estimated number of female migrants at mid-year	1 953 036	1 778 303	1 549 445	1 604 636	1 661 792
Estimated number of male migrants at mid-year	1 666 164	1 517 097	1 321 855	1 368 938	1 417 699
International migrants as a percentage of the population	21.9	20.7	19.2	19.6	19.5
Female migrants as percentage of all international migrants	54.0	54.0	54.0	54.0	54.0
Refugees as a percentage of international migrants	0.0	0.3	0.6	0.4	0.1

Kyrgyzstan. Country profile. 1990-2010

Indicator	1990	1995	2000	2005	2010
Estimated number of international migrants at mid-year (both sexes)	623 083	481 787	372 532	288 053	222 731
Estimated number of refugees at mid-year	0	17 323	10 729	3 176	721
Population at mid-year (thousands)	4 395	4 592	4 955	5 221	5 550
Estimated number of female migrants at mid-year	362 667	280 425	216 833	167 662	129 641
Estimated number of male migrants at mid-year	260 416	201 362	155 699	120 391	93 090
International migrants as a percentage of the population	14.2	10.5	7.5	5.5	4.0
Female migrants as percentage of all international migrants	58.2	58.2	58.2	58.2	58.2
Refugees as a percentage of international migrants	0.0	3.6	2.9	1.1	0.3

Tadjikistan. Country profile. 1990-2010

Indicator	1990	1995	2000	2005	2010
Estimated number of international migrants at mid-year (both sexes)	425 900	304 900	330 300	306 433	284 291
Estimated number of refugees at mid-year	0	658	9 953	1 426	1 031
Population at mid-year (thousands)	5 303	5 776	6 173	6 536	7 075
Estimated number of female migrants at mid-year	239 458	172 168	187 950	174 809	162 305
Estimated number of male migrants at mid-year	186 442	132 732	142 350	131 624	121 986
International migrants as a percentage of the population	8.0	5.3	5.4	4.7	4.0
Female migrants as percentage of all international migrants	56.2	56.5	56.9	57.0	57.1
Refugees as a percentage of international migrants	0.0	0.2	3.0	0.5	0.4

Turkmenistan. Country profile. 1990-2010

Indicator	1990	1995	2000	2005	2010
Estimated number of international migrants at mid-year (both sexes)	306 500	259 600	241 000	223 732	207 700
Estimated number of refugees at mid-year	0	19 362	16 326	12 608	438
Population at mid-year (thousands)	3 668	4 187	4 502	4 843	5 177
Estimated number of female migrants at mid-year	172 326	146 589	137 135	127 631	118 578
Estimated number of male migrants at mid-year	134 174	113 011	103 865	96 101	89 122
International migrants as a percentage of the population	8.4	6.2	5.4	4.6	4.0
Female migrants as percentage of all international migrants	56.2	56.5	56.9	57.0	57.1
Refugees as a percentage of international migrants	0.0	7.5	6.8	5.6	0.2

Uzbekistan. Country profile. 1990-2010

Indicator	1990	1995	2000	2005	2010
Estimated number of international migrants at mid-year (both sexes)	1 653 000	1 473 700	1 366 900	1 267 839	1 175 935
Estimated number of refugees at mid-year	0	5 314	19 682	44 203	1 235
Population at mid-year (thousands)	20 515	22 919	24 776	26 320	27 794
Estimated number of female migrants at mid-year	929 382	832 157	777 803	723 258	671 353
Estimated number of male migrants at mid-year	723 618	641 543	589 097	544 581	504 582
International migrants as a percentage of the population	8.1	6.4	5.5	4.8	4.2
Female migrants as percentage of all international migrants	56.2	56.5	56.9	57.0	57.1
Refugees as a percentage of international migrants	0.0	0.4	1.4	3.5	0.1

Partnership and Co-operation Agreements (PCAs) between EU and CIS countries

- Armenia 1 July 1999
- Azerbaijan 1 July 1999
- Belorussia signed in March 1995 but is not yet in force. The Interim agreement is also not in force
- Georgia 1 July 1999
- Kazakhstan 1 July 1999
- Kyrgyzstan 1 July 1999
- Moldova 1 July 1998
- Russia 1 December 1997
- Turkmenistan signed in May 1998 but is not yet in force. The interim agreement is not yet in force
- Ukraine 1 March 1998 EU-Ukraine PCA Assessment Report (March 2003)
- Uzbekistan 1 July 1999

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ
ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА**

Глубокий социально-экономический кризис конца 1980-х – начала 1990-х гг. привел к распаду СССР, разрушению хозяйственных связей, ускорению темпов роста безработицы и инфляции. В Центральной Азии распад СССР привел к появлению пяти новых независимых государств, которые под лозунгами свободы, рынка, либерализации цен, провозглашения частной собственности начали переход от системы централизованного планирования к рыночным отношениям.

Центральноазиатские республики унаследовали от СССР сравнительно развитые экономики, многочисленные промышленные предприятия и сельское хозяйство, которые были обеспечены большим количеством высококвалифицированных специалистов и управленцев. При этом центральноазиатские республики не были удовлетворены специализацией, доставшейся им в наследство от СССР, ведь переориентирование структуру народного хозяйства страны было непростой задачей. Хотя в советское время на территории Средней Азии и Казахстана была развернута довольно обширная инфраструктура промышленных предприятий, как отмечалось выше, если рассматривать промышленность региона в структурном разрезе, нетрудно будет заметить ее преобладающую сырьевую направленность. Колоссальные объемы целевых финансовых вливаний в сельское хозяйство не давали адекватной отдачи.

Н.А. Назарбаев на встрече руководителей республик Средней Азии и Казахстана в г. Алма-Ате 22-23 июня 1990 г.: «Средняя Азия и Казахстан характеризуются сырьевой направленностью в экономике со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Seriously отстает социальное развитие, по потреблению социальных благ и услуг мы оказались на последних местах по стране. Достаточно сказать, что средний размер используемого национального дохода на душу населения составляет лишь 1450 рублей, или 57% от среднесоюзного уровня.

Большую тревогу вызывает состояние экологии, здравоохранения, особенно детская смертность, невысокая продолжительность жизни населения, а также неудовлетворительное продовольственное снабжение населения»¹. И. Каримов также отметил: «Считается в порядке вещей, что по всем показателям, которые содержат статистические сборники и материалы Госплана СССР, других союзных органов и в правительстве СССР, привыкли считать, что среднеазиатскому региону и Казахстану так и замыкать список союзных республик с точки зрения уровня жизни, прежде всего на селе»².

Существуют две точки зрения о роли и значении центральноазиатского региона в народнохозяйственном комплексе СССР. С одной стороны, отмечается, что по большей мере эта точка присуща исследователям региона, что Центральная Азия была представлена исключительно как сырьевой придаток. В исследованиях, проводимых в Центральной Азии, подчеркивался сырьевой характер экономик стран региона. Так, в Туркменской ССР, как отмечалось в национальном докладе ПРООН, десятилетиями культивируемый сырьевой характер экономики, моноукладность сельского хозяйства, бесконтрольное выкачивание природных ресурсов из туркменских недр привели к тому, что к моменту распада СССР Туркменистан находился в состоянии почти полной продовольственной зависимости, практического отсутствия современных перерабатывающих мощностей, неразработанности финансовой системы³.

С другой стороны, в собственно России, звучали обвинения в адрес Центра, что он не уделял должного внимания развитию России, и средства перекачивались в Среднюю Азию и Казахстан. Как пишут С.В. Жуков и О.Б. Резникова, в 1991 г. только финансовые гранты и субсидии из общесоюзного бюджета достигали 7,4% ВВП Казахстана, 9,6% – Туркменистана, 12,5% – Кыргызстана, 19,5% – Узбекистана и 23,3% – Таджикистана.

¹ Стенограмма встречи руководителей республик Средней Азии и Казахстана в г. Алматы 22-23 июня 1990 г. // АП РК.Ф.7; Оп. 1, д. 69. – Л. 2.

² Стенограмма встречи руководителей республик Средней Азии и Казахстана в г. Алматы 22-23 июня 1990 г. // АП РК.Ф.7; Оп. 1, д. 69. – Л. 5.

³ Человеческое измерение в стратегии социально-экономического развития Туркменистана в XXI веке / ПРООН. – Ашхабад, 2000. – 75 с.

Причем в последние годы существования СССР относительное значение грантов из общесоюзного бюджета для центрально-азиатских экономик заметно выросло. Помимо прямых субсидий большинство бывших республик дотировалось за счет низких цен на энергоносители и сырье, шедшее через общесоюзные министерства и главки. Так, по расчетам президента А. Акаева, прямые и косвенные субсидии Кыргызстану на излете существования Советского Союза достигали 30% ВВП¹. Далее ученые отмечают, что справедливости ради необходимо отметить, что и среднеазиатские республики и Казахстан субсидировали центр и прочие республики. Узбекские золото и уран, казахстанские цветные и редкие металлы, туркменский газ поступали прямоком в общесоюзное пользование, минуя республиканские бюджеты. При этом обращая внимание на то, что «... не вызывает сомнений, что из центральноазиатской пятерки лишь Туркмения не была дотационной республикой, а напротив, субсидировала остальных»².

В этом плане необходима объективная и беспристрастная оценка социально-экономического развития в советский период. Неверно рассматривать регион как исключительно сырьевую базу, предпринимались меры по развитию и диверсификации экономики, повышению ее эффективности. Но этих мер было явно недостаточно для устранения сложившейся сырьевой специализации региона. Особо негативную роль для национальных экономик сыграло создание особого сектора экономики, существовали предприятия так называемого «союзного подчинения».

Особенности социально-экономического развития региона в советский период

В советский период в Туркменской ССР выделялись нефтяная, газовая, химическая промышленность и ковроткачество. Были созданы предприятия нефтеперерабатывающей, газовой, стекольной, кондитерской промышленности. Осуществлялась добыча газа, серы, сульфата натрия. В составе Советского

¹ Жуков С.В., Резникова О.Б. Центральная Азия в социально-экономических структурах современного мира. – М.: Московск. Обществ. научный фонд, 2001. – 488 с. – С. 54.

² Жуков С.В., Резникова О.Б. Центральная Азия в социально-экономических структурах современного мира. – М.: Московск. Обществ. научный фонд, 2001. – 488 с. – С. 55.

Союза Туркменистан получил основной импульс развитию экономики в связи со строительством канала Кара-Кум, благодаря которому значительно расширились площади орошаемых земель, перемещением промышленных предприятий во время Великой Отечественной войны из западных районов Советского Союза и крупномасштабной разведкой и добычей нефти и газа.

За годы советской власти в Туркменистане была создана мощная электроэнергетическая база, построены Небит-Дагская, Безмеинская ТЭС, Марыйская ГРЭС и Красноводская ТЭЦ, введены в строй Красноводский нефтеперерабатывающий завод и ряд крупных предприятий химической промышленности.

Большое значение для сельского хозяйства Туркменистана имели река Амударья и Каракумский канал, вода которых орошает более 90% всех площадей, благодаря чему республика стала занимать второе место в производстве хлопка-сырца. Сельское хозяйство специализировалось помимо производства хлопчатника, на производстве шелка-сырца, разведении каракулевых овец и лошадей ахалтекинской породы. На республику приходилось четверть общесоюзного производства тонковолокнистых сортов хлопчатника и одна пятая часть каракулевых шкур, производимых в СССР.

Характерной особенностью социально-экономического развития государств региона стало превращение при советской власти в монокультуру хлопка, необходимого как для текстильной, так и для оборонной промышленности. К примеру, в Туркменистане аграрная специализация обуславливала высокую долю сельского хозяйства – 40%. При этом сельское хозяйство имело ярко выраженную хлопковую специализацию. Доля промышленности в структуре валового внутреннего продукта Туркменистана составляла 17% и более чем на 80% была представлена добывающими отраслями¹.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. в Узбекистане также происходила окончательная переориентация зерновой экономики на почти монопольное производство хлопка, для чего ин-

¹ Туркменистан – Обзор системы профессионального образования и рынка труда / Европейский фонд образования, 2012. – 42 с. (С. 4).

тенсивно орошались новые земли в бывшей степенной части присырдарьинской низменности.

К примеру, хлопководство давало около 50% аграрной продукции УзССР, тогда как производство плодоовощной продукции – 20%. На хлопковой индустрии замыкалось около половины всех промышленных предприятий (мощности по выпуску минеральных удобрений, заводы по производству сельскохозяйственной техники и машин для первичной переработки хлопка-сырца). В 1990 г. в республике было произведено 1,637 млн тонн волокна, из которых до 70% экспортировалось на рынки союзных республик¹.

Так, в советское время, будучи преобразованными, в одну большую хлопковую плантацию среднеазиатские республики вышли на путь длительного трагического эксперимента, подтверждая возможность хлопка оказывать отрицательное воздействие не только на сельское хозяйство, но также на промышленность, образование, здравоохранение, и, в конечном итоге, на общественную нравственность. Негативное влияние монокультуры хлопка сказывалось на развитии системы образования всей Средней Азии и южных районов Казахстана, существовал даже термин «хлопковое образование». Сельские школьники, студенты, учащиеся профессионально технических училищ Средней Азии и юга Казахстана были оторваны от учебного процесса в течение нескольких месяцев, занимались изнурительным трудом на сборе хлопка до глубокой осени, поскольку ручная уборка требовала огромной затраты непродуктивного ручного труда всего населения государств региона, что непосредственно отражалось на качестве образования.

По данным Министерства просвещения КазССР с отрывом от учебных занятий использовались на уборке хлопка учащиеся всех восьмилетних и средних школ Сарыагачского, Келесского, Кировского, Чардаринского, Джетысайского, Пахтааральского районов Чимкентской области. Рабочий день учащихся продолжался 10 часов. На полевых станах отмечались крайне неудовлетворительные санитарно-гигиенические условия. На полевых

¹ Парамонов В., Строков А. Распад СССР и его последствия для Узбекистана: экономика и социальная сфера // Центральная Евразия. – 2006. – №06 (11).

станах средней школы им. Панфилова Сарыагачского района, средней школы им. Кирова Келесского района дети спали на полу. Оплата труда учащихся производилась с нарушениями инструкции об оплате труда учащихся¹.

Таджикистан представляет собой страну, 93% территории которой покрыто горами. В период создания Таджикской Автономной Советской Социалистической республики в 1924 г. ее общество и экономика являлись преимущественно аграрными. Таджикская ССР развивалась как сырьевой источник в первую очередь хлопка и полезных ископаемых для обеспечения индустриальных районов центральной части страны. Большинство потребительских и промышленных товаров, вплоть до пищевых продуктов импортировалось из других республик.

Хотя в целом уровень промышленного и социального развития за годы Советской власти в Таджикской ССР и поднялся, Таджикистан развивался значительно медленнее, чем остальные республики. К примеру, если капиталовложения в народное хозяйство Союза с 1976 по 1990 год составляли в расчете на одного жителя 9089 рублей, в РСФСР – 11072, в Таджикистане – 3071 рубль. Отставала республика и по показателям занятости населения, если занятое население в целом по бывшему СССР в 1985 г. составляло 51,8%, РСФСР – 53,9%, то в Таджикистане – всего 40,1% (самый низкий показатель по Союзу)².

Хозяйственная политика, проводившаяся в республике в годы советской власти и связанная с затоплением больших площадей и переселением на новые места жительства целых кишлаков и малых этнических групп, имела ряд отрицательных последствий. Большая часть населения Таджикистана была занята в сельском хозяйстве, тем не менее, даже основные продукты питания завозились из соседних республик. В то же

¹ О привлечении учащихся общеобразовательных школ к сельскохозяйственным работам в 1985-1986 учебном году в Чимкентской области // АП РК. Ф. 708. Оп. 123. Д. 103. – Л. 14-15.

² Тагаев Д., Аитов Н.А. Пути развития Таджикистана. – Душанбе: Ирфон, 1994. – 176 с. (С. 10).

время рождаемость в республике была одной из самых высоких в СССР¹.

До начала гражданской войны Таджикистан поставляя в другие республики уран, хлопок, золото, драгоценные камни, овощи и фрукты. В экономическом отношении республика значительно отставала от других центральноазиатских государств, рыночные реформы здесь начались значительно позднее.

Повышенный уровень заболеваемости и детская смертность, низкое качество образования – вот цена, которую среднеазиатские республики и Казахстан платили за навязанную центром хлопковую экспансию. В результате по основным социально-экономическим показателям многие государства региона оказались к началу 1990-х годов на последних местах по Союзу.

При этом нельзя свести на нет то, что в советские годы в регионе сформировался определенный социально-экономический, демографический, научно-технический, и гуманитарный потенциал. В государствах региона работали квалифицированные и профессионально подготовленные кадры, а у населения был достаточно высокий уровень грамотности.

Высокий уровень сырьевой направленности экономики ряда стран региона привел к нарастанию кризисных явлений во всех сферах жизни общества. В период после распада Советского Союза центральноазиатским республикам необходимо было принимать решительные меры по преодолению сложившихся дисбалансов и реформированию экономики.

Социально-экономическое развитие в период независимости

За двадцать пять лет трансформировались все сферы жизни общества – распался единый хозяйственный комплекс СССР, произошла ломка существовавших общественно-политических

¹ История Востока: В 6 т. Т. 6. Восток в новейший период (1945-2000 гг.) / отв. ред. В.Я. Белокреницкий, В.В. Наумкин// Ин-т востоковедения РАН. – М.: Вост. лит, 1995. – 1095 с. – С. 454

институтов, что привело к серьезным социально-экономическим последствиям.

Пять новых независимых государств ставили перед собой одну и ту же цель – модернизировав все сферы социально-экономического и политического устройства, обеспечить устойчивое развитие, высокий уровень жизни и процветание для своих народов.

В политике реформирования все центральноазиатские республики опирались на различные идеологии развития и разный инструментарий экономической и социальной политики. Кыргызстан, Казахстан и Таджикистан оказались наиболее восприимчивыми к международным рекомендациям, сформулированным в духе неоклассического либерализма. Н. Назарбаев в своей книге «Казахстанский путь» отмечал, что наряду с поиском оптимальной экономической модели важно было определиться с идеологическими ориентирами: «Однако уже тогда было ясно, что при механическом переносе западной либеральной идеологии в Казахстан ее проводники столкнутся с таким явлением, как культура – в широком, в том числе и политическом, смысле. Нельзя мгновенно изменить ее характер и идеалы. Необходимо постепенно, цивилизованным способом на основе реальных реформ преобразовывать тип политической культуры»¹.

А. Акаев писал: «Я с самого начала был сторонником германских неолибералов – разработчиков концепции социального рыночного хозяйства – профессоров Альфреда Мюллера Армака, Александра Рюстова, Вильгельма Репке и Л. Эрхарда»². Вместе с тем, как считают исследователи, использование правительством псевдоисторического опыта (семь заветов «Манаса») для обоснования внешних для страны форм западных либеральных моделей развития с неизбежностью вели к разрыву слова и дела, привели к откату в прошлое, несмотря на большое количество (160) национальных программ³.

¹ Назарбаев Н.А. Казахстанский путь. – Караганда, 2006. – 372 с. (С. 22-23).

² Акаев А. Переходная экономика глазами физика. – Бишкек: Учкун, 2000. – 266 с. – С. 53.

³ Стратегическая матрица Кыргызстана: ретроспектива, современность и сценарии будущего развития / под общ. ред. А.Б. Байшушакова. – М.: Институт экономических стратегий, 2007. – 440 с. (С. 129)

Для большинства стран региона характерной особенностью трактовки процесса перехода к рыночным отношениям являлось очень осторожное отношение собственно к рынку и ценностям рыночного общества. К примеру, как отмечали таджикистанские ученые: «К рынку мы пришли чересчур торопливо, непланово, без подготовки» и «...еще неизвестно, как будет воспринимать все «ценности» рынка население Таджикистана. Конкуренция, эгоизм, взаимная борьба, рост неравенства – все эти явления плохо вписываются в менталитет таджикского народа»¹.

Президент Узбекистана И. Каримов отмечал: «... Кардинальное изменение и обновление государственного и конституционного устройства, реализация политических, экономических и социальных реформ, базирующихся на таких принципах, как деидеологизация экономики и ее приоритет над политикой, возложение на государство роли главного реформатора, то есть функции инициатора и координатора реформ, обеспечение верховенства закона, осуществление сильной социальной политики, поэтапность и постепенность проводимых реформ»².

Первое время все центральноазиатские республики пытались остаться в рублевой зоне. Но начиная с 1993 г. государства региона создали свои собственные финансовые системы, были вынуждены ввести в обращение собственные национальные валюты, сформировали золотовалютные резервы. Важную роль в переходе Кыргызстана на национальную валюту сыграл МВФ, который поставил условие для выделения своих кредитов в зависимости от внедрения собственной денежной единицы – сома. Так Кыргызская Республика стала одной из первых стран бывшего СССР и первой среди государств Центральной Азии, утвердившей свою национальную валюту – кыргызский сом. Постановление о введении национальной валюты было принято парламентом КР 10 мая 1993 года, и с 10 по 15 мая Нацбанк КР ввел в обращение первые кыргызские сомы номиналом 1, 5 и

¹ Тагаев Д., Аитов Н.А. Пути развития Таджикистана. Душанбе: Ирфон, 1994. – 176 с. (С. 152).

² Каримов И.А. Концепция дальнейшего углубления демократических реформ и формирования гражданского общества в стране. Доклад Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова на совместном заседании Законодательной палаты и Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан. – Ташкент: Узбекистон, 2010. – С. 3.

20 сомов. В 20-х числах мая 1993 года кыргызстанцы получили первую зарплату в национальной валюте.

В остальных странах региона национальная валюта была введена немного позже: в Казахстане 17 ноября 1993 года, в Туркменистане туркменский манат вошел в обращение с 1 ноября 1993 года. В Узбекистане в соответствии с Указом Президента Республики Узбекистан от 16 июня 1994 года с 1 июля 1994 года, при этом страна вышла из рублевой зоны почти годом раньше – 15 ноября 1993 года. В Таджикистане постоянная валюта была введена 30 октября 2000 года, до этого в стране использовалась временная валюта, которая была введена в обращение 10 мая 1995 года.

Казахстан. Как известно, Казахстан – страна больших пространств и природных богатств. На территории Казахстана, по данным Национального Отчета за 1995 г., могли бы уместиться все страны Европейского Союза, из 105 элементов таблицы Менделеева было выявлено 99, разведаны запасы 70, вовлечено в производство 60 элементов. В Казахском мелкопесочнике сосредоточены крупные месторождения меди, свинца, цинка, редких металлов, угля и железа. Рудный Алтай известен месторождениями меди, свинца, цинка, серебра, золота, олова и редких металлов. Тургайский прогиб славится огромными запасами железных руд, бокситов и бурых углей. В Эмбенском плато и в Мугоджарах найдены хромиты, медь и асбест, на Прикаспийской низменности и Мангышлаке – нефть, газ и минеральные соли. Хребет Каратау богат залежами фосфоритов, свинцовыми, цинковыми и ванадиевыми рудами¹.

В настоящее время республика занимает 1-е место в мире по разведанным запасам цинка, вольфрама и барита, 2-е – по запасам серебра, свинца и хромитов, 3-е – меди, марганца и флюорита, 4-е – молибдена, по запасам золота входит в первую десятку. Республика располагает примерно 8% мировых запасов железной руды, около 25% – мировых запасов урана. Важное значение для экономики Казахстана имеет развитие отраслей нефтегазового комплекса. На сегодняшний день республика обладает значительными запасами углеводородного сырья –

¹ Казахстан. Вызов времени перемен. Отчет о человеческом развитии. 1995 / ПРООН. – Алматы, 1995. – 114 с.

3,3% мирового запаса. Извлекаемые запасы нефти составляют 4,8 млрд т. Извлекаемые запасы газа, с учетом новых месторождений на Каспийском шельфе, достигли 3 трлн. куб. м, а потенциальные ресурсы оцениваются в 6-8 трлн. куб. м. По запасам углеводородного сырья Казахстан занимает второе место среди государств СНГ после Российской Федерации¹.

Начало 1990-х гг. были наиболее драматичными и противоречивыми годами в истории Казахстана. В этот период в социально-политической жизни государства произошли коренные преобразования, страна встала на путь кардинальных социально-экономических реформ.

Экономический кризис привел к высокому уровню безработицы, сокращению производства (в 1990 – 1995 гг. суммарное сокращение валового внутреннего продукта составило более 50%), сокращению внешней торговли (на 40% в 1993 г.) и растущим темпам инфляции (в 1993 г. уровень инфляция составил 2169%). Прекращение трансферта кредитов по корреспондентским счетам в Центральном банке России в середине 1993 г. привело к значительному сокращению внешних источников финансирования. Одновременно была разрушена система социальной защиты, особенно на государственных предприятиях. Одной из серьезных проблем стала бедность населения. В начале 1990-х годов в стране приступили к осуществлению антикризисных реформ, в числе которых была программа макроэкономической стабилизации, а с декабря 1991 г., после того как Казахстан получил независимость, и структурных реформ².

Недооценка социальных проблем населения привела к накоплению массового недовольства, отразившегося в письмах общественных организаций. В Архиве Президента РК отложились 81 письмо с протестами от профсоюзных организаций, трудовых коллективов и отдельных лиц за период с 10 января 1991 г. по 17 октября. В частности, в одном из этих писем отме-

¹ Казахстан сегодня: монография / Под общ. ред. Б.К. Султанова. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2009. – 416 с.

² Республика Казахстан: оценка системы адресной социальной помощи. Заключительный отчет. Достойный труд: комплексный подход к социальной сфере в Казахстане. – Астана, 2003. Международное бюро труда, 2004. – 82 с. – С. 13

чается: «Трудовой Коллектив института «ВНИИТ-арматура» крайне озабочен бесконтрольным повышением цен на продукты питания (в ряде случаев 10-кратным против цен 1989 года). Требуем принятия незамедлительных мер по стабилизации цен на продукты питания, повышения социальной защищенности людей»¹. В письме Северо-Казахстанского областного Совета профессиональных союзов отмечено, что «...до настоящего времени нет программы по оказанию социальной помощи малообеспеченным гражданам, не разработаны минимальные потребительские бюджеты для различных групп населения, а также минимальные размеры оплаты труда, стипендиального, пенсионного и других видов социального обеспечения»².

В Казахстане на первом этапе (1992 – 1996 гг.) – этапе становления новой социальной политики – началось создание законодательной базы по вопросам социальной защиты населения, заложены основы для развития социального партнерства в таких приоритетных направлениях, как занятость населения, оплата труда, социальные гарантии гражданам и социальная защита наиболее уязвимых групп. Именно в этот период была создана национальная правовая база в области социальной защиты нетрудоспособного и социально уязвимого населения (Закон Республики Казахстан «О социальной защите граждан, пострадавших вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском испытательном ядерном полигоне» (1992 г.); Закон Республики Казахстан «О социальной защите граждан, пострадавших вследствие экологического бедствия в Приаралье» (1992 г.); указ Президента Республики Казахстан «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» (1992 г.), создан Фонд государственного социального страхования (1992 г.), Государственный фонд содействия занятости (1991 г.), Пенсионный фонд (1991 г.). Переломным годом стал 1995 г., когда

¹ Письма и телеграммы представителей трудовых коллективов, профсоюзных организаций Каз. ССР с протестами против повышения цен и снижения уровня жизни // АП РК. Ф.7; Оп. 1, д. 919. – л. 29

² Письма и телеграммы представителей трудовых коллективов, профсоюзных организаций Каз. ССР с протестами против повышения цен и снижения уровня жизни // АП РК. Ф.7; Оп. 1, д. 919. – л. 47.

почти во всех новых независимых государствах относительно окрепла государственность, и был пройден первый этап рыночных преобразований.

На втором этапе (1997 – 1999 гг.) – этапе углубления социальных реформ, в связи с подъемом экономики, у государства появилась реальная возможность для проведения более активной социальной политики. Был принят ряд важных социальных программ, например, программа микрокредитования населения, развитие общественных работ, реформа пенсионной системы и другие. Казахстан стал с 1998 г. первой страной в СНГ, которая начала планомерный переход к накопительной системе пенсионного обеспечения граждан, сформированной в трех уровнях: государственном, обязательном, индивидуальном и добровольном.

На третьем этапе (2000 – 2007 гг.) складывается национальная модель социальной политики, ориентированная на использование возможностей экономического роста для повышения благосостояния граждан. В послании Президента к народу Казахстана от 25 октября 2000 г. отмечалось, что «...кризис не дал нам возможности заниматься всерьез благосостоянием людей. Теперь пришло время...»¹. Принимается ряд законодательных актов и государственных программ, которые позволили обеспечить реформирование трудовых отношений и занятости населения, введение новых видов социальных пособий, создание адресной системы оказания социальной помощи и программы по борьбе с бедностью и безработицей. В 2001 г. была утверждена Концепция социальной защиты РК. Новая система социальной защиты Республики Казахстан включает в себя элементы как солидарной, так и персонифицированной систем, как обязательного, так и добровольного страхования и предназначена для обеспечения социальной защиты населения от основных рисков, с которыми может столкнуться человек в течение своей жизни. Согласно Концепции, система социальной защиты в Казахстане включает в себя следующие основные элементы:

¹ Назарбаев Н.А. К свободному, эффективному и безопасному обществу: Послание народу Казахстана // Казахстанская правда. – 2000. – 25 октября.

1) государственные пособия, предназначенные для обеспечения всех граждан гарантированными выплатами на определенном уровне в случае наступления обстоятельств, подлежащих социальной защите;

2) обязательное социальное страхование, финансируемое за счет отчислений работодателей и работников, предназначено для дополнительной социальной защиты работников «формального» сектора экономики, которая зависит от уровня взносов плательщика;

3) накопительное пенсионное обеспечение, подразумевающее регулирование процессов создания пенсионных накоплений каждым гражданином;

4) социальная помощь как дополнительная защита отдельных категорий граждан за счет средств государственного бюджета.

Кроме того, каждый гражданин имеет право осуществлять добровольное страхование на случай наступления социальных рисков¹.

Переход от командно-административных методов руководства экономики к рыночным оказался чрезвычайно сложным. В декабре 1991 г. на основании Закона Казахской ССР «О разгосударствлении и приватизации» была принята программа разгосударствления и приватизации государственной собственности в Казахской ССР на 1991-1992 гг. и положение о купонном механизме приватизации государственной собственности в Казахской ССР. Основной целью программы ставилась задача обеспечения последовательного преобразования государственной собственности в другие формы, приобретения гражданами имущества государственных предприятий.

В первой половине 1992 г. руководство республики выработало основные приоритетные направления социально-экономического развития Казахстана, изложенные в работе Н.А. Назарбаева «Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства». Представляет интерес тот факт,

¹ Концепция социальной защиты населения Республики Казахстан: Одобрена постановлением Правительства Республики Казахстан от 27 июня 2001 года № 886 // НПО решение проблем бедности. – Алматы, 2004. – С. 50-59.

что Казахстан первым из всех постсоветских республик начал разрабатывать долгосрочные планы и программы социально-экономического развития страны. Президент РК Н.А. Назарбаев стал первым политическим лидером на постсоветском пространстве, который уделил приоритетное внимание стратегическому планированию. Так, если совершить ретроспективный анализ социально-экономического развития в государстве в начале 1990-х гг., необходимо отметить то, что в 1992 году в статье «Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства» Н.А. Назарбаев изложил основные принципы модернизации казахстанского общества и государства, наметил ориентиры развития внутренней и внешней политики. Далее эти идеи в 1996 г. получили свое дальнейшее развитие в работе «На пороге 21 века», где была изложена целостная концепция модернизации суверенного Казахстана.

В экономической сфере предполагалось достижение следующих целей: формирование социальной рыночной экономики, основанной на конкурентных началах, в сочетании и взаимодействии основных форм собственности (частной и государственной), каждая из которых будет выполнять свои функции в общей системе экономических и социальных взаимосвязей, создание правовых и других условий для реализации принципа экономического самоопределения человека; введение национальной валюты и обеспечение ее внутренней, а затем и внешней конвертируемости; насыщение потребительского рынка; привлечение и активное использование для развития Казахстана иностранных инвестиций.

Можно выделить четыре этапа в проведении приватизации¹. В период первого этапа реформирования в 1991 – 1993 гг. более 2500 крупных и около 4000 малых предприятий перешли в негосударственный сектор экономики. В большинстве случаев речь шла о переходе государственной к любым смешанным формам собственности (АО, ТОО и т.д.). В марте 1993 г. Н. Назарбаев подвел итоги первого этапа (1991 – 1993 гг.) приватизации («малой приватизации»). Численность работников на

¹ Жаркынбаева Р.С. Социально-экономическое и политическое развитие Республики Казахстан в период независимости: учебное пособие. – Алматы, 2010. – 98 с. (С. 9-10).

приватизированных предприятиях составила всего 12% от числа работающих.

В этом же месяце, в марте 1993 г. Президентом Казахстана был подписан Указ об утверждении Национальной программы разгосударствления и приватизации на 1993 – 1995 гг. (второй этап). Согласно программе все объекты государственной собственности разделялись на две группы: объекты, подлежащие разгосударствлению и приватизации; объекты, приватизация которых была запрещена.

Основной целью приватизации определялось создание необходимых условий для перехода от централизованно-плановой экономики к рыночной на основе персонификации права собственности в процессе возвращения государством населению страны национального имущества путем безвозмездной и возмездной передачи производственных объектов, других материальных и нематериальных активов, принадлежащих государству. Для реализации идеи массовой приватизации был разработан механизм, работающий в двух направлениях – с использованием приватизационных инвестиционных купонов (ПИКи) и инвестиционных приватизационных фондов (ИПФ). Вместе с тем, завершение массовой приватизации не принесло обещанных правительством результатов, т.е. граждане Казахстана в массе своей ничего не получили от этой широко разрекламированной компании.

К 1993 гг. на всем пространстве СНГ усилились дезинтеграционные процессы в кредитно-денежной системе. Летом 1993 г. Россия осуществила денежную реформу, в ходе которой полностью прекращалось хождение советских рублей и был произведен их обмен на новые российские. Одним из наиболее значительных событий в жизни молодого государства можно назвать указ Президента Н.А. Назарбаева от 12 ноября 1993 г. «О введении национальной валюты», согласно которому «единственным законным платежным средством становится тенге». Так 17 ноября 1993 г. Казахстан был вынужден ввести национальную валюту – тенге.

В целом, 1991 – 1993 гг. можно охарактеризовать как период первоначального становления рыночных отношений в Казахстане, который сопровождался нарастающей гиперинфля-

цией, углубляющимся спадом во всех отраслях народного хозяйства и катастрофическим снижением уровня жизни населения.

С 1995 г. в социально-экономической жизни страны стали появляться некоторые признаки относительной стабилизации. Главные из них – замедление темпов инфляции и определенное улучшение в финансовой сфере.

Третий этап приватизации начался в декабре 1995 г. когда был принят Указ Президента, имеющий силу Закона, «О приватизации», в ст. 12 п. 2 которого узаконена передача государственного имущества в доверительное управление с правом последующего выкупа. Этот указ послужил также правовой основой разработки и принятия правительством новой «Программы приватизации и реструктуризации государственной собственности на 1996-1998 гг.». Основной целью ставилось достижение и закрепление преобладания частного сектора в экономике путем завершения в основном процесса приватизации. Реализация программы была направлена на:

- завершение приватизации государственных пакетов акций частично приватизированных предприятий, а также объектов, не проданных на втором этапе в рамках малой приватизации;
- реализацию индивидуальных проектов приватизации государственной собственности;
- включение в процесс приватизации части предприятий и организаций, ранее не подлежащих приватизации;
- разработку и реализацию планов приватизации отдельных секторов экономики;
- содействие формированию круга стратегических инвесторов на приватизационных предприятиях;
- расширение участия иностранного капитала.

В целом, уровень разгосударствления с 1991 по 1997 гг. был достаточно высок, к примеру, если до 1991 г. государственная собственность составляла более 90%, то к 1997 г. удельный вес частных предприятий составлял по республике 80%¹.

¹ Парамонов В.В. Экономика Казахстан (1990-1998). – Алматы: Гылым, 2000. – 196 с.

Третий этап продолжался с 1995 до 1999 г. Последний, четвертый этап приватизации, наступивший после 1999 года, касался новых подходов к распределению полномочий между государственными органами по вопросам управления и распоряжения государственной собственностью. Через национальные компании были сохранены влияние и доля государства в стратегически важных секторах народного хозяйства, определяющих экономическую безопасность страны.

Таким образом, первая волна приватизации проводилась руководством страны в 90-е годы с целью создания основ для рыночной экономики. Тем не менее, определенное количество предприятий оставалось в государственной собственности, а многие компании и институты развития создавались уже после первой волны приватизации. Часть этих государственных активов была передана в свое время в управление государственному холдингу «Самрук-Қазына» для повышения эффективности их деятельности. Данная работа проводилась в силу объективных экономических причин, в частности, в рамках плана руководства страны по нивелированию последствий экономического кризиса 2008-го года. Нынешняя волна приватизации проводится уже в целях упрочения основ рыночной экономики, и основная идея этой программы – придать импульс дальнейшему развитию частного бизнеса страны. В настоящий момент АО «Самрук-Қазына» передает в частный сектор компании, которые создавались в рамках государственных инициатив по диверсификации экономики и развития новых отраслей. В сентябре 2015 года Правительство РК объявило о планирующемся запуске новой, более масштабной приватизации с учетом новых подходов. В декабре 2015 года вышло Постановление Правительства РК «О некоторых вопросах приватизации на 2016-2020 годы»¹.

С момента обретения независимости перед Республикой Казахстан встала необходимость создания совокупности социально-экономических, политических и финансовых факторов, влияющих на привлекательность инвестиционного рынка.

¹ Информационно-аналитический портал АО «ФОНД НАЦИОНАЛЬНОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ «САМРУК-ҚАЗЫНА» // <http://sk.kz/page/privatizatsija>

В настоящее время в Казахстане сложились устойчивые потоки иностранных инвестиций в основные добывающие отрасли, что положительно повлияло на темпы экономического роста.

Одним из приоритетных направлений экономической политики Казахстан являлось развитие нефтегазовой промышленности, что объясняется значительными запасами нефти и газа в недрах республики. Развитие нефтяной промышленности Казахстана начинается с 29 апреля 1911 года, когда стало осуществляться освоение месторождений Доссор и Макат. С этого момента иностранные и русские промышленники стали проявлять особый интерес к территории междуречья Урал – Эмба. Принятые законодательные акты и организационные мероприятия способствовали укреплению инвестиционной привлекательности страны и, соответственно, притоку иностранных инвестиций в казахстанскую экономику. Как результат, Казахстан первым среди стран СНГ получил международный рейтинг инвестиционного класса.

Привлечению инвесторов в Казахстан способствуют следующие факторы:

- наличие инвестиционного потенциала;
- низкий уровень инвестиционного риска;
- стабильные правовые условия;
- основные макроэкономические характеристики – насыщенность территории природными ресурсами, рабочей силой, основными фондами, инфраструктурой и т.п.;
- потребительский спрос населения и другие показатели.

Следует отметить, что в период с 1993 г. по июль 2008 г. было привлечено более 76 млрд долл. США прямых иностранных инвестиций. В отраслевой структуре всех инвестиций в Казахстан 2/3 составляют инвестиции в сырьевой сектор экономики – в горнодобывающую промышленность, геологоразведочную деятельность; далее идут операции с недвижимым имуществом (более 10%); транспорт и связь (более 10%); обрабатывающая промышленность (менее 9%). Сохранение такой структуры на протяжении длительного времени способствовало выравниванию межрегиональных диспропорций, увеличению капитализации ранее недоинвестированных отраслей и регионов, но в перспективе это может привести к отставанию про-

мышленности. Поэтому на нынешнем этапе государство ставит задачу по диверсификации инвестиционных потоков, привлекая больше средств в обрабатывающую промышленность, в промышленные и аграрные регионы¹.

Правительством Казахстана для закрепления республики на траектории устойчивого экономического роста приняты и реализуются ряд среднесрочных и долгосрочных программ:

- Стратегия индустриально-инновационного развития.
- Программа импортозамещения.
- Кластерная модель развития казахстанской экономики.
- Программа возрождения села.
- Программа развития жилищного строительства в Республике Казахстан.
- Система бюджетных программ по развитию отдельных отраслей социальной сферы и решению отдельных социально значимых проблем.
- Стратегия территориально развития до 2015 года.
- Стратегия устойчивого развития на период до 2020 года.
- Транспортная стратегия.
- Программа создания социально-предпринимательских корпораций и другие.

Современный этап экономического развития Казахстана определяется реализацией разработанной в 2002 г. Стратегии индустриально-инновационного развития РК на 2003 – 2015 гг. Целью данной комплексной программы является диверсификация структуры экономики, создание предпосылок для перехода (в долгосрочной перспективе) к сервисно-технологической экономике. Для достижения этой цели и координации деятельности казахстанских национальных компаний и государственных институтов развития в Казахстане в начале 2006 г. были созданы Фонд устойчивого развития (ФУР) «Қазына» и Казахстанский холдинг по управлению государственными активами «Самрук». Основной целью деятельности ФУР «Қазына» является разработка и реализация стратегии повышения конкурентоспособности и экспортных возможностей малого, среднего и крупного

¹ Казахстан сегодня: монография / под общ. ред. Б.К. Султанова. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2009. – 416 с.

бизнеса Казахстана, создания условий и стимулов, способствующих выходу предприятий на международный рынок, формированию экспортных ниш, развитию инфраструктуры¹.

Н.А. Назарбаев в работе «Стратегия радикального обновления глобального сообщества и партнерство цивилизаций» особо подчеркнул, что результатом развития новых технологий должно быть не только обеспечение устойчивого экономического развития, но и, конечно же, повышение качества жизни путем решения следующих проблем:

- создания дополнительных и высокооснащенных рабочих мест, как в сфере науки, так и в сфере производства и услуг;
- повышения образовательного уровня населения, увеличения в составе населения доли лиц, занимающихся более квалифицированным трудом и получающих соответственно более высокие доходы;
- решения собственных производственных, экологических и социальных проблем за счет использования новейших технологий;
- расширения исследований в сферах производства товаров народного потребления, медицины и других, что способствует разработке и внедрению в производство новых видов продукции, медицинских препаратов и т.д.²

Туркменистан. После распада СССР Туркменистан приступил к активному развитию топливно-энергетического комплекса, достижению продовольственной безопасности, обеспечению социально-экономической стабильности, привлечению иностранных инвестиций в экономику страны. При этом еще долгие годы в экономике страны оставалось довольно много элементов советской экономической системы, рыночные реформы продвигались медленно. Со второй половины 1990-х гг. наметился экономический рост, обусловленный крупными инвестициями из-за рубежа, которые были в основном направлены на добычу и переработку нефти.

¹ Казахстан сегодня: монография / под общ. ред. Б.К. Султанова. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2009. – 416 с.

² Назарбаев Н.А. Стратегия радикального обновления глобального сообщества и партнерство цивилизаций. – Астана: ТОО АРКО, 2009. – 264 с.

Туркменистан имеет молодое и растущее население, где почти 50 процентов населения находится в возрасте до 25 лет (оценочные данные ЮНФПА за 2012 г.). Растущее молодое население требует, чтобы Правительство Туркменистана обращало значительное внимание и направляло ресурсы на обучение, образование и создание рабочих мест в стране. Развитие рынка труда в стране осложняется тем фактом, что население Туркменистана проживает в различных географических зонах и имеет различный уровень доступа к рынкам труда, образованию, обучению и различное отношение к мобильности трудовых ресурсов¹.

Туркменистан обладает богатыми природными запасами нефти и газа, которые являются его основными источниками экспортного дохода. Вместе с производством хлопка доходы от экспорта нефти и газа составляют 85%. Благодаря росту цен на энергоресурсы Туркменистану удалось повысить внешний долг и обеспечить рост поступлений в государственный бюджет².

С первых лет обретения независимости широкое развитие в Туркменистане получила система государственной поддержки и социальной защиты малоимущих слоев населения. Специфика «туркменской модели развития», объявленной президентом С. Ниязовым, сначала подчеркивала медленный переход туркменского общества от советской системы к демократическим принципам. При этом главную роль в этом процессе должно было сыграть государство, что соответствует принципам этатизма. С. Ниязов отмечал: «Мы перейдем к рыночной экономике. Но не допустим при этом снижения уровня жизни. Все наши реформы строятся на этом принципе. Можно как, это делается в ряде стран, столкнуть всех в пропасть и посулить мешок муки тому, кто вылезет. Человек десять обязательно выкарабкаются. А остальные? Не исключено, что этот путь куда-то приведет, но только не к нашим целям... Туркмены не оставляют слабых в беде. Так завещали нам отцы и дети». По

¹ Мир, который мы хотим. Национальные консультации в Туркменистане по определению целей и задач глобальной программы развития на период после 2015 года. – Ашхабад, май 2013. – 34 с.

² Туркменистан – Обзор системы профессионального образования и рынка труда // Европейский фонд образования, 2012. – 42 с. – С. 4

инициативе национального лидера там были осуществлены реформы, направленные на то, «чтобы народ...жил, ни в чем не нуждаясь, чтобы он стал богатым и свободным, обрел чувство собственного достоинства»¹.

Таким образом, можно отметить то, что С. Ниязовым была избрана эволюционная стратегия развития, направленная на формирование многоукладной экономики. В целом, эта политика оказалась достаточно успешной, поскольку позволила экономике страны постепенно адаптироваться к новым рыночным реалиям.

Начиная с 1993 г. гражданам бесплатно выделяется газ, электричество и вода. Указом Президента Туркменистана от октября 2006 г. бесплатное пользование населением газом, электричеством, водой, солью продлено до 2030 года. В настоящее время в Туркменистане государство осуществляет прямое государственное регулирование цен и тарифов на 17 наименований товаров и услуг первой необходимости, чтобы обеспечить их доступность и увеличить уровень реального дохода и покупательной способности населения². С начала 1993 года семьи, имеющие низкий доход, получали ряд необходимых продуктов питания по низким фиксированным ценам. Особо следует отметить, что земля в частную собственность, предоставление которой началось с 1993 года, выделялась бесплатно, а производитель сельскохозяйственной продукции был освобожден от всех видов налогов. Для этой категории населения в системе налогообложения отсутствовали также налоги на землю и воду³.

При этом именно С. Ниязовым были приняты столь непопулярные законы в сфере образования, здравоохранения, социального обеспечения, в частности, подписание Закона о пенсиях, в соответствии с которым с января 2006 г. были прекращены денежные выплаты инвалидам, бывшим работникам кол-

¹ Сапармурат Туркменбаши. Рухнама. – Ашхабад: Туркмен. гос. изд. служба, 2002. – 416 с.

² Туркменистан – Обзор системы профессионального образования и рынка труда // Европейский фонд образования, 2012. – 42 с. – С. 5.

³ Цели в области развития на пороге тысячелетия. Отчет Туркменистана. – Ашхабад, 2003. – 73 с. – С. 11.

хозов и некоторым другим категориям населения, приведшие, как отмечалось в СМИ, даже к гибели пожилых людей.

Избранный в 2007 г. Президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов объявил новую программу экономических и социальных реформ, известную как «Новое возрождение», предназначенную для избавления от наиболее одиозных нововведений С. Ниязова. Президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов отметил, что решение социальных проблем, будь то культура, здравоохранение или жилье, требует больших денег. Соответственно, и социальная структура должна иметь в основе производственную составляющую, обеспеченную продуктивной социально-экономической политикой. «В совокупности это и есть наша национальная модель, конечной целью которой является создание развитой социально-ориентированной рыночной экономики смешанного типа, постепенное и поэтапное формирование высокоэффективной системы с развитым государственным сектором, эффективным предпринимательством и современной рыночной инфраструктурой, действенным макроэкономическим регулированием, обеспечивающим социальные гарантии всем слоям населения и ориентирующим всех хозяйственных субъектов на достижение высоких конечных результатов. Коротко наши цели могут звучать так: «Демократичные рыночные реформы – полный достаток каждой семье – сильное государство».¹

Таким образом, можно отметить, что, как среди стран региона, так и среди стран СНГ, Туркменистан выделяется значительными мерами социальной поддержки малоимущих слоев населения, такими как бесплатное предоставление электроэнергии, газа, соли, питьевой воды, почти 100% субсидирование квартирной платы, транспортных расходов. Как пишет А. Ниязи, что через такой своеобразный «туркменский ваучер» граждане получают определенную долю общенационального богатства, ведь оплата этих жизненно важных потребностей в

¹ Бердымухамедов Г. Экономическая стратегия Туркменистана: опираясь на народ, во имя народа http://www.turkmenistan.ru/?page_id=12&lang_id=ru&elem_id=16836&type=event&sort=date_desc

среднем составляет до 60% всех семейных расходов¹. Однако, несмотря на высокий уровень социальной защиты граждан, согласно исследованиям Т. Дадабаева, в настоящее время, альтернативу программам социального обеспечения, туркменистанцы все чаще видят в возвращении к таким традиционным институтам, как семья, которые помогают им обеспечивать свои бытовые потребности и преодолевать трудности нынешнего этапа экономического развития. В свою очередь, как отмечает автор, это означает трансформацию системы ценностей из социалистической модели, в рамках которой высоко оценивались общественные интересы и общее благо, в такую систему ценностей, в которой все большее значение приобретают частные интересы, интересы семьи и близких родственников².

По одному из основных показателей, которым характеризуется развитие экономики – валовому внутреннему продукту, Туркменистан имел хорошие результаты. В среднем за год в течение 1992 – 2002 гг. прирост валового внутреннего продукта на душу населения составил 15,5%. За годы независимости производство валового внутреннего продукта возросло в 4,5 раза. Рост ВВП в расчете на душу населения по паритету покупательной способности представлен в табл. 1.

Таблица 1

Валовой внутренний продукт в Туркменистане в расчете на душу населения по паритету покупательной способности (в долл. США)

1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.
1190	1260	2001	2174	2285	3893	3472	3630	4209	4971	5350	5846

Источник: Туркменистан, возрожденный гением Великого Туркменбаши. Золотая эпоха Туркменистана в цифрах и фактах. Под общей редакцией В.М. Храмова и Дж. Байрамова // Министерство экономики и финансов Туркменистана, Национальный институт Государственной статистики и информации Туркменистана. – Ашхабад, 2002. – С. 21, 49.

¹ Ниязи А. Киргизия и Туркмения: попытка сравнительного анализа моделей развития // Азия и Африка сегодня. – 2006. – №7. – С. 42-44. (С. 43).

² Дадабаев Т. Постсоветский Туркменистан: условия жизни, доверие между людьми, источники беспокойства // Центральная Азия и Кавказ. – 2006. – №4 (46). – С. 147-157. (С. 157).

В 2000 – 2002 годы Туркменистан достиг определенных успехов в экономике. Страна по темпам экономического развития, согласно официальным данным, имела одни из высоких показателей в мире. Рост валового внутреннего продукта (ВВП) в 2000 г. составил 118,6%, в 2001 г. – 120,4%. Добыча газа возросла за 2000 – 2002 гг. в 2,3 раза, нефти – в 1,3 раза, производство электроэнергии – в 1,2 раза. Значительно были превзойдены намеченные программой основные показатели развития сельского хозяйства, текстильной промышленности, транспортных коммуникаций, связи. Калорийность питания в среднем на душу населения Туркменистана превысила нормативы, рекомендованные Всемирной Организацией Здравоохранения, в 2000 г. – на 2%, 2001 г. – на 5% и в 2002 г. – 6%¹. В последние годы рост ВВП продолжался, и в 2008 г. он составил 14,7%. ВВП на душу населения в 2008 г. составлял 10600 дол. США (Государственный Статистический комитет Туркменистана)². Рост ВВП, по данным Государственного Статистического комитета Туркменистана, и в последующие годы также оставался устойчивым. Так, рост ВВП в 2009 г. – 6,1%, в 2010 – 9,2%, 2011 г. – 14,7%, в 2012 г. – 11,1%, в 2013 г. – 10,2%, в 2014 г. – 10,3%³.

В Туркменистане в начале 1990-х годов бывшие колхозы и совхозы перевоплощаются в дайханские объединения. Постепенно увеличивается число дайхан, самостоятельно занимающихся сельским хозяйством на арендуемых землях. Государством были разработаны программы для поддержки дайханства, такие как «Зерно», «Новое село» и др. После распада Советского Союза Туркменистан значительно увеличивает производство зерновых и уменьшает производства хлопка.

В результате реализации целенаправленной программы «Зерно» производство пшеницы в Туркменистане за 1991 – 2002 гг. возросло с 205, 6 тыс. т до 2312 тыс. т, или в 11,2 раза, мяса

¹ Цели в области развития на пороге тысячелетия. Отчет Туркменистана. – Ашхабад, 2003. – 73 с. (С. 7).

² Туркменистан – Обзор системы профессионального образования и рынка труда / Европейский фонд образования, 2012. – 42 с. (С. 4)

³ Основные макроэкономические показатели Туркменистана за 2007-2014 гг. <http://www.stat.gov.tm/ru/main/info/makro.pdf>

(в живом весе) соответственно – с 175,1 тыс. т до 340,1 тыс. т, или почти в два раза. В 2003 году производство пшеницы по сравнению с 2002 годом увеличилось на 11% и составило 2536 тыс. т¹. Производство зерновых имело большое значение, так как ранее почти весь хлеб ввозился из других республик Союза. Тем не менее, Туркменистану приходится и дальше экспортировать значительные объёмы зерна, так как собственного не достаточно для обеспечения потребностей страны.

Высокие темпы роста ВВП были обеспечены не только за счет увеличения объема добычи и реализации природного газа и нефти, что, безусловно, играет важнейшую роль, но и развития сельского хозяйства, перерабатывающих отраслей. В частности, химии, нефтехимии, машиностроения и металлообработки, легкой и пищевой промышленности, производство строительных материалов, транспорта. Развитие химической и нефтехимической промышленности осуществлялось на базе внедрения высоких технологий. Особо стоит отметить динамично развивающуюся сферу строительства инфраструктурных, промышленных и гражданских объектов.

С момента обретения суверенитета Туркменистаном был принят ряд нормативно-правовых актов, регулирующих отношения в области разгосударствления и приватизации. В экономике страны за годы независимости постепенно формируется негосударственный сектор, начинают развиваться рыночные институты, банки, рынок ценных бумаг, акционерные общества, страховые компании.

Согласно закону «О разгосударствлении и приватизации собственности Туркменистана», принятому 19 февраля 1992 г², приватизации, в первую очередь, подлежали мелкие предприятия сферы услуг, легкой промышленности, строительства и агробизнеса. В Закон «О разгосударствлении и приватизации собственности Туркменистана» от 19 февраля 1992 г. 1 октября

¹ Цели в области развития на пороге тысячелетия. Отчет Туркменистана. – Ашхабад, 2003. – 73 с. (С. 11).

² Закон Туркменистана «О разгосударствлении и передаче собственности в Туркменистане», принятый 19 февраля 1992 года // Ведомости Верховного Совета Туркменистана. – 1992. – № 2.

1993 года были внесены изменения и дополнения. Закон Туркменистана «О разгосударствлении и приватизации» был принят в новой редакции 12 июня 1997 года.

Постепенный переход от плановой экономики к рыночным отношениям сопровождался изменениями на рынке труда Туркменистана. Так, за период 1991 – 2002 гг. доля работников, занятых в государственном секторе (согласно классификатору секторов экономики Туркменистана, государственный сектор представлен органами государственного управления, образования, здравоохранения, государственными финансовыми учреждениями, а также государственными производственными предприятиями, финансируемыми за счет государственного бюджета и квазикорпораций, контролируемых государством), сократилась с 56% до 32%¹.

Начиная с 2007-2008 гг., страна постепенно диверсифицировала экономику, открыв возможности для частного предпринимательства и развития новых отраслей промышленности. Это можно проследить на основании нижеследующих фактов. Так, в период с 2000 по 2009 гг. доля промышленности в ВВП увеличилась с 38,7% до 42,7% соответственно. Удельный вес же добывающих отраслей в добавленной стоимости промышленности снизился вдвое. В промышленности возросла доля легкой и пищевой отраслей (до 40%). Удельный вес сельского хозяйства в ВВП 2009 г. составил 10,5%, розничной торговли и услуг питания 6,1% и строительства 18,2%².

В настоящее время приоритетными направлениями деятельности туркменских предпринимателей являются промышленность, энергетика и электротехника, строительная отрасль, текстиль, ковроткачество, сельское хозяйство, туризм, полиграфия, производство продуктов питания и товаров народного потребления, оказание транспортных услуг.

15 августа 2009 года вступил в силу Закон «О государственной поддержке малого и среднего предпринимательства»³.

¹ Цели в области развития на пороге тысячелетия. Отчет Туркменистана. – Ашхабад, 2003. – 73 с. (С. 11).

² Туркменистан – Обзор системы профессионального образования и рынка труда // Европейский фонд образования. – 2012. – 42 с. (С. 4)

³ Закон «О государственной поддержке малого и среднего предпринимательства» <http://www.turkmenbusiness.org/content/zakon-turkmenistana-o-gosudarstvennoi-podderzhke-malogo-i-srednego-pre>

Целями Закона являются «формирование правовых основ государственной политики, направленной на создание благоприятных условий для развития малого и среднего предпринимательства как важнейшего звена рыночной экономики, успешное функционирование которого способствует экономическому росту и социальному развитию».

В целях обеспечения устойчивого, ускоренного развития национальной экономики, дальнейшего развития в стране предпринимательства, а также оказания широкой государственной поддержки предпринимателям была принята *«Государственная программа по поддержке малого и среднего предпринимательства в Туркменистане на 2011 – 2015 годы»*. Данная программа предполагает структурную перестройку частного бизнеса, участие предпринимателей в проектах по освоению богатейших природных ресурсов, производстве импортозамещающих товаров, экологически чистой аграрной продукции, разнообразных изделий легкой промышленности.

Несмотря на серьезную критику политики Туркменистана со стороны ряда государств, правозащитных организаций, государство на фоне стабильного экономического роста пытается оставаться гарантом обеспечения социальной защиты граждан страны. По мнению некоторых экспертов, экономический рост и укрепление социального сектора напрямую не связаны с качеством демократизации и формой власти. «...Обвиняемый в тоталитаризме Туркменистан внедрил наиболее успешную программу государственной поддержки, а в последние годы демонстрирует самые высокие экономические показатели»¹.

Таким образом, в ходе реформ в Туркменистане переоснащаются старые предприятия, появилось значительное количество новых предприятий, оснащенных современными технологиями и, соответственно, обеспечение народного хозяйства страны квалифицированными специалистами. В этой связи, начиная с 2007 г. в государстве происходит реформирова-

¹ Годы, которые изменили Центральную Азию : коллективная монография, русскоязычное издание / рук. проекта: В.В. Наумкин, П. Линке; отв. ред. И.Д. Звягельская / ИВ РАН, ЦСПИ. – М., 2009. – 332 с.

ние системы образования, как для устранения негативных последствий «Государственной программы претворения в жизнь 1993 – 1997 гг. новой образовательной политики Президента Туркменистана Сапармурата Туркменбаши», обнаруженной в конце 1993 года, так и для обеспечения лучшей подготовки и обучения новых специалистов, обладающих навыками и знаниями, необходимыми для современной экономики.

О новой образовательной политике С. Ниязов впервые конкретно объявил 3 мая 1993 года на совещании работников просвещения с объявления программы «Билим», направленной на преодоление коммунистической идеологии. А в конце 1993 года в средствах массовой информации была обнародована «Государственная программа претворения в жизнь 1993 – 1997 гг. новой образовательной политики Президента Туркменистана Сапармурата Туркменбаши», которая по сути являлась демонтажом системы образования.

В 1993 году была упразднена Академия наук и ряд научно-исследовательских институтов. Начался перевод туркменского алфавита на латинскую графику. Были исключены из школьной программы такие предметы, как физкультура и обществоведение, объемы преподавания остальных предметов были существенно сокращены.

Избранный в 2007 г. Президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухаммедов объявил новую программу экономических и социальных реформ, известную как «Новое возрождение», предназначенную для избавления от наиболее одиозных нововведений С. Ниязова. Г. Бердымухамедов внес существенные изменения в систему образования, был продлен срок обучения в вузах с двух до пяти лет, восстановлено 10-летнее обязательное образование, выпускники школ более не обязаны получать два года практического опыта работы перед подачей заявления в вузы. Были возвращены старые учебные дисциплины, такие как физкультура и социальные науки, и стали вводиться новые.

16 февраля 2007 года в Ашхабаде открылись первые два интернет-кафе, а согласно плану компании «Туркментелеком», планировалось открыть только в столице более 15 кафе с

выходом в интернет. Интернет-связь начала действовать и в других велятах и в школах. 17 марта 2007 года президент страны Гурбангулы Бердымухаммедов объявил, что в Туркменистане будет возрождена Академия наук, а также сельские поликлиники и военные кафедры в вузах. 1 января 2008 года в Туркменистане открылись обменные пункты валюты, закрытые С. Ниязовым в 1998 году, начала работу Межбанковская валютная биржа. 1 июля 2008 года Туркменистан возвратился к названиям месяцев по григорианскому календарю.

При более углубленном изучении социально-экономической трансформации Туркменистана необходимо отметить недостаточную последовательность и элементы волюнтаризма в процессе принятия решений.

В современном Туркменистане, который считается одним из самых закрытых государств, все еще отдаются отголоски прошлого, и можно отметить своего рода уникальность социально-экономического и политического развития Туркменистана, отличное от других стран.

Таким образом, можно отметить то, что правительство Туркменистана осознает необходимость диверсифицировать экономику страны и снизить ее зависимость от доходов экспорта нефти и газа. За годы независимости была также создана основа продовольственной самообеспеченности страны, в частности, снижен объем импортируемого продовольствия, а высвобожденные ресурсы были направлены на инвестиции в сельское хозяйство и другие отрасли экономики.

Узбекистан. По природно-географическим условиям Узбекистан является одним из наиболее благоприятных мест в Центральной Азии. Территория Узбекистана представляет собой своеобразное сочетание равнинного и горного рельефа. Республика Узбекистан обладает большим производственным и минерально-сырьевым потенциалом, уникальным сельскохозяйственным сырьем, значительными объемами полуфабрикатов, получаемых в процессе переработки, богатыми природными ресурсами, развитой инфраструктурой.

Обилие солнечных дней представляет большие возможности для выращивания сельскохозяйственных культур, таких

как хлопчатник, овощеводство, бахчеводство, виноградарство, плодоводство. Сдерживающим фактором являются лимитированные водные ресурсы, поскольку основные реки Узбекистана, в частности, Сырдарья, Амударья и Зарафшан, имеют трансграничный характер.

На территории Республики Узбекистан выявлен широкий комплекс полезных ископаемых, включающий около 100 видов минерального сырья, из которых 60 уже используются в народном хозяйстве. Недра страны содержат запасы природного газа, бурого и каменного угля, золота, меди, вольфрама, висмута, открыты месторождения нефти. Современный уровень разведки полезных ископаемых связан с освоением богатейших месторождений благородных, цветных и редких металлов, всех видов органического топлива – нефти, природного газа и газового конденсата, бурого и полукоксующегося угля, горючих сланцев, урана, многих видов сырья для строительных материалов.

Будучи в составе СССР, среднеазиатские республики и Казахстан, как и другие союзные республики, получали прямые трансферты. После распада Советского Союза Узбекистан испытывал такие же типичные трудности, что и другие независимые государства Центральной Азии: неэффективность производства, развал центрального планирования, межреспубликанской торговли и платежных механизмов, искусственно сдерживаемую инфляцию и прекращение значительных бюджетных поступлений от правительства. К тому же перед страной встали две характерные для экономики Узбекистана проблемы: падение мировых цен на два основных вида производимой ее продукции – хлопок и золото.

Узбекистан унаследовал от Советского Союза крупные предприятия как тяжелой индустрии, так и легкой и пищевой промышленности. Особо можно отметить Ташкентское производственное объединение, Ташкентский тракторный завод, текстильные комбинаты в Андижане, Бухаре и Нукусе, маслодельные заводы в Касане и Гулистане. Но проблема состояла в том, что их технологический цикл был привязан к предприятиям других, теперь уже независимых государств.

Правительство Узбекистана начало процесс поэтапного реформирования для перехода к рыночной экономике, продекларировав свой отказ от «шоковых» преобразований сохранением социальной стабильности в стране и стремлением избегать социальные кризисы, которые, на их взгляд, способны были дискредитировать рыночные реформы в глазах общества.

В Узбекистане в первые годы независимости президентом И. Каримовым были обнародованы пять главных принципов переходного периода. Первый из них гласил «Государство – инициатор и главный реформатор экономических преобразований»¹, этот принцип фактически означал установление этатизма в социально-экономической политике.

Но во второй половине 1990-х гг. в Республике Узбекистан актуализация внутривнутриполитических угроз вынуждает руководство идти на принятие мер по либерализации политической системы. 1997 г. был объявлен в Узбекистане годом интересов человека, что нашло отражение в принципе «От сильного государства – к сильному гражданскому обществу»², выдвинутому президентом И. Каримовым, противоположному принципу «Государство – главный реформатор».

Для Центральной Азии характерно существование многочисленных, неформальных, созданных и действующих в местных сообществах институтов, функций и отношений, вытекающих из традиционной социальной структуры. Социальные связи и процессы саморегуляции в местных сообществах могут быть основаны на родстве, соседстве, религиозных и других отношениях и могут способствовать решению социальных проблем.

«Основной, ключевой задачей этого периода реформирования нашей государственной системы должен стать последовательный и поэтапный переход от сильного государства, которое было объективно необходимо в условиях переходного

¹ Каримов И.А. Узбекистан – собственная модель перехода на рыночные отношения. – Ташкент: Узбекистон, 1993. – 116 с.

² Узбекистан на пути к гражданскому обществу: сборник статей / под ред. Р. Алимова. – Ташкент: Шарк, 2003. – 304 с.

периода и становления национальной государственности, к сильному гражданскому обществу»¹.

Так, в Республике Узбекистан для социальной поддержки нуждающихся в ней, наряду с государственными источниками, стали широко привлекаться средства трудовых коллективов, общественных и благотворительных организаций и фондов. В решении социальных проблем Узбекистана и региона в целом, большую роль сыграли местные традиционные институты.

«Достаточно много внимания уделялось вопросам децентрализации управления, передачи части функций от республиканского уровня органам областного, городского и районного уровня, формированию в Узбекистане такой уникальной системы местного самоуправления, как махалля»².

Таким образом, в социальном реформировании Республики Узбекистан можно выделить два крупных этапа, первый этап – начало 1990-х и до 1997 гг., когда главным реформатором было объявлено государство, этатистский период, второй этап – конец 1990-х гг. по настоящее время – когда наряду с инициативами государства в дело социального реформирования стали привлекаться и институты гражданского общества.

Существуют различные точки зрения относительно влияния процессов демократизации на социально-экономическое реформирование: «...экономический рост и укрепление социального сектора напрямую не связаны с качеством демократизации и формой власти. Так, социально-экономические перемены в Узбекистане были более успешными, чем в Кыргызстане. Авторитаризм без «шоковой терапии» способствовал смягчению последствий экономического спада, а также сохранил в урезанном виде систему социальной поддержки незащищенных слоев

¹ Каримов И.А. Узбекистан: 16 лет независимого развития. – Ташкент: Узбекистан, 2007. – 275 с. (С. 25).

² См.: Каримов И.А. Концепция дальнейшего углубления демократических реформ и формирования гражданского общества в стране// Доклад Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова на совместном заседании Законодательной палаты и Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан//Народное Слово. – 13 ноября. – 2010 года.

населения¹ и «...Авторитарные методы управления мешают активно развивать различные отрасли экономики...», при этом отмечая то, что «...сбалансированный курс властей пока сдерживает широкомасштабные социальные волнения»².

В целом, по результатам 1990 г. Узбекистан экспортировал товаров на сумму около 12 млрд долл. США, а импортировал на сумму около 19 млрд долл. США. Экономические связи замыкались в основном на республиках СССР (60% – на России, 25% – другие республики Центральной Азии). Экономика носила сырьевой характер и была слабо ориентирована на выпуск готовой продукции (порядка 65% от общего экспорта составляло сырье и полуфабрикаты, тогда как свыше 70% потребительских и промышленных товаров поставлялось из других республик СССР). Хотя Узбекистан и имел развитую социальную сферу, но ее поддержание было возможно только в условиях существенных дотаций (порядка 4,9 млрд долларов США). Распад СССР нанес разрушительный по своей силе удар Узбекистану, в начале 1990-х годов падение машиностроительного производства составило более чем 90%, в 5-6 раз сократился экспорт плодоовощной продукции. К 1995 г. более чем на 60% по сравнению с 1991 г. сократилось финансирование социальной сферы. Узбекистану в 2000 г. первому из всех постсоветских стран удалось восстановить объем производства до уровня 1991 г., в этой связи некоторые авторы писали о чуде «узбекской модели»³.

Узбекистанские экономисты выделяют 3 периода экономического роста страны. Это годы депрессии (1991 – 1995 гг.), становления (1996 – 2003 гг.) и роста национальной экономики (с 2004 г.). В первом периоде объем ВВП устойчиво сокращался. В 1996 г. в республике ситуация в экономике стабилизировалась, темпы роста ВВП были положительными. Начиная с 2004 г. экономическое

¹ Годы, которые изменили Центральную Азию (коллективная монография, русско-язычное издание) / рук. проекта: В.В. Наумкин, П. Линке; отв. ред. И.Д. Звягельская // ИВ РАН, ЦСПИ. – М., 2009. – 332 с.

² Восток и политика: Политические системы, политические культуры, политические процессы: науч.-метод. комплекс / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 685 с.

³ Парамонов В., Строков А. Распад СССР и его последствия для Узбекистана: экономика и социальная сфера // Центральная Евразия. – 2006. – № 06 (11).

развитие страны развивалось динамичными темпами. Ежегодный прирост ВВП в среднем за 2004–2011 гг. достиг 8,1%¹.

В Узбекистане за 2001 – 2013 гг. доля промышленности в ВВП возросла с 14,1 до 24,2%, доля сферы услуг – с 44% до 53%. Инвестиции в инфраструктуру способствовали увеличению внутреннего спроса, расширению занятости и соответствующему повышению качества жизни населения. Структурные изменения в экономике создали основу для обеспечения высоких темпов экономического роста и возможность для трансформации структуры занятости: за 2001 – 2013 гг. доля занятых в промышленности и сфере услуг увеличилась с 66,6 до 72,8%².

Первыми шагами на пути рыночных преобразований в Узбекистане было создание нормативно-правовой основы для реформирования. Главные составляющие рыночной экономики были зафиксированы в Конституции Республики Узбекистан. Так, в Конституции были закреплены право граждан быть собственником (ст. 36), возможность функционирования различных форм собственности и свобода предпринимательства (ст. 53) и др.

Дальнейшее направление реформ было связано с приватизацией государственной собственности, т.е. с созданием многоукладной экономики и формированием класса собственников.

Реализация структурных реформ с фокусом на развитие базовых капиталоемких отраслей, имеющих ограниченный потенциал в создании рабочих мест, а также высвобождение определенного числа занятых в аграрном секторе вследствие реформ по созданию и укрупнению фермерских хозяйств требовали принятия дополнительных мер для обеспечения занятости. Одной из таких мер стало стимулирование ускоренного развития малого бизнеса и частного предпринимательства. Была сформирована целостная система гарантий и стимулов для развития малого бизнеса и частного предпринимательства: за

¹ Салиев А.С., Файзуллаев М. Социально-экономическое развитие в Узбекистане за годы независимости // Вестник АРГО. – 2013. – №2. – С. 131-143. – С. 135.

² Доклад по целям развития тысячелетия Узбекистан-2015 / под общ. ред. Г. Саидовой. – Ташкент: Центр экономических исследований, 2015. – 100 с. (С. 21).

2001 – 2013 годы было существенно упрощено налоговое администрирование, предприняты меры по сокращению административных барьеров и других транзакционных издержек ведения бизнеса¹.

Примерно к 2000 г. основные отрасли экономики были приватизированы, и сформировалась многоукладная экономика, появился новый класс собственников и предпринимателей.

Так, за 2000 – 2015 годы доля малого бизнеса в ВВП увеличилась с 31 до 56,5%, в промышленности – с 12,9 до 40,6%, в сельском хозяйстве – с 73,6 до 98,4%. Развитие малого бизнеса и частного предпринимательства способствовало созданию значительного количества рабочих мест и соответственно росту доходов населения. Доля занятых в секторе малого бизнеса увеличилась с 49,7% в 2000 году до 77,9% в 2015 году².

Согласно данным Государственного комитета Республики Узбекистан Республики Узбекистан по статистике в первом полугодии 2016 года по сравнению с I полугодием 2015 года объем валового внутреннего продукта возрос на 7,8%, промышленности – на 6,7%, сельского хозяйства – на 6,8%, розничного товарооборота – на 14,1%.

Реализация активной инвестиционной политики, направленной на модернизацию, техническое и технологическое обновление производств, развитие транспортной и коммуникационной инфраструктуры, способствовала росту объемов освоенных капитальных вложений на 11,8 процента и подрядных строительных работ – на 17,5%.³

За годы независимости была сформирована рыночная инфраструктура, созданы условия для иностранных инвесторов, расширились торгово-экономических связей с предпринимателями зарубежных стран. Были созданы новые отрасли промышленности, такие как автомобилестроение, производство

¹ Доклад по целям развития тысячелетия Узбекистан-2015 / под общ. ред. Г. Саидовой. – Ташкент: Центр экономических исследований, 2015. – 100 с. (С. 22-23)

² Доля малого предпринимательства (бизнеса) в экономике и ее основных отраслях <http://www.stat.uz/ru/90-interaktivnye-uslugi/ekonomika-v-tsifrakh/773-razvitie-malogo-predprinimatelstva-biznesa-v-uzbekistane>

³ Об итогах социально-экономического развития Республики Узбекистан за I полугодие 2016 года // Народное слово. – 2016. – 27 июля.

телевизоров, предприятия по переработке нефти, газа, хлопка и т.д.

Кыргызстан. До недавнего времени Кыргызстан, именуемый как «островок демократии», имел отличную репутацию в глазах мирового сообщества. Следует напомнить также, что это молодое государство получило самую большую среди стран региона внешнюю помощь на осуществление политических и экономических реформ. В настоящее время не прекращается особенный интерес мировой общественности к Кыргызстану, обусловленный политическими и этническими волнениями, происходящими в республике.

Общее развитие ситуации в государствах Центральной Азии в этот период характеризовалось нарастанием негативных тенденций в экономической и социальной сферах жизни. Попытки перехода к рыночным отношениям зачастую приводили к резкому разрыву налаженных в прошлом хозяйственных связей, что вело к падению производства и жизненного уровня населения. Особенно болезненной была эта ситуация для Кыргызстана, в силу нехватки собственных энергоносителей и отсутствия возможностей экспорта на внешние рынки углеводородного сырья.

В 1991 г. правительство Кыргызстана с участием МВФ разработал экономическую программу развития Кыргызстана на макроэкономическом уровне, и активно начало процесс осуществления экономической либерализации. Были либерализованы цены на внутреннем рынке, приняты новые законы и указы, прежде всего, относительно приватизации предприятий и проведения земельной реформы. Состоялись реорганизация структуры государственного управления и важные кадровые замены на ключевых государственных постах, то есть Кыргызстан выбрал радикальный, так называемый «шоковый» вариант.

В январе 1991 г. был разработан и утвержден экономический курс, направленный на создание многоукладной экономики смешанного типа. Итогом преобразования государственной собственности стало формирование негосударственного сектора экономики, его доля в 1996 г. в общем объеме ВВП составила 22,3%.

В республике насчитывалось 96,2 тыс. хозяйств, субъектов частного предпринимательства, где было занято 750 тыс. человек¹.

Выделяют следующие основные этапы рыночных преобразований в Кыргызстане:

1991 – 1995 гг.: трансформационный спад и структурный кризис. Самые трудные годы для экономики и общества в целом: критическое сокращение ВВП, массовые банкротства промышленных предприятий, трудности адаптации производства к новым условиям совокупного спроса и внутренней и внешней конкуренции. Усилия правительства сконцентрированы на достижении макроэкономической стабильности и недопущении критического падения уровня жизни, угрожающего социальной стабильности Кыргызстана.

1996 – 1999 гг.: восстановительный рост и оживление экономики на базе проводимых структурных реформ. Отмечается определенный прогресс в макроэкономической сфере: положительные (и достаточно высокие) темпы экономического роста, замедление инфляции, оживление инвестиционной активности. Деятельность правительства ориентирована на структурные реформы – создание новых факторов и условий, необходимых для успешного функционирования экономики Кыргызстана. Но именно в этот период в социальной сфере происходит накопление крайне болезненных социальных издержек трансформации: роста имущественного расслоения, бедности, социальных болезней.

2000-е гг. – по настоящее время: период стабилизации экономического роста. Стабилизация экономики создает необходимые, но пока еще не достаточные, условия для трансформации формулы политики правительства: «через структурное строительство и становление рыночного индивида – к устойчивому экономическому и человеческому развитию». Одновременно усиливаются негативные проявления новой экономической модели: рост коррупции и расслоение населения. В этот момент начинает закладываться понимание того, что важными факторами успеха может стать только сотрудничество прави-

¹ Маматов А. Основные направления модернизации социальной сферы Кыргызстана (1992-2002 гг.): автореф. дис. к-та эконом. наук. – Бишкек, 2005. – 26 с. (С. 11)

тельства с общественными институтами, эффективное взаимодействие ветвей власти, обеспечение реального баланса экономических интересов государства и частного сектора¹.

В экономической политике были проведены широкие реформы, включая приватизацию государственных предприятий, реструктуризацию предприятий, торгового и валютного режима, а также реформу финансовых институтов. С 1993 г. была полностью отменена практика государственных заказов в промышленности. К концу 1993 г. было приватизировано 98,7% предприятий сферы бытового обслуживания, 80,7% – торговли и общественного питания, 67,5 – строительной сферы, 39% объектов промышленности².

Аграрный сектор экономики Кыргызской Республики был и остается ключевым в обеспечении продовольственной безопасности страны и занятости населения, снабжает промышленные предприятия сырьевыми ресурсами, а население – продуктами питания. В аграрном секторе в 2015 г. заняты были почти треть занятого населения страны и формировалось около трети добавленной стоимости ВВП. При этом необходимо отметить то, что наибольший уровень распространения бедности в сельской местности.

Правительство упорно внедряло рыночные отношения, не считаясь с социальными издержками. Была объявлена кампания массовой приватизации. Практически все предприятия теперь продавались при помощи купонных аукционов, акции мог приобрести каждый желающий. Такая практика продолжалась до 1996 г. Она решила проблему разгосударствления: негосударственный сектор стал выпускать более половины всей промышленной продукции. Но сохранить уровень производства, а тем более ускорить темпы его развития так и не удалось. В аграрном секторе в результате реформ расформировывались колхозы и на их месте возникали крестьянские хозяйства, мелкие предприя-

¹ Национальный отчет по человеческому развитию за 2005 г. Влияние гражданского общества на человеческое развитие. – Кыргызская Республика, UNDP, 2005. – 104 с. (С. 13)

² История Востока: В 6т. Т. 6. Восток в новейший период (1945-2000 гг.)//Ин-т востоковедения РАН / отв. ред. В.Я. Белокреницкий, В.В. Наумкин. – М.: Вост. лит, 1995. –1095 с. – С. 444.

тия и ассоциации. Уже к 1995 г. число фермерских хозяйств в республике превышало 20 тыс. Однако выпуск сельхозпродукции в Кыргызстане существенно сократился по сравнению с советским периодом, особенно пострадало животноводство. Тем не менее, несмотря на тяжелые условия, в республике постепенно укоренились рыночные механизмы, население стало все активнее искать для себя новые возможности¹.

Немедленный эффект от кардинальных социально-экономических изменений был отрицательным: за четыре года (с 1992 по 1996 год) ВВП упал примерно на 60%, резко увеличилась безработица и снизилась оплата труда (в промышленности). Возросли масштабы бедности. Значительно изменилась структура экономики по секторам: резко упала доля промышленности и выросла доля сельского хозяйства.

С начала экономических реформ в 1991 году и до 1996 года Кыргызстан переживал период экономического спада. Рост затем возобновился и в период с 1996 по 2005 год происходил умеренными темпами – в среднем на 4,7% в год. Тем не менее, судя по всему, экономический рост остается неустойчивым и уязвимым как к внешним, так и к внутренним потрясениям. Возобновление экономического роста в стране сопровождалось сокращением бедности и улучшением распределения доходов. Однако уровень бедности остается высоким (около 40% населения в 2003 году)².

Осуществление социальной политики в Кыргызской республике проходило в два этапа: на первом (1992 – 1995 гг.) – реформы носили стихийный характер, так как еще не были четко определены пути и механизмы практической реализации; на втором этапе (с 1996 г.) они осуществлялись на основе разработанной стратегии социально-экономического развития, долгосрочных планов-прогнозов³.

¹ История Востока: В 6 т. Т. 6. Восток в новейший период (1945-2000 гг.) // Ин-т востоковедения РАН / отв. ред. В.Я. Белокреницкий, В.В. Наумкин. – М.: Вост. лит, 1995. – 1095 с. – С.445.

² Кыргызстан: экономический рост, занятость и сокращение бедности / Международная организация труда. – 2008. – 78 с.

³ Маматов А. Основные направления модернизации социальной сферы Кыргызстана (1992-2002 гг.): автореф. дис. к-та эконом. наук. – Бишкек, 2005. – 26 с. – С. 13.

Необходимо отметить и высокий уровень неформальной экономики. По мнению кыргызстанских исследователей, неформальная экономика в республике начала развиваться с 1989 года, когда более чем 80% ее населения мигрировало из сельских регионов в Бишкек. Более 1,5 миллиона человек (при общей численности населения 5,4 млн чел.) превратились в трудовых и экономических мигрантов, сконцентрированных в Бишкеке (при этом более трети из них работают как «маятниковые» мигранты за рубежом). За последние двадцать лет пригороды столицы разрослись в связи с массовыми захватами земель самозастройщиками. Более тридцати кварталов с домашними хозяйствами в среднем от 2500 до 7000 в каждом выросли вокруг Бишкека¹.

За двадцать лет, прошедших с начала реформирования, динамика валового внутреннего продукта Кыргызстана характеризуется неравномерностью развития. С 1991 по 1995 гг. наблюдается его снижение, когда объем ВВП сократился на 45%. С 1996 по 2005 гг. отмечается экономический рост, в результате чего прирост ВВП за этот период составил 58%. Существенные изменения произошли и в структуре ВВП. При сокращении отраслей народного производства, в основном, промышленности (с 27,5% в 1991 г. до 19,4% в 2010 г.), сельского хозяйства (с 33,3% в 1991 г. до 18,5% в 2010 г.), возросла доля отраслей, производящая услуги и особенно торговли (с 4,2% в 1991 г. до 16,1% в 2010 г.), транспорта и связи с (3,7% в 1991 г. до 9,1% в 2010 г.)². Развитие торговли было обусловлено и тем, что 20 декабря 1998 году Кыргызстан был первым из государств СНГ, принятым во Всемирную торговую организацию.

Вместе с тем, несмотря на то, что большинство государств ставит акцент на росте ВВП, как на свидетельстве стабильного экономического роста, анализ официальной статистики показывает, что нередко рост отражает неоднозначные процессы в экономике. По итогам первого полугодия 2007 г. президент К. Бакиев отметил рост ВВП на 9,2%. При этом данный рост был достигнут за счет роста услуг почтовой и электронной связи

¹ Кыргызстан на современном этапе развития: Аналитические заметки: Гражданское общество, миграция, ислам, коррупция. – Бишкек, 2008. – 186 с.

² 20 лет независимости Кыргызской Республики. Цифры и факты. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – Бишкек, 2011. – 108 с. (С. 68).

на 51,5% (расходы населения на звонки по мобильным телефонам), строительства – на 37,1% (возведение элитного жилья, офисов, казино, ночных клубов, кафе, ресторанов и т.п.), грузооборота – на 22% (в основном, за счет перевозки резко возросших объемов импорта), оборота торговли на 15% (розничный сбыт импорта), услуг гостиниц и ресторанов – на 15,1%. Рост производства и распространения электроэнергии, газа и воды на 9,65 достигнут, главным образом, вследствие недавнего повышения коммунальных тарифов. Увеличение пассажирооборота – на 6,2% – это, в основном, свидетельство дальнейшего усиления внутренней и внешней миграции, отражающий высокий уровень безработицы в стране. В то же время, рост промышленного производства составил всего 0,95%, сельского хозяйства – 2,8%, в городской отрасли произошло падение производства на 4,7%¹.

В целом, в экономической сфере проведенные реформы не привели к кардинальному улучшению положения республики. В качестве примеров успешного функционирования крупных предприятий с иностранным капиталом можно отметить золоторудное месторождение «Кумтор» в Иссык-кульской области (кыргызско-канадское СП), нефтеперерабатывающий завод (НПЗ) в Джелалабаде и Канте. Есть работающие предприятия сферы легкой и пищевой промышленности, построенные при помощи российского, немецкого, южнокорейского, китайского и турецкого капитала. В Кыргызстане созданы Нарынская, Каракольская, Бишкекская и Маймакская свободные экономические зоны.

Так, с началом экономических реформ в 1992 году Кыргызстан принял стратегию ускоренных изменений при одновременной демократизации политической системы и создании рыночно ориентированной экономики. В экономической политике были проведены широкие реформы, включая приватизацию государственных предприятий, реструктуризацию предприятий, торгового и валютного режима, а также реформу финансовых институтов.

¹ Годы, которые изменили Центральную Азию (коллективная монография, русскоязычное издание) / рук. проекта: В.В. Наумкин, П. Линке; отв. ред. И.Д. Звягельская // ИВ РАН, ЦСПИ. – М., 2009. – 332 с. (С. 116-117).

Таджикистан. Гражданская война 1992 – 1997 годов в Таджикистане оказала большое влияние на политическое и социально-экономическое развитие Таджикистана. Ввиду этого о начальном этапе становления Таджикистана как государства можно говорить о периоде неуправляемости, становление и осуществление политической власти носило неустойчивый характер. Лишь с переходом страны на относительно мирный путь развития после окончания войны первостепенной задачей стало восстановление порядка в стране, и возникла необходимость в сильном государстве.

Ущерб от гражданской войны составил 7 млрд долл. – это примерно 18 годовых бюджетов Таджикистана. Таджикский народ потерял в гражданской войне, по разным оценкам, от 60 тыс. до 150 тыс. жизней. Оживление в экономике началось с 1997 г., стали расти объемы добычи золота, урожаи хлопка и зерновых, выплавка алюминия на заводе в г. Турсун-заде, выработка электроэнергии.

После подписания мирного соглашения в июне 1997 г. правительство Таджикистана начало внедрять программу экономических и политических реформ, например, была проведена валютная либерализация, принято законодательство по ПИИ. Однако процесс приватизации был извращен сделками «для своих», в число которых часто входили бывшие полевые командиры, согласившиеся подписать мирное соглашение в обмен на долю «государственного пирога». Криминальные элементы, некоторые из которых связаны с бывшими полевыми командирами и влиятельными кланами, представляют серьезную угрозу для общества¹.

Таким образом, только после стабилизации политической ситуации, т.е. во второй половине 1990-х годов, стало возможным продолжать социально-экономические реформы. Для достижения макроэкономических показателей 1990 г. Правительство утвердило программу экономического развития на 2000 – 2015 гг. В ней предусмотрены, среднегодовые темпы роста

¹ Доклад о человеческом развитии в Центральной Азии. В будущее без барьеров: Региональное сотрудничество в области человеческого развития и обеспечения человеческой безопасности // Региональное бюро ПРООН по странам Европы и СНГ. – Братислава, 2005. – 281 с.

прироста ВВП в размере 10,3%. При обеспечении таких темпов ВВП на душу населения достигнут уровня 1990 г. только в 2015 г., а общий объем его составит 7 млрд 932 млн сомони (в 2003 г. объем ВВП составил почти 4,76 млрд сомони). Но даже эти темпы, как считают таджикские экономисты, является минимальным, более приемлемы темпы не ниже 14 – 16%¹.

Для достижения макроэкономических показателей 1990 г. правительство утвердило программу экономического развития на 2000 – 2015 г. В ней предусмотрены, среднегодовые темпы роста прироста ВВП в размере 10,3%. При обеспечении таких темпов ВВП на душу населения достигнут уровня 1990 г. только в 2015 г., а общий объем его составит 7 млрд. 932 млн сомони (в 2003 г. объем ВВП составил почти 4,76 млрд сомони). Но даже эти темпы, как считают таджикские экономисты, является минимальным, более приемлемы темпы не ниже 14 – 16% .

Структура производства ВВП в Таджикистане существенно изменилась за годы независимости. За годы суверенитета значительно возросла доля услуг при падении доли промышленности и сельского хозяйства. Доля промышленности в ВВП снизилась с 35,5% в 1992 г. до 14,2% в 2010 г. В 2010 г. в ВВП страны доля услуг составила 53,57%, доля сельского хозяйства – 20,9%².

Важную роль в экономике Таджикистана играла и играет гидроэлектроэнергетика, поскольку он обладает значительными водными ресурсами, занимая второе, после России, место по объему водных ресурсов среди стран СНГ. Руководством страны был взят курс на вывод страны из коммуникационно-энергетической изоляции. Завершено строительство Анзобского туннеля, который соединяет юг и север страны. Достигнута договоренность с КНР о строительстве ГЭС на р. Заравшан.

В Таджикистане стабильное социально-экономического развитие страны обеспечивается на основе программных доку-

¹ Дадабаева З.А. Таджикистан в системе межгосударственных отношений на постсоветском пространстве // Россия и современный мир. – 2006. – № 2. – С. 103-106.

² Таджикистан: 20 лет государственной независимости: Статистический сборник / Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. – Душанбе, 2011. – 832 с. (С. 77).

ментов, прежде всего, Национальной стратегии развития на период до 2015 года, Стратегии повышения уровня благосостояния народа Таджикистана на 2013 – 2015 годы, других отраслевых и региональных программ.

23 апреля 2014 г. в Послании Президент Республики Таджикистан высшему представительному и законодательному органу страны отметил: «Несмотря на негативные тенденции в мировой экономике и их влияние на экономику страны, в 2013 году рост валового внутреннего продукта был сохранен на уровне 7,4%, денежные доходы населения увеличились на 16,5%, а месячная зарплата одного работника – на 20%»¹.

Однако для преодоления последствий кризиса, по мнению таджикских и зарубежных экспертов, потребуется длительный период времени.

Таким образом, в настоящее время в развитии стран региона тесно переплетены экономические, социальные, этноконфликтные, политические и социокультурные проблемы, причем среди этого клубка нерешенных проблем очень трудно их отделить друг от друга. Основные проблемы в развитии региона носят, прежде всего, социально-политический характер, хотя предпосылки лежат в социально-экономической сфере – в проблемах безработицы, бедности, неравномерности в распределении доходов, углубляемой коррупцией, росте влияния наркомафии.

Модернизация в государствах Центральной Азии имеет общие черты, хотя каждое государство модернизировалось по-своему и каждое получило свой, отличный от других, результат. При этом для всех государств Центральной Азии уровень потребления развитых государств остается критерием современного социально-экономического развития. В странах Центральной Азии прошли проверку, как западные модели рыночной экономики, так и модели государственного регулирования социально-экономической сферы. Соответствующее воздействие испытывали идеология и философия местных сообществ. Можно отметить сочетание элементов модернизации и рост традиционалистских настроений. Современное в транзитных обществах Централь-

¹ Послание Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан <http://www.prezident.tj/ru/node/6599>

ной Азии сосуществует с традиционным, образуя причудливые сочетания и иногда, противостоит ему.

В целом, для всех государств региона, переживающих процесс смены модели государственного устройства, коренного изменения экономической системы, присуща фундаментальная общность, и вызовы с которыми они столкнулись, носят, в большей степени, универсальный характер. Новые независимые государства региона осуществили переход от государственной экономики к рыночной, основу которой составляла приватизация, при этом каждая страна имела свою специфичную модель приватизации.

Из всех государств региона особо можно выделить Казахстан и Туркменистан, обладающие значительными природными ресурсами, это страны-экспортеры энергоносителей, которые характеризуются значительной величиной экспорта в структуре ВВП. Также можно выделить государства, в значительной степени финансируются за счет поступлений денежных переводов от трудовой миграции, такие как Таджикистан и Кыргызстан, в меньшей степени Узбекистан.

Главной задачей для государств региона, обладающих значительными природными ресурсами, является эффективное и прозрачное использование своих природных богатств.

Новые независимые государства Центральной Азии, переживающие в настоящее время сложнейший этап системной трансформации, включающийся в процессы глобализации, стоят перед задачей формирования новой модели социально-политического развития, отвечающей вызовам современной социально-политической ситуации в регионе. Продвижение вперед без развязывания туго затянувшегося узла социальных проблем представляется далее невозможным. Новые отношения собственности, рыночное регулирование хозяйственной жизни, изменения в социально-трудовой сфере, усложнившаяся социальная структура, чрезмерная поляризация уровня доходов и качества жизни различных групп населения, межэтнические, межклановые трения, создают новые условия жизни и работы людей и соответственно новые задачи перед государством.

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ
ПРОЦЕССАХ И ПРОЕКТАХ МОТИВАЦИЯ
ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРОЦЕССА
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ**

Стремление к интеграции государств в различных регионах мира является устойчивой тенденцией международного развития. На пике успешного объединения Европы интеграционный процесс и создание интеграционных объединений получили свою привлекательность и распространение в 1990-е годы XX века. Именно в те годы были апробированы сравнительно устойчивые интеграционные модели западного типа, которые смогли успешно адаптироваться к меняющимся условиям мирового развития – Европейский Союз, НАФТА, МЕРКОСУР. Тогда же на фоне одновременной разрушительной дезинтеграции советского пространства новые суверенные государства искали собственный путь дальнейшего взаимного сосуществования и утверждения.

Одной из причин, стимулирующих интеграционное движение, бесспорно, выступает глобализация, обратной ее стороной является повсеместное распространение идентичных рисков. Глобализация резко обострила конкуренцию экономик, усилив финансовое и социальное давление на общества и государства; мир столкнулся с новыми вызовами, вызвав цепную реакцию кризисов. В таких условиях в одиночку выстоять практически невозможно даже крупным государствам, и это заставляет национальные государства консолидироваться, объединяя возможные ресурсы. От адекватного включения стран и народов в процесс интеграции, независимо от уровня и степени социально-экономической развитости зависит преодоление многих региональных и даже мировых проблем. Центральноеазиатские государства и их лидеры не остались в стороне от общемировых тенденций.

В отличие от существующих интеграционных моделей, постсоветская ЦА продолжает развиваться в специфическом

временном и пространственном поле. Хронологически малый отрезок истории суверенного развития стран ЦА и меняющиеся геополитические реалии усложняют развитие региональной целостности. Первоначально центральноазиатские государства, оказавшись в совершенно новых условиях трансформирующегося пространства СНГ, были вынуждены в сжатые по времени сроки выбирать наиболее приемлемые подходы социально-экономического и политического пути развития, форму и содержание межгосударственного сотрудничества. При этом идея региональной интеграции не отрицалась никем из политических лидеров, наоборот, она приветствовалась.

Интеграция Европы и становление Европейского Союза долгое время воспринимались в качестве прогрессивного явления и являлись той интеграционной моделью, что считалась наиболее приемлемой для «подражания» и более тесного сплочения стран Центральной Азии. Их включение в процесс интеграции означало ту форму коллективных действий, которые способствовали бы преодолению как собственных, так и региональных проблем, путь становления нового типа экономических и политических отношений. Был период, когда в странах ЦА даже склонялись к созданию наднациональных органов управления, наподобие европейских структур. Евросоюз представлялся в качестве образца для сверки «правильности», верного развития собственного региона, применимости интеграционных принципов, методов и инструментов для снятия противоречий, порой тупиковых.

Более десяти лет после обретения независимости в политике каждой из республик ЦА так или иначе было отмечено стремление к такому уровню сотрудничества, которое характеризовалось заметной интеграционной направленностью – непосредственное участие в формировании интеграционных групп, союзов. Более того, на фоне возникавших серьезных межгосударственных противоречий, страны, тем не менее, в разной конфигурации спланивались для преодоления общих проблем, вызванных системной трансформацией и переходом к рыночным отношениям. Для решения конкретных задач в политико-правовой, социальной и иных сферах новые государства ЦА искали собственные рецепты. Нередко сближение позиций и

общая направленность политики давала надежды на развитие интеграционного сотрудничества.

Казахстанская сторона выступает в качестве иницилирующего начала процессов, которые обозначают как «интеграционные». С одной стороны, стремление государств Центральной Азии включиться в таковой процесс объективно может быть представлено как часть континентального и общемирового интеграционного потока. С другой стороны, интеграционный процесс требует высокой степени взаимозависимости и взаимодополняемости, прежде всего, в социально-экономической сфере, осознания необходимости высокоразвитости межгосударственных, внутрирегиональных отношений.

Интеграция невозможна без таких категорий, как политическая ответственность, правильно принимаемые решения на наднациональном и региональном уровнях. Применимость наднационального критерия в сближении региона Центральной Азии вызывала споры, сомнения и противоречивые толкования. Более того, практически в каждой из республик ЦА интеграционная идея трактовалась по-своему. Мировой интеграционный опыт, в первую очередь европейский, воспринимался, исходя из собственных национальных интересов, которые лежали в плоскости становления и утверждения национальных государств.

Достаточно серьезное влияние на выбор той или иной модели внутреннего развития оказывал внешний фактор.

В силу геополитических и геоэкономических особенностей ЦА является объектом мировой политики и страны региона подвержены значительному внешнему воздействию со стороны ведущих западных держав. Притягательной силой являются основные центры мирового экономического и политического развития – Россия, Китай, США, Европейский Союз, в инвестициях которых заинтересованы страны ЦА и путем которых регион втягивается в мировую экономику. Сближение с западными державами мотивируется международной и региональной стабильностью и стремлением избежать конфликтов. Региональные лидеры – Иран, Пакистан и Турция, а также Саудовская Аравия стремятся заполнить, каждая на свой манер, политический, экономический, идеологический и т.п. вакуум, образовавшийся в постсоветской Центральной Азии.

Регион Центральной Азии важен и для мировой политики как в стратегическом, так и в экономическом отношении, однако он уязвим изнутри из-за возможной политической нестабильности и этнических конфликтов. Центральная Азия названа «вторыми Балканами» (Зб. Бжезинский), где, как и там, политическая элита испытывает воздействие извне, со стороны ведущих держав. По убеждению Зб. Бжезинского, Евразия и ее центральноазиатская часть, представлены на «шахматной доске», где продолжается борьба за глобальное господство между ведущими игроками. Одно из измерений нынешней Большой игры связано с проблемой углубления связей стран ЦА с крупными мировыми и региональными державами, при одновременном их сопротивлении попыткам установления гегемонии или доминирования какой бы то ни было державы в регионе.

Стоит упомянуть лишь о некоторых идеях и проектах, несомненно, ставших привлекательными для новых государств. Со стороны Турции – это идея расширения тюркского мира вместе с ЦА. Европейский Союз, уверенный в будущем интеграции и в новых интеграционных центрах, стремился к передаче собственного опыта в ЦА. США и страны Западной Европы предлагали проекты рыночных преобразований и стремились к формированию нового демократического пространства. Со стороны России первоначально не поступали импульсы к сближению, но незримо присутствовала неоформленная в проект идея «старшего брата», и вслед за Зб. Бжезинским регион назывался «подбрюшьем России». Китайский фактор, бесспорно, приобретал свое значимое влияние в регионе на фоне «отступления» и возвращения российских интересов. В результате, и Россия, и Китай смогли уверенно активизироваться в Центральной Азии.

Внешняя политика стран региона ЦА выстроена преимущественно как многовекторная. Объясняется она географическим положением стран на стыке европейского и азиатского векторов, а евразийская ориентация более всего отвечала государственным интересам, прежде всего Казахстана. Исходя из геополитики, можно говорить о новой роли государств ЦА, которую они стали играть на евразийском пространстве с обретением независимости. Казахстан и Узбекистан стремятся

занимать лидирующие позиции в регионе. Узбекистан назван Зб. Бжезинским главным кандидатом на роль регионального лидера в ЦА, и в первую очередь, в воспитании чувства пост-этнического современного национализма. Сами узбекские лидеры считают Узбекистан единым национальным ядром ЦА с Ташкентом в качестве его столицы. Туркменистан тоже тяготеет стать региональным геополитическим центром. Они исходят из занимаемого важного местоположения, природных ресурсов и экономических возможностей. В этой связи Казахстан назван «щитом» Центральной Азии, а Узбекистан – «душой» пробуждающихся разнообразных национальных чувств.

Внешним фактором влияния в переходный период стала глобализация. Внутренние преобразования стран ЦА, ускорение рыночных реформ и становление новых экономических отношений были и остаются объективно привязанными к мировой конъюнктуре. Центральная Азия, богатая природными ресурсами и огромным энергетическим потенциалом, не может конкурировать на мировом рынке. Финансовые кризисы, обострение торгово-экономической конкуренции, охватившие практически всю структуру мировой экономики, сказываются на слабости позиций стран ЦА.

Действительно, чтобы не стать объектом для «эксплуатации» со стороны постиндустриальных стран и не воспроизводить отсталость, лидеры всех центральноазиатских республик теоретически могли бы вместе прийти к одному из возможных решений в пользу сплочения, тесного сотрудничества в рамках региональной интеграции нового формата.

Не исключается утверждение относительно того, что дезинтеграционные тенденции и межгосударственные противоречия, объективно сопровождавшие «развод» республик бывшего Советского Союза, были стимулированы внешними факторами. Некоторые из факторов риска, что угрожали стабильности региону ЦА, исходят от нестабильных стран и режимов Пакистана, Афганистана. Потребность в скором внутреннем переустройстве, натиск внешних рисков и прочее стимулировали определенную тягу к сближению с крупными соседями Россией и Китаем, которые и «подтолкнули» страны региона в ШОС, ЕврАзЭС –

ЕАЭС. Но вначале были предприняты попытки к созданию региональных интеграционных групп в Центральной Азии.

Казахстан, в отличие от остальных республик ЦА, был участником практически всех интеграционных группировок. Но двусторонний формат остается наиболее действенным. Так, Республика Казахстан имеет с соседями по Центральной Азии – Узбекистаном, Кыргызстаном, Туркменистаном и Таджикистаном – Договоры о вечной дружбе и сотрудничестве. Сотрудничество на двусторонней основе являлось и остается приоритетным в плане более быстрого решения межгосударственных проблем. При этом, по словам К. Токаева, фактор личных отношений между руководителями центральноазиатских государств является решающим. Связи обрели многогранный характер, служат обеспечению стабильности в регионе, интересам развития экономики, науки и техники, взаимообогащения культур наших братских народов. Например, десять лет назад Президент Н. Назарбаев предложил в 2005 г. идти в сторону углубления дальнейшей интеграции, создать Центральноазиатский Союз (ЦАС)¹. Перед Казахстаном, как и перед другими государствами ЦА, по его словам, стоял выбор: оставаться вечным сырьевым придатком мировой экономики, ждать прихода следующей империи, или пойти на серьезную интеграцию. «Договор о вечной дружбе между Казахстаном, Узбекистаном, Кыргызстаном может послужить прочной базой для такого объединения. Я не исключаю и другие страны региона. У нас общие экономические интересы, культурно-исторические корни, язык, религия, экологические проблемы, внешняя угроза. Нам надо перейти к тесной экономической интеграции, двигаться к общему рынку и общей валюте. Настала пора именно нам показать новый, необходимый путь следующим поколениям равноправных народов региона». Объективно ситуация 90-х годов, равно как, впрочем, и сегодня, требовала осознания необходимости, политической воли в пользу интеграционного выбора. Сегодня этой ситуации не может соответствовать исключительно призыв и убеждение, необходимы действия.

¹ См.: Назарбаев Н.А. Послание Президента РК народу Казахстана. Казахстан на пути ускоренной экономической, социальной и политической модернизации. – Астана, 25 февраля 2005 г.

Интеграционная инициатива, отвечающая интересам региона, давно является притягательной. Но по истечении четверти века такое понятие как «региональная интеграция ЦА» остается идеей, а на практике – трудно осуществимым проектом. Среди причин, что «отвлекают от главной цели» интеграции, можно назвать множество, и прежде всего большой разброс внутренних задач, которые стоят перед транзитными государствами, и которые не дают возможности консолидировать интеграционные усилия в условиях вызовов XXI столетия.

Региональный курс Центральной Азии во внешнеполитических приоритетах Казахстана

Большая часть территории нашей республики расположена в регионе, который сравнительно недавно получил название «Центральная Азия» (Central Asia). Дискуссия начала 1990-х годов о политическом смысле географического понятия Средняя Азия и о приемлемости термина Центральная Азия была вынесена на обсуждение глав пяти среднеазиатских республик в январе 1993 г. Было решено отказаться от использования термина «Средняя Азия» (Middle Asia) для бывших среднеазиатских республик и в дальнейшем обозначать регион как «Центральная Азия» (Central Asia). Тем самым, государствам региона был придан не только географический, но также политический смысл центра Евразии¹. Однако до настоящего времени продолжаются дискуссии о региональных составляющих Центральной Азии, важнейшими из них являются государства-нации, сформированные или формирующиеся.

Несмотря на общепринятую терминологическую позицию, страны региона разнятся в употреблении единого названия. Прежнее понятие «Средняя Азия и Казахстан» употребляется чаще в политических и научных кругах в Узбекистане. Наоборот, в Таджикистане и Кыргызстане склонны к обозначению региона как «Центральная Азия».

¹ О дискуссии в литературе по вопросу употребления понятия «Центральная Азия», см.: Сиверс В. Развитие взглядов на понятия «Центральная Азия», «Средняя Азия», «Горная Азия» и «Внутренняя Азия» в классической немецкой и русской географии. Комментарии А.И. Краснова // ГЕО [http://geo.1september.ru/2003/30/22.htm]; Суюнбаев М. Идентификация региона // ЦентрАзия: [http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1315408920, 07.09.2011]

В ежегодном Послании президента Н. Назарбаева народу Казахстана от 2006 г. неожиданно появляется понятие «Средняя Азия» в обозначении одного из внешнеполитических приоритетов нашей страны, направленный на усиление «среднеазиатского» (в отличие от «центральноазиатского») направления¹. Неожиданность заключалась в том, что годом раньше, в 2005 г. Послание содержало казахстанскую инициативу по созданию Союза центральноазиатских государств². Инициатива в очередной раз была обращена к нашим соседям заняться интеграцией Центральной Азии. «Региональная интеграция ЦА, говорилось в Послании, означает путь к стабильности, прогрессу региона, экономической и военно-политической независимости». Опираясь на мировой опыт, для ЦА предлагался путь к тесной экономической интеграции через общий рынок и общую валюту.

Возвращение к определению «Средняя Азия», в советское время означавшее регион в составе четырех республик – Узбекистан, Киргизия, Таджикистан и Туркмения, несколько дистанцировало от них Казахстан. В некоторой степени оно даже указывало на разность уровня социально-экономического и политического развития стран, на их разный политический вес и их возможности.

В известной концепции национальной безопасности США дано новое определение региона – «Большая Центральная Азия» в составе с Афганистаном, Индией, Пакистаном, Синьцзянем (КНР).

Таким образом, терминологически «Центральная Азия» является неустоявшимся понятием. Несмотря на двоякое употребление, Центральная Азия, как регион, реально существует и утверждается. Наоборот, здесь развиваются взаимосвязанные процессы, обусловленные общими задачами, где каждое государство занимает свое значимое место.

Интерес к ЦА со стороны США и стран Европейского Союза, Китая и России, непреходящ на протяжении четверти

¹ Назарбаев Н.А. Послание Президента РК народу Казахстана. Стратегия вхождения Казахстана в число 50-ти наиболее конкурентоспособных стран мира. – Астана, 1 марта 2006.

² Размышления на эту тему и неоднократные вопросы, обращенные к видным казахстанским экспертам, включая аудиторию конференции КИСИ по обсуждению Послания, не давали однозначного ответа. В конце концов, в политической литературе и лексике употребляются равно оба понятия «Средняя Азия» и «Центральная Азия».

века. Для Казахстана важно поддержание дружеских и стабильных отношений как со своими соседями, так с наиболее весомыми мировыми игроками. В этом смысле многовекторный курс казахстанской внешней политики вполне оправдан.

Важное место отводится региональной политике в выстраивании стабильных и непротиворечивых отношений со всеми центральноазиатскими республиками, и с каждой из них по своему – Кыргызстаном, Узбекистаном, Таджикистаном, Туркменистаном. Казахское руководство стремится к такому формату отношений, который отвечал бы региональным интересам.

Так, в «Концепции внешней политики РК на 2014 – 2020 годы» говорится о том, что приоритеты и задачи внешней политики Республики Казахстан исходят из интереса Казахстана в поддержании политически стабильной, экономически устойчивой и безопасной Центральной Азии, ее успешном развитии. «Осознавая свою ответственность и роль в регионе, Казахстан будет прилагать всесторонние усилия для обеспечения региональной стабильности и безопасности, противодействия новым вызовам и угрозам, в том числе исходящим из сопредельных территорий». Более того, концепция вновь указывает на то, что «Казахстан будет стремиться к развитию внутрорегиональной интеграции в Центральной Азии в целях снижения конфликтного потенциала, решения социально-экономических проблем, развязки узла водно-энергетических и иных противоречий». Примечательно, целевая установка внешней политики РК вновь актуализирует интеграционную идею: «Перспективной целью видится трансформация региона в единый интегрированный субъект международной политики и экономики»¹.

Центральная Азия и Содружество Независимых Государств: путь к многоуровневой интеграции?

Беловежские соглашения от 8 декабря 1991 года, заключенные лидерами трёх славянских республик – России, Украины и Беларуси и последовавшая вслед за этим 13 декабря 1991 года встреча в Ашгабаде пяти руководителей центральноазиатских

¹ Концепция внешней политики РК на 2014-2020 гг. Утверждена Указом Президента РК от 21 января 2014 года № 741 // сайт МИД РК: [<http://mfa.gov.kz/index.php/ru/vneshnyaya-politika/kontseptsiya-vneshnoj-politiki-rk-na-2014-2020-gg>]

государств – Казахстана, Туркмении, Киргизии, Узбекистана и Таджикистана, запустили «парад суверенитетов» и распад СССР. «На равноправных началах» было образовано Содружество Независимых Государств (СНГ) в составе 11-ти государств. Согласно Алма-Атинской Декларации, СНГ не являлось ни государством, ни надгосударственным образованием¹ – еще одна форма реинтеграционного процесса, в рамках которого возникали и возникают союзные и интеграционные проекты. Такое Заявление, скорее всего, явилось причиной того, что США официально не признают в международно-правовом отношении СНГ и не вступают с ним в сношения. Политические и экономические отношения с постсоветскими государствами США строят исключительно на двусторонней основе или соответственно в рамках международных организаций: ООН, ОБСЕ, НАТО, МВФ, ОЭС и др.

Декларация подтверждала «приверженность сотрудничеству в формировании и развитии общего экономического пространства, общеевропейского и евразийского рынков». Демонстрируя свое стремление к безопасности, государства-учредители СНГ (за исключением России, трёх стран Балтии и Грузии), демонстративно заявили о своём «стремлении к достижению статуса безъядерного и/или нейтрального государства». Так, Казахстан стал безъядерным государством, а Туркмения заявила о своём нейтральном статусе. Так центральноазиатские государства оказались в составе нового постсоветского интеграционного объединения под общим названием СНГ². Говоря о соотношении центробежных и центростремительных тенденций, их следует рассматривать в комплексе взаимозависимых проблем – экономики, политики и безопасности.

Идея создания «на равноправных началах» действующего Содружества независимых государств (СНГ) не реализована. Оказались практически невыполнимыми принципы «приверженности сотрудничеству в формировании и развитии общего

¹ Алма-Атинская декларация, 21 декабря 1991 г. // Сборник документов по международному праву. – Алматы, 1998. – С. 104.

² Одна из первых работ по осмыслению сформированного СНГ, представляющая интерес с научной точки зрения, была написана сотрудниками КИСИ. См.: Ахметжанов А., Султангалиева А. Идея Евразийского Союза для СНГ и Казахстана // Казахстан и мировое сообщество. – 1995. – № 12.

экономического пространства, общеевропейского и евразийского рынков» (Алма-Атинская декларация, 21 декабря 1991 г.).

СНГ не стало интеграционным объединением. Одной из ошибок методологического характера явилось противопоставление понятий «национальное государство» и «интеграция». Они рассматривались как несовместимые. На это нацеливали и эйфория суверенитета, и внутренние проблемы. На фоне ярко выраженного желания большинства государств СНГ быстро войти в Большую Европу или в Большую Азию привело к дистанцированию их друг от друга и, естественно, любая интеграционная идея не получила одобрения ни на одном уровне общественных предпочтений.

Созданные в рамках СНГ институты работали неэффективно, а к 1994 г. Содружество стояло перед альтернативой – прекращение деятельности или принятие конкретных мер по преобразованию в нормально функционирующее объединение. Именно в то время возникла острая необходимость концептуальных разработок, которые бы целостно и реалистично представили перспективы постсоветского пространства.

Логическим развитием интеграционных инициатив со стороны Казахстана явилась идея Нурсултана Назарбаева о создании Евразийского Союза (ЕАС) – нового объединения из стран-участниц СНГ. Впервые она была озвучена 29 марта 1994 г. на встрече с преподавателями и студентами МГУ. «Проект о формировании Евразийского Союза Государств» был направлен главам государств СНГ вскоре, 3 июня того же года¹. Первоначальные отклики в прессе, а затем дискуссия вокруг идеи ЕАС приобрела качественно новое значение. Идея ускорила и политическую кристаллизацию в отношении дилеммы – дальнейшая дезинтеграция или реинтеграция.

Первое десятилетие постсоветского развития уверенно можно определить как период движения новых государств от распада к единению. В 1990 – 1992 годы повсюду возобладали национальные идеи, нередко с националистическими лозунгами, направленные на внутренние преобразования. Время станов-

¹ Проект «О формировании Евразийского Союза Государств» // Евразийское пространство: интеграционный потенциал и его реализация. – Алматы, 1994.

ления новых государств характеризуют центробежные тенденции, вызванные в основном антиимперским синдромом на СССР в лице России, всеобщим кризисом народного хозяйства, коллапсом политической и экономической системы.

Постепенно менялось отношение к дальнейшему развитию постсоветского пространства. Сегодня признано, что «Содружество Независимых Государств сложилось как международная региональная организация, со всеми атрибутами международной организации. Она нужна, она востребована» (исполнительный секретарь СНГ Сергей Лебедев). Подводя итоги 25-летию существованию СНГ, большинство лидеров стран Содружества сошлись в едином мнении, в результативности СНГ, а потому «в необходимости сохранения СНГ как международной, полноценной международной организации». По словам Президента России В. Путина, «она [СНГ как международная организация – М.Г.] создала условия для мягкого, постепенного и достаточного комфортного для всех участников этой организации процесса суверенизации. Она создала нам такие условия, при которых мы продолжали сотрудничать друг с другом и в то же время, укреплять суверенитет»¹.

В свою очередь и Президент Кыргызстана А. Атамбаев выразил уверенность в СНГ: «Здесь мы найдем такой оптимальный баланс между национальными интересами каждой страны в то же время интеграционными процессами»².

Возможно, что лидеры государств ЦА и СНГ вернутся к идее и политике интеграции региона, возможно, в иной форме и в новых условиях. Уже в июне 2016 года, критикуя позицию сторонников дезинтеграционной картины мира, Президент Казахстана Н. Назарбаев на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума заявил о том, что объективно «глобальная экономика страдает не от избытка интеграции, а, наоборот, от ее недостатка»³.

¹ Владимир Путин о своем видении будущего СНГ. Пресс-конференция в Бишкеке // 1 TV, 17 сентября 2016: [<https://www.1tv.ru/news/2016/09/17/310184>]

² На саммите в Бишкеке принято решение о дальнейшей судьбе СНГ // Tengrinews. – 2016. – 16 сентября: [<https://news.mail.ru/politics/27140355/?frommail=1>]

³ Новости-Казахстан: [<https://newskaz.ru/politics/20160617/12222040.html>]; Zakon.kz: [<https://www.zakon.kz/4800466-nazarbaev-globalnaja-jekonomika.html>]. – 2016. – 17 июня.

Казахстанская внешняя политика действует не в отрыве от центральноазиатского региона, она тяготеет к многополюсной ориентации. Об интеграции заявлено, как о многоярусном и разностороннем процессе в рамках СНГ. Данный процесс представлен следующим образом: Казахстан продолжает взаимодействовать с СНГ, развивая проект ЕАС; участвует в новых интегрированных структурах типа Организация экономического сотрудничества (ОЭС) и стремится к созданию Центральноазиатского союза (ЦАС).

Интеграционная инициатива Казахстана в СНГ – проект ЕАС

Идея Евразийского союза возникла не случайно. Эту идею Н. Назарбаев озвучил в России, стране, которая, как и Казахстан является евразийским государством. Казахстан же, занимая двойственное положение в системе международных отношений, принадлежит к тюркоязычному миру, его связывает религиозная общность с исламским миром, исторические корни и психологические особенности национального духа обуславливают принадлежность Казахстана к Востоку. Одновременно европейская принадлежность Казахстана обусловлена не только географическим положением, факторами демографического и политического свойства, характером построения светского государства. Актуальность европейского и евразийского начала, по сути, объективно predeterminedена во внешнеполитических ориентирах и действиях Казахстана.

Исходя из того, что аморфность и недееспособность СНГ препятствовали экономическим реформам, реальной интеграции, проект ЕАС предлагал не только сохранить хозяйственные связи, но и постепенно формировать новые рыночные отношения. В проекте ЕАС говорилось: «Как показывает мировая практика, только при коллективных усилиях транзитные общества в состоянии осуществить успешную модернизацию. В то же время продолжающиеся попытки решить эти задачи отдельными странами СНГ в одиночку по-прежнему безуспешны. Они останутся таковыми до реализации экономической интеграции на новых условиях». Кроме того, «существующая в настоящее время структура органов СНГ не позволяет реализовать имеющийся интеграционный потенциал, и возникла необходимость перехода на новый уровень интеграции».

С целью создания единого экономического пространства предлагалось формирование ряда наднациональных координирующих структур, в их числе – Комиссия по экономике при Совете глав государств, Комиссия по сырьевым ресурсам стран-экспортеров ЕАС, Комиссия по межгосударственным финансово-промышленным группам и совместным предприятиям, Комиссия по вводу расчетной денежной единицы. В сфере обороны предлагалось заключить договоры по совместным действиям по укреплению национальных Вооруженных сил стран-членов ЕАС и охране внешних границ, созданию единого оборонного пространства, по формированию коллективных миротворческих сил ЕАС, по созданию межгосударственного совета по проблемам ядерного оружия.

Создание Евразийского союза отвечало интересам и России, и Казахстана, для которого география объективно предопределила азиатское и европейское ориентиры. Анализируя проект ЕАС, можно прийти к выводу, что речь идет, по сути, о стратегическом курсе взаимоотношений государств Центральной Азии с Россией и другими бывшими советскими республиками, о будущем взаимоотношений азиатской и европейской части постсоветского пространства, о принципах и геополитических контурах этих взаимоотношений.

Сама идея создания ЕАС во многом аналогична успешно действующей интеграционной организации – Европейского Сообщества. Сам же проект ЕАС имеет немало схожих пунктов и элементов логического развития интеграции с австрийским проектом «Пан-Европа» в первой половине 1920-х годов. После второй мировой войны панъевропейский проект лег в основу современного ЕС.

Небезынтересен вопрос, вызывавший с самого начала немало споров о том, какая группа/форма интеграции для Центральной Азии более приемлема и возможна? Речь шла о создании либо Евразийского (ЕАС), либо Центральноазиатского союза (ЦАС).

Проект ЕАС предусматривал многоярусную и разноскоростную интеграцию в рамках СНГ. Действительно, на постсоветской территории действовало несколько разноскоростных

интеграционных объединений – СНГ, ЦАС, Договор «4+N», Договор «О союзе Беларуси и России», ЕврАзЭС. В Государственной Думе Российской Федерации на слушаниях «О возникновении Содружества Независимых Государств, его нынешнем состоянии и перспективах развития» отмечалось, что ЕАС – наиболее разработанная и обоснованная из предложенных интеграционных идей.

В качестве основополагающего элемента интеграционного процесса создавался Таможенный союз. Таможенный союз – это объективная необходимость, он позволяет обеспечивать свободное перемещение в пределах общей таможенной территории товаров и капиталов. Поскольку интеграция центральноазиатских государств замедлила темпы, Казахстан пошел на более тесные отношения со славянскими государствами. Первые шаги по его созданию были сделаны еще в рамках СНГ (Соглашение о Таможенном союзе, январь 1995) Россией, Беларусью и Казахстаном, с 1996 г. – с Кыргызстаном¹.

Подписание Казахстаном Договора об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях (Договор «4+N», 1996) с Россией, Кыргызстаном и Беларусью не было случайностью. В этом документе нашли отражение многие положения, предложенные Н. Назарбаевым в инициативе по созданию Евразийского союза. Так, 14 из 28 статей Договора совпадают с соответствующими положениями проекта ЕАС². Н. Назарбаев оценил значение Договора Договор «4+N» так: «...Этот альянс стал высшей ступенью интеграции в рамках СНГ»³.

В рамках договора созданы очередные организационные структуры управления интеграцией: Межгосударственный совет и Интеграционный комитет. Председатель Интеграционного комитета Н. Исингарин считает что, наиболее продуктивно за годы существования СНГ, ЦАС и Договора «4+N» развивалось политическое сотрудничество. Политическое сотрудничество охотно

¹ Ташкентская декларация, 21 октября 1996 г. // Казахстанская правда. – 1996, 23 октября.

² Договор между Республикой Казахстан, Республикой Беларусь, Кыргызской Республикой и Российской Федерацией об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях, 29 марта 1996 г. // Казахстанская правда. – 1996, 16 мая.

³ Интервью президента РК Н. Назарбаева // Независимая газета. – 1996. – 30 марта.

поддерживалось руководителями практически всех государств-членов СНГ и периодически подкреплялось теми или иными соглашениями. Менее активно, но все же поступательно прогрессировало взаимодействие в военной сфере, которое базировалось как на многосторонней, так и на двусторонней основе.

К наименее развитой сфере Н. Исингарин относит экономическое сотрудничество. Понимание важности интеграции экономик пришло несколько позже и возможно одновременно на фоне экономических успехов ЕС, завершивших построение Экономического и Валютного Союза¹. Вступление в 1999 г. в силу Соглашения о Партнёрстве и Сотрудничестве ЕС с государствами Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан) имело исключительную важность в истории зарождавшегося политического партнёрства. По существу оно означало новый качественный уровень сотрудничества с «объединенной» Европой. В частности, в Соглашении твёрдо не фиксировались ограничения на деятельность европейских компаний в Казахстане, в отличие от договоров, заключённых с другими государствами СНГ, предусматривалось создание общих кредитных рынков, снятие количественных ограничений во взаимной торговле, предоставление национального режима для иностранных инвестиций.

Важность этого крупного международного договора определяется, прежде всего, ключевой ролью, которую играет ЕС в мировой экономике, огромным опытом экономического развития, создания социальной защиты населения, также потенциалом европейской культуры. Но необходимо учитывать то, что процесс европейской интеграции продолжается, продолжается и процесс регионализации Центральной Азии, поэтому неизбежны изменения как в двусторонних отношениях ЕС с республиками региона, так и отношений стран ЦА с государствами-членами ЕС.

Центральноазиатский союз (ЦАС)

ЦАС можно рассматривать как один из этапов последовательного сближения стран Центральной Азии, попыткой прак-

¹ Исингарин Н. 10 лет СНГ. Проблемы, поиски, решения. – Алматы: ОФ «БИС», 2001. – С. 209-250.

тической реализации интеграции и политического решения Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана в пользу оформления Центральноазиатского союза (ЦАС). Центральная Азия занимают исключительно важное геостратегическое положение на Азиатском континенте, через страны региона пролегают важнейшие наземные транспортные артерии, воздушные линии.

Регион располагает огромными минерально-сырьевыми – огромные запасы энергетических ресурсов (Каспий с его запасами нефти и газа), запасы рудно-металлургического сырья, драгоценных металлов; сельскохозяйственными ресурсами, многие из них являются уникальными и пользуются спросом в мире. Общими усилиями можно было бы обеспечить их переработку и транспортировку на мировой рынок. Более того, общие усилия позволили бы найти общие решения и преодолеть разногласия между государствами ЦА, и даже конфликты.

Одной из самых серьезных проблем является нерешенный вопрос о водопользовании. Его решение приведет к устойчивому развитию региона, поскольку от воды и ее распределения зависит социально-экономическое благополучие государств ЦА.

Другой проблемой является надежное энергообеспечение региона, где в течение десятилетий функционировала единая энергосистема с доминирующей ролью гидроэлектростанций Таджикистана и Кыргызстана, и газоснабжения, основными поставщиками которого были Узбекистан и Туркмения.

Еще одна проблема, решение которой даст большие перспективы интеграционным усилиям, заключается в единстве транспортно-коммуникационной системы региона, совместном использовании транзитного потенциала, который заметно возрос с завершением строительства Трансазиатской магистрали. Регион Центральной Азии серьезно ослаб в плане экологической устойчивости, техногенная и человеческая деятельность, направленная на окружающую среду, существенно подорвали возможности ее воспроизводства. Вследствие этого возросли природные угрозы, а учитывая высокую сейсмичность, опасность региона, требуется единство действий стран ЦА в данном направлении.

Вместе с тем, интеграционной основой для стран Центральной Азии может служить историческая общность различных

народов, проживающих здесь в течение многих веков, их культура, язык, религия, традиции, родственные связи, разрывать которые было бы ошибкой. Перечислены лишь главные причины в пользу центральноазиатской интеграции.

При этом следует отметить, что ЦАС являлся единственным союзным проектом, который создавался непосредственно самими государствами ЦА. Интеграционной основой ЦАС была осознанная необходимость широкого и всестороннего развития торгово-экономического и кооперационного сотрудничества, в перспективе – создание самодостаточного и защищённого общего рынка. К этому подталкивает потребность в совместной поддержке отечественных товаропроизводителей, создании равных условий для предпринимательской деятельности на едином экономическом пространстве.

Регион располагает огромными минерально-сырьевыми и сельскохозяйственными ресурсами, многие из них являются уникальными и пользуются большим спросом в мире. Общие усилия позволят обеспечить их переработку и транспортировку на мировой рынок.

Только общие усилия позволят преодолеть разногласия, и даже конфликты между государствами ЦА. Одной из самых серьезных проблем является нерешенный вопрос о водопользовании. Его решение приведет к устойчивому развитию региона, поскольку от воды и ее распределения зависит социально-экономическое благополучие государств ЦА.

Другой проблемой является надежное энергообеспечение региона, где в течение десятилетий функционировала единая энергосистема с доминирующей ролью гидроэлектростанций Таджикистана и Кыргызстана, и газоснабжения, основными поставщиками которого были Узбекистан и Туркмения.

Еще одна проблема, решение которой даст большие перспективы интеграционным усилиям, заключается в единстве транспортно-коммуникационной системы региона, совместном использовании транзитного потенциала, который заметно возрос с завершением строительства Трансазиатской магистрали.

Регион Центральной Азии ослаб в плане экологической устойчивости, техногенная и человеческая деятельность, направленная на окружающую среду, существенно подрывают

возможности ее воспроизводства. Вследствие этого возросли природные угрозы, а учитывая высокую сейсмичность, опасность региона, требуется единство действий стран ЦА в данном направлении.

Вместе с тем, интеграционной основой для стран Центральной Азии может служить историческая общность различных народов, проживающих здесь в течение многих веков, их культура, язык, религия, традиции, родственные связи, разрывать которые было бы ошибкой. Перечислены лишь главные причины в пользу центральноазиатской интеграции.

Одним из примеров осознания экономической целесообразности и региональной общности лидерами центральноазиатских государств была попытка создания Единого экономического пространства (ЕЭП). Договор о создании ЕЭП между Казахстаном и Узбекистаном, затем присоединение к нему Кыргызстана положил начало первому региональному объединению.

Президенты Н. Назарбаев (Казахстан), И. Каримов (Узбекистан) и А. Акаев (Кыргызстан) пошли на согласование действий в создании Единого экономического пространства (ЕЭП). 30 апреля 1994 г. в Чолпон-Ате был подписан Договор о ЕЭП, в нем говорилось о необходимости обеспечения свободы перемещения товаров, услуг, капиталов, рабочей силы, согласовании таможенной и валютной политики¹. В качестве важного элемента в создании ЕЭП легли общепризнанные принципы равноправия, взаимовыгодности и свободной конкуренции. Были созданы Межгосударственный Совет и его рабочий орган на постоянной основе – Межгосударственный Исполнительный Комитет (МИК) со штаб-квартирой в г. Алматы, учреждены Советы премьер-министров, министров иностранных дел и обзоры государств-участников.

Осторожное отношение со стороны руководства Узбекистана вело к ослаблению центральноазиатской линии между участниками ЦАС. Узбекский лидер И. Каримов, достаточно кри-

¹ Договор о создании Единого экономического пространства между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Республикой Узбекистан, г. Чолпон-Ата, 30 апреля 1994 г., с изменениями 17 июля 1998 г. (присоединение к договору Таджикистана) // Казахстан и мировое сообщество. – 1998. – №3. – С. 89-93.

точно оценивая деятельность ЦАЭС, не без оснований заявлял в 2002 году, что «за время своего существования Центрально-азиатское сообщество приняло 254 документа. Большинство из них не работает».

Он указывал на то, что общий центральноазиатский рынок во многом остается благим пожеланием, государства региона пока объединяет только внешняя угроза, а это достаточно зыбкая база для интеграционных процессов. Причина слабой эффективности ЦАЭС, по его мнению, заключается в том, что страны региона находятся на разных стадиях как экономического, так и политического развития¹. Саммиты ЦАЭС демонстрировали противоречивость интеграционных ожиданий его участников. Несмотря на институциональную трансформацию и создание в феврале 2002 г. Организации центральноазиатского сотрудничества (ОЦАС), ситуация мало изменилась.

Договор, подписанный в Чолпон-Ате, на удивление быстро ратифицировали парламенты трех республик, заложив фундамент экономического сближения трёх государств ЦА. Таджикистан после восстановления мира в стране в 1998 г. также присоединился к Договору.

Центральноазиатский союз (ЦАС) начинал функционировать, однако его решения исходили преимущественно от глав государств и принимались на высшем уровне в зависимости от возникавшей политической или экономической ситуации. Вместе с тем, между участниками ЦАС выявились серьезные расхождения в понимании будущего интеграционного процесса на постсоветском пространстве, в частности о перспективах ЕАС и уже к тому времени подписанному договору «4+N». и его связи с СНГ, в частности о перспективах ЕАС и уже к тому времени подписанному договору «4+N» (в составе Казахстана, России, Беларуси и Украины). В 1996 г. президент Узбекистана И. Каримов заявил на саммите президентов ЦАС в Бишкеке о том, что не видит перспектив вступления Узбекистана в договор «4+N» и стыковки последнего с трехсторонним центрально-

¹ Российская бизнес-газета, 10.01.2001; Известия, 17.01. 2001

азиатским соглашением. Уважая выбор Казахстана и Кыргызстана в пользу «4+N», Узбекистан отказывается от участия в этом договоре, что, по мнению И. Каримова, никоим образом не помешает развитию отношений между тремя странами и интеграции¹.

Итак, «интеграции государств Центральной Азии мешает однотипность их экономик – все они преимущественно сырьевые. Достичь тесного уровня кооперации между сырьевыми экономиками не так просто»².

Эволюция интеграционного проекта: от ЦАС к ЦАЭС и ОЦАС

После присоединения к Договору о создании ЕЭП Таджикистана в 1998 году «четверка» центральноазиатских государств заявила об образовании Центральноазиатского экономического сообщества (ЦАЭС). Было решено проводить единую политику в использовании водно-энергетических ресурсов Нарын-Сырдарьинского каскада водохранилищ, согласовывать затраты на ремонт межреспубликанских водохозяйственных объектов. Соответственно, было подписано рамочное соглашение³.

Государства ЦА, имея исключительно важное геостратегическое положение в Азии, могли бы эффективно совместными усилиями использовать важнейшие наземные, воздушные, водные коммуникационные линии, пролегающие через их страны. Огромные запасы энергетических (минеральных) и водных ресурсов, запасы рудно-металлургического сырья, драгоценных металлов, сельскохозяйственные ресурсы и т.д. уникальны и пользуются большим спросом в мире, представляют собой стратегический потенциал региона.

¹ Время новостей: <http://freeas.org/?nid=7685>. – 2008, 24 апреля

² См.: Дитер Г. О необходимости региональной интеграции в Центральной Азии // Региональная интеграция в Центральной Азии: сб. статей. – Берлин, 1995. – С. VII-XV, 133-156; Примбетов С. О союзе трех центральноазиатских государств (Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана) // Казахстан и мировое сообщество. – 1996. – №3. – С. 3; Касенов У. Интеграция в Центральной Азии как фактор региональной безопасности // Казахстан и мировое сообщество. 1996. – №3. – С. 11; Европейский Союз и Центральная Азия / под ред. Ж.У. Ибрашева. – Алматы, 2000. – 353 с.

³ Рамочное соглашение между Казахстаном, Кыргызстаном, Узбекистаном и Таджикистаном о совместном и комплексном использовании водно-энергетических ресурсов Нарын-Сырдарьинских водохранилищ и Токтогульского гидроузла, 17 марта 1998 г. // Казахстанская правда. – 1998. – 20 марта.

Сближающей, а в будущем интеграционной основой, должно быть широкое и всестороннее развитие торгово-экономического и кооперационного сотрудничества, в перспективе приведет к формированию самодостаточного и защищённого общего рынка. К этому подталкивает потребность в совместной поддержке отечественных товаропроизводителей, создании равных условий для предпринимательской деятельности на едином экономическом пространстве.

Опыт ЕС показывает, только общие усилия позволяют обеспечить их переработку и транспортировку на мировой рынок. Только общие усилия позволят преодолеть разногласия, и даже конфликты между государствами ЦА. Понимая это, в Договор о ЕЭП были заложены основополагающие принципы четырех свобод общего рынка: свободное перемещение товаров, капиталов, услуг, рабочей силы. Соответственно, была согласована общая бюджетная, налоговая, ценовая, таможенная и валютная политика государств-участников. В качестве важного элемента в создании ЕЭП легли общепризнанные принципы равноправия, взаимовыгодности и свободной конкуренции.

В центральноазиатском интеграционном процессе пока достаточно сдерживающих факторов. К анализу политических и экономических процессов подключены эксперты-специалисты ЕС – «Европейская экспертная служба». Ряд проблем решаются с помощью международных организаций и программ – ТАСИС (создание общего аграрного рынка ЦАЭС); ПРООН – развитие Ферганской долины и воссоздание в новом качестве Великого Шелкового пути; ОБСЕ – поиск совместного решения экологических проблем в регионе и др.

Медленно формировалась нормативно-правовая база для создания единого экономического пространства. В торговле между республиками не было отменено тарифное регулирование, не унифицированы торговые режимы с третьими странами. Серьезной проблемой оставалось обеспечение взаимной конвертации валют, существовал ряд нерешенных проблем, связанных с несогласованностью налогового регулирования. Не получили развития такие перспективные формы совместного ведения крупного бизнеса, как финансово-промышленные ассоциации и группы.

Можно утверждать, что необходимость регионального взаимодействия обусловлена общими задачами в поиске решения обостряющихся региональных проблем: сфера безопасности, область транспортного и водноэнергетического обеспечения и др. В центральноазиатском сообществе наблюдается процесс конкретизации и поворота к реальным и остро стоящим проблемам сегодняшней жизни региона. Реалии дня выдвинули на первый план угрозы, связанные с распространением международного терроризма, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью и иными угрозами безопасности.

Оптимистичную ноту в развитие центральноазиатского сотрудничества внесла Россия. В 2004 г. на Душанбинском саммите государств ЦАС РФ стала его членом. Президент В. Путин заявил: «ЦАС может и должна стать одной из надежных опор в формировании эффективной системы обеспечения стабильности и экономического сотрудничества в регионе, причем, в координации с другими интеграционными структурами, такими, как ШОС, ОДКБ и ЕврАзЭС» (курсив мой – М.Г.)¹. Для продолжения действий в экономическом направлении был образован Экономический форум ЦАЭС и утверждена стратегия интеграционного развития до 2005 г. Несколько позже, в 2005 году на саммите в Санкт-Петербурге ЦАС вошел в ЕврАзЭС.

В очередной раз в ежегодном Послании Президента РК в 2005 году нашим южным соседям было предложено «заняться интеграцией» Центральной Азии, создать Союз центральноазиатских государств. «Региональная интеграция ЦА означает путь к стабильности, прогрессу региона, экономической и военно-политической независимости». Для стран ЦА предлагался путь к тесной экономической интеграции через общий рынок и общую валюту². Для Казахстана наиболее приемлемым и оправданным шагом стал курс на более тесные отношения со славянскими государствами. Происходит движение в сторону

¹ ИТАР-ТАСС, 18.10.2004; Вести, 18.10.2004

² Назарбаев Н.А. Казахстан на пути ускоренной экономической, социальной и политической модернизации. Послание Президента РК народу Казахстана. – Астана, 25 февраля 2005 г.

расширения интеграционного поля, и видится его продолжение в рамках Евразийского Экономического Сообщества.

Казахстан и Евразийское экономическое сообщество на пути к интеграции

Выступая последовательным сторонником практической реализации интеграционных идей, Казахстан способствовал ускоренному экономическому росту и расширению интеграционного поля. Так, при формировании Таможенного союза создавались условия постепенного перехода к интеграции умеренного характера, которая позволяет создать единое экономическое пространство.

Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) – та структура, которая явилась форматом для более тесной кооперации Казахстана и России. В 2001 г. Казахстан и три славянские республики – Россия, Украина и Беларусь, составлявшие более 90 процентов от общей экономики СНГ, объявили о формировании региональной интеграционной организации – ЕврАзЭС. При Межгосударственном Совете Евразийского экономического сообщества сразу была создана Комиссия Постоянных представителей, где Казахстан имеет своего представителя, он назначается и освобождается от должности Указом Президента Республики Казахстан¹. До последнего времени (образование ЕАЭС) эта Комиссия занималась разработкой документации, принимала экономические и финансовые решения, не противоречащие национальным интересам участников ЕврАзЭС.

В Европе общий рынок товаров, услуг, капитала, рабочей силы, благоприятные условия труда, унифицированное законодательство и т.п. создавались через этапы режима свободной торговли, единой таможенной территории и другие мероприятия, что вполне реально в рамках ЕврАзЭС. Уже в конце декабря 2003 г. президенты Казахстана, России, Белоруссии и Украины подписали комплекс мер по формированию подобного Единого экономического пространства четырех стран. Казахская политика реальной интеграции имеет свое продол-

¹ Указ Президента Республики Казахстан от 11 октября 2001 г. №701 «Об утверждении Положения о Постоянном представителе Республики Казахстан при Евразийском Экономическом Сообществе» // Казахстанская правда. – 2001. – 20 октября

жение в рамках Евразийского Экономического Сообщества, а идея сблизить и интегрировать Центральноазиатский регион остаётся в далекой перспективе.

Созданное в 2001 г., ЕврАзЭС характеризовалось как сообщество интеграционного типа. В 2010 году заработал Таможенный союз для государств-участников ЕврАзЭС, сначала для России и Казахстана, позже для Беларуси. В соответствии с первоначальной схемой деятельность ТС в составе Россия+Казахстан+Беларусь предполагает вхождение Кыргызстана (до 2013 г.), затем возможно к ТС примкнут Таджикистан и Узбекистан, но пока эти республики не определили сроки из-за возникающих между ними разногласий. Создание единого торгово-экономического пространства было направлено на обеспечение в рамках Таможенного союза свободного перемещения товаров и капиталов в пределах общей таможенной территории.

Сегодня Казахстан позиционирует во внешнем мире как государство, лидирующее в ЦА по растущим показателям в экономике, с открытой политической системой, направленной на демократическое развитие, как государство, имеющее стабильные позиции в международном сообществе. Региональное значение Казахстана подчеркивается в стратегических документах Европейского Союза («Стратегия ЕС для ЦА», 2007 – 2013), позиции Казахстана выделены в качестве «надежных» в базовых соглашениях с Россией и Китаем, а также с США. Соответственно, Казахская сторона выступает в качестве иницилирующего начала процессов, которые обозначают как «интеграционные».

С созданием ЕАЭС (1 января 2015 г.) наблюдается процесс постепенного перехода к интеграции умеренного характера с выраженными чертами особого типа сплочения, кооперации.

Перспективы интеграции стран Центральной Азии

Казахстан остается в числе тех, кто чаще всего инициировал интеграционные идеи и проекты, и является наиболее активным участником процессов единения на Евразийском пространстве.

Становясь все больше центром притяжения для стран региона, Казахстан заявляет о создании Союза Центральноазиатских государств, что в общем и целом не расходится с принципами ЕврАзЭС. Хотя отметим, политика ЕврАзЭС продик-

тована исключительно волей президентов. Происходит движение в сторону расширения интеграционного поля, и видится его продолжение в рамках Евразийского Экономического Сообщества.

Реальная интеграция Центральноазиатского региона остаётся в далекой перспективе. Эффективному сотрудничеству мешает ряд серьезных проблемных зон, а пути преодоления лежат исключительно в плоскости совместных усилий.

1. Нерешенный вопрос о водопользовании. Решение его приведет к устойчивому развитию региона, поскольку от воды и ее распределения зависит социально-экономическое благополучие республик ЦА.

2. Надежное энергообеспечение региона и восстановление энергетических связей. В течение десятилетий функционировала единая энергосистема с доминирующей ролью гидроэлектростанций Таджикистана и Кыргызстана, и газоснабжения, в котором основными поставщиками были Узбекистан и Туркмения.

3. Развитие транспортной инфраструктуры, основанное на прочном фундаменте экономической и политической целесообразности (экспортные нефтегазовые трубопроводы, евроазиатские железнодорожные и автомагистрали). Решение проблемы по созданию единой транспортно-коммуникационной системы региона, совместном использовании транзитного потенциала, который заметно возрос с завершением строительства Трансазиатской магистрали.

4. Однотипность экономик стран ЦА – преимущественно сырьевая их направленность мешает саморазвитию региона. Достичь тесного уровня кооперации между сырьевыми экономиками и технологической отсталости не просто из-за отсутствия взаимодополняемости, необходим прорыв в сторону модернизации экономик, как того требует наступивший 21 век.

5. Регион Центральной Азии серьезно ослаб в плане экологической устойчивости, техногенная и человеческая деятельность, направленная на окружающую среду, существенно подорвали возможности ее воспроизводства. Вследствие этого возросли природные угрозы, а учитывая высокую сейсмичность, селеопасность региона, требуется единство действий стран ЦА в данном направлении.

6. Проблема восстановления нормального и бесконфликтного сосуществования народов ЦА, что является предпосылкой осознания их принадлежности к общему региону ЦА, формирования центральноазиатской идентичности. Исторически и традиционно предпосылка для сближения и взаимодействия народов Центральной Азии есть – это общность разных народов, проживающих здесь в течение многих веков, их культура, язык, религия, традиции, родственные связи, разрывать и обострять которые было бы ошибкой.

7. Реалии дня выдвинули на первый план угрозы, связанные с распространением международного терроризма, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью и иными угрозами безопасности. Интегрирующим фактором сегодня выступает необходимость консолидации усилий государств ЦА для обеспечения национальной и региональной безопасности и противодействия глобальным вызовам и угрозам современности.

Перечислены лишь главные причины в пользу сближения и регионального взаимодействия стран и народов Центральной Азии.

Анализ проектов интеграции, вовлеченность центральноазиатских государств, позволяет прийти к следующим выводам и обозначить некоторые перспективы интеграции стран Центральной Азии:

1. Необходимо четкое выделение ядра интеграции, которое должны составить страны, достаточно близкие по типу экономических трансформаций и по уровню жизни.

2. Самая большая опасность реальной интеграции – это декларативные призывы, а тем более попытки силовой реинтеграции. Опыт эффективной интеграции в XXI в. – это, прежде всего, рычаги экономического и культурного влияния.

3. Необходимы ясная стратегия и практические цели, достаточные для разумной реализации – единое экономическое пространство, Таможенный союз, общий рынок, в смысле отсутствия любых технических и налоговых границ, ставящих барьер свободному движению товаров, капитала, рабочей силы. Ближайшая перспектива – это участие стран ЦА в ЕвразЭС.

4. Условием реальной интеграции является признание во внешней политике государств ЦА в качестве приоритетного

направления более тесной кооперации в двух- и многостороннем формате с элементами наднациональности.

5. Ключевым условием к интеграции является признание сложившихся политических систем, политических институтов государств ЦА, а ключевым принципом – признание единства в многообразии (форм правления, народов и этносов, населяющих регион, языков и пр.).

6. Другое конструктивное условие интеграции – однозначное признание территориальной целостности и сложившихся границ в соответствии с принципами международного права. Интеграция, которая не будет базироваться на принципе равенства и добровольности, будущего не имеет.

7. Объективные закономерности взаимоувязаны с деятельностью конкретных личностей и преломляются через них. Очень многое зависит от осознания и готовности элит Центральной Азии принять интеграционную идею за данность, от того, смогут ли они поставить наднациональные интересы выше личных амбиций, вырасти для большего участия и ответственности.

8. Интеграция – это не беспроблемный процесс, требующий времени, осмысления, опыта, накопленных ошибок и их разумного преодоления. Скорее всего потребуется двух- или разноступенчатая интеграция при формировании своеобразных «интеграционных центров».

9. Для дальнейшего продвижения интеграционной идеи и проектов можно и необходимо использовать подтвержденный практикой опыт развития Европейского Союза, не отбрасывая уроки общей истории республик Центральной Азии.

10. Восстановление общей энергетической и транспортно-логистической инфраструктуры; создание региональной коммуникационной системы.

11. Предотвращение совместными усилиями угроз, связанных с распространением международного терроризма, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью – актуальный вопрос безопасности для ЦА.

Перечислены лишь основные причины в пользу сближения и региональной кооперации стран и народов Центральной Азии. Они свидетельствуют о наличии нереализованного потенциала интеграции центральноазиатского региона. Интеграция – это не

беспроблемный процесс, требующий времени, осмысления, опыта, накопленных ошибок и их разумного преодоления.

В целом, стратегическое развитие государств Центральной Азии в их интеграционном направлении следует рассматривать с точки зрения взаимодействия с Евразийским экономическим союзом и единой Европой. Европейский Союз, имеющий богатый и сложный опыт интеграционного развития, в долгосрочной перспективе представляет для нас важное направление в движении к стабильному и бесконфликтному регионально интегрированному центральноазиатскому сообществу.

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ – ИМИДЖЕВОЕ И ГУМАНИТАРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) является новым важным этапом в процессе интеграции на пространстве, которое мы условно называем постсоветским, хотя сам термин «постсоветский» уже не в полной мере отражает реалии социально-экономической жизни макрорегиона. Учитывая масштабные задачи ЕАЭС, скорее в отношении его развития можно говорить именно о евразийском пространственном поле, пусть даже ЕАЭС пока охватывает лишь его часть. Само существование этого проекта во многом заложило основы для появления новых экономических и политических трендов в Евразии. В экономическом плане ЕАЭС направлен на укрепление экономического потенциала стран-участниц, создание условий для повышения конкурентоспособности в региональном и глобальном масштабе, а ключевыми целями Союза являются достижение таких условий, при которых будут сформированы единые рынки товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов.

Сама идея евразийской интеграции на пространстве бывшего СССР зародилась уже достаточно давно. В марте 1994 года в МГУ Президент Казахстана Н.А. Назарбаев выступил с новой интеграционной инициативой – евразийской экономической интеграции. В 1995 году Россия, Беларусь и Казахстан подписали Соглашение о Таможенном союзе, который предусматривал формирование зоны свободного товарооборота и создание условий для свободного экономического взаимодействия сторон, обеспечение свободного товарообмена. В 2000 году пятью государствами было учреждено Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС).

В 2003 году было подписано соглашение о создании Единого экономического пространства, однако переориентация Украины после событий 2004 на абсолютно прозападный вектор во многом затормозило процесс интеграции. Однако уже в 2007 г. Россия, Белоруссия и Казахстан подписали Договор о

создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза, который после согласований стал функционировать с 2011 года, предусматривая единые таможенную территорию и таможенный тариф. Наконец, 1 января 2015 года вступил в силу Договор о Евразийском экономическом союзе. 2 января 2015 года к интеграционному объединению присоединилась Армения, в мае 2015 г. – Киргизия.

Что касается институционального развития ЕАЭС, то оно также уже прошло довольно значительный путь и в целом отличается комплексным характером и разветвленностью.

ЕАЭС является, прежде всего, экономическим союзом, но учитывая тесную связь между его членами в социокультурном плане, а также необходимость информационно-аналитического сопровождения интеграции у него есть довольно значительное и важное информационное и гуманитарное измерение. Безусловно, некоторые, особенно на Западе, воспринимают ЕАЭС как некий неоимперский проект¹, однако, выступая 28 апреля с лекцией в МГУ о евразийской интеграции, Нурсултан Назарбаев счел нужным подчеркнуть: «Говоря о Евразийском экономическом союзе, кое-кто из экспертов и политиков пугает мировое общественное мнение мифической «реинкарнацией» Советского Союза. Считаю, что рассуждения на этот счет далеки от реальности и беспочвенны». Во-первых, для реинтеграции по советскому образцу нет институциональной базы, во-вторых, народы постсоветского пространства построили свою собственную государственность, в-третьих, «нынешняя система собственности, социальная структура и экономический уклад наших обществ ушли далеко вперед от советской архаики»².

Конечно, тот факт, что Россия является самой крупной экономикой союза, и ее политический и военный вес превышает и заметно все соответствующие показатели остальных членов ЕАЭС вместе взятых, определяет то, что и роль России в этом проекте велика, однако сам по себе проект ЕАЭС в глобальном

¹ Клинтон обещает не допустить воссоздания Советского Союза [Электронный ресурс]URL:// <http://www.inopressa.ru/article/07dec2012/ft/clinton>

² Выступление Главы государства в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова [Электронный ресурс]URL // <http://www.kazembassy.ru/en/ arhivnews /6729-2014-04-29-04-26-27>

плане вряд ли может претендовать на полную самостоятельность, закрытость. Особенно это видно, исходя из макропоказателей союза, принимая во внимание, что ЕАЭС сегодня – это 2,2 триллиона долларов ВВП по номиналу и 180 млн человек населения¹. Трудно рассчитывать на создание альтернативного и абсолютно самостоятельного большого интеграционного проекта, сопоставимого с ЕС или с такими зонами свободной торговли, как ТТП. Сегодня очевидно, что любая политизация проекта только вредит ему, особенно, принимая во внимание начало сложного, но столь важного диалога, как на двустороннем, так и на многостороннем уровне относительно сопряжения ЕАЭС и ЭПШП, а также экспертного обсуждения проектов налаживания партнерства между ЕАЭС и ЕС². Однако зачастую как на уровне профессионалов, так и на уровне более широких кругов подменяются понятия и мифические смыслы выхолащивают истинную ценностную составляющую ЕАЭС, которая, между тем, имеет самостоятельное и важное значение.

Проблема эта, на сегодняшний день, возможно, не первоочередная на фоне экономических трудностей, тем не менее, стоит напомнить, что и Европейский союз, который также начинался с экономической интеграции, имеет очевидный ценностный базис. Этот базис служит основой как элитного единства представителей органов наднационального управления, так и инструментом продвижения собственных интересов, формируя привлекательный образ европейского интеграционного проекта.

Безусловно, у каждой страны ЕАЭС своя специфика, и никакого общего лекала нет и быть не может. Да и традиционный набор ценностей, которые многие эксперты определяют как евразийские, по сути, не является типичным для евразийской интеграции – во-первых они вряд ли едины и одинаково воспринимаются в странах союза, а во-вторых, зачастую являются производным от европейских ценностей, просто с некоторыми более консервативными и традиционалистскими оттенками. Однако практически все существующие наднациональные объе-

¹ Странам ЕАЭС важно не допустить возведение экономической крепости «Евразия» – Винокуров [Электронный ресурс] URL // <http://www.for.kg/news-331767-ru.html>

² Тимофеев И: Не жду прорывов в отношениях ЕС и Евразийского союза [Электронный ресурс] <http://eurasia.expert/ivan-timofeev-otnosheniyakh-es-i-evraziyskogo-soyuza/>

динения, крупные государства, отдающие приоритет экономическим интересам имеют «надстройку» в виде ценностей, сверхидеи или образа будущего¹. Свой образ будущего должен быть и в Евразийском союзе. Причем образ этот вряд ли может быть обращен только в прошлое, он может базироваться лишь на отдельных, пусть важных элементах общего прошлого, но строжайшим элементом иметь именно вектор, направленный в будущее и на интересы и потребности молодого поколения.

Есть несколько параметров, определяющих глубину евразийской интеграции в социокультурной сфере. Прежде всего, это информационная политика. И в этом плане при всех успехах есть и определенные проблемы. Существует явная нехватка присутствия тематики ЕАЭС в информационном пространстве России. По-прежнему не хватает связи между широкими слоями общества и экспертным сообществом, объясняющим основные принципы и пути развития ЕАЭС. Нельзя сказать, что о Союзе не говорят вообще, но о его преимуществах и перспективах мало неизвестно за пределами узкого круга специалистов. При этом в вопросах присутствия ЕАЭС в информационном пространстве Россия, например, даже уступает Казахстану. Это трудно объяснить лишь «объективными параметрами большой страны и многоплановостью ее повестки дня, но ставит вопрос о важности интенсификации усилий в информационном направлении.

Проблема, по всей видимости, глубже и заключается в том, что сама идея евразийской интеграции далеко не так глубоко проникла в наше сознание, как принято считать. И это при том, что создавать имидж в условиях неблагоприятной конъюнктуры становится сложнее. Вместе с тем, усугубление экономической ситуации наглядно демонстрирует, что экономика – хоть и важнейшая, но далеко не единственная составляющая интеграции.

В целом общественная поддержка интеграции в рамках ЕАЭС налицо. Это подтверждается, в том числе и нашими многочисленными исследованиями. Однако в информационном

¹ Экспертный диалог в рамках ЕАЭС: взгляд из России и Белоруссии [Электронный ресурс] URL // <http://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obschestvo/30102015-integracija/>

плане важно добиться не просто количественного увеличения цитируемости ЕАЭС, позитивных новостей или откровенного разговора о проблемах. Важно вывести дискуссию за границы экспертных кругов, сделать ее наглядной, визуализировав знания о ЕАЭС. В этом плане очень важны расширение роли имеющихся, и создание новых межгосударственных ресурсов, как телевизионных, так и интернет и радио, появление дискуссионных площадок и специальных постоянных рубрик, освещающих евразийскую проблематику в газетах и журналах. Важна популяризация добившихся успеха личностей из стран ЕАЭС. Большую пользу может принести реклама внутреннего туризма в странах Евразийского союза.

В целом, нужна активизация работы над брендом ЕАЭС: начиная от работы над узнаваемостью эмблематики, которая практически неизвестна, до установки специального логотипа на продукции, выпускаемой странами Союза. Конечно, развитие информационной поддержки ЕАЭС потребует координации усилий всех государств-участников проекта. Высока здесь и роль приграничных регионов, региональных СМИ, отраслевых изданий, бизнеса и некоммерческих организаций. Развитие ЕАЭС и стран-участниц объединения может стать источником позитивных информационных поводов, компенсирующих подчас чрезмерный негатив от международных вопросов, который есть в СМИ. Достигнуть указанных целей можно при условии, что Евразийский союз начнет восприниматься политиками и населением не просто как интеграционная структура, но и как общий проект развития. Это потребует более четкого определения собственных национальных экономических приоритетов и экономического курса. Пока на этом направлении еще много неиспользованных резервов¹.

В этом контексте в рамках интеграционной политики очень важна политика «мягкой силы России», где модель «тысячи нитей» – укрепление взаимного доверия между странами через диалог на общественном и экспертном уровнях предполагает принципиально иные инструменты реализации «мягкой силы»,

¹ Гушин А. Какой бренд нужен Евразийскому союзу? [Электронный ресурс] URL // http://eurasia.expert/brend-evraziyskogo-soyuza/?sphrase_id=335

прежде всего, активный экспертный, культурный и общественный диалог с целью реализации многосторонних проектов. Важно, чтобы успешные проекты могли получить привязку к уже существующим программам межгосударственного сотрудничества или послужить основой для новых. Такую стратегию можно практически полностью деполитизировать и направить на прогресс в социально-культурной, экономической и научной сферах¹.

Гуманитарное развитие ЕАЭС невозможно без приоритетного внимания образованию. Сегодня здесь уже есть заметные результаты в области признания дипломов и налаживания образовательных связей. Например, целый ряд международных магистерских программ в РГГУ, НИУ ВШЭ и ряде других вузов вызывают большой интерес у молодых людей из Центральной Азии, в том же РГГУ реально функционируют договоры с вузами Казахстана об обмене студентами. Активно налаживается сотрудничество между архивистами и историками России и Казахстана и других стран Центральной Азии, например, Узбекистана в рамках профильных комиссии историков. Тем не менее, стоит отметить, что интеграция в образовании не должна быть механической, да и не сможет быть таковой. Здесь мы имеем дело с достаточно консервативной сферой, быстрое реформирование которой, что очень хорошо видно на российском примере, далеко не всегда ведет к позитивному результату.

К примеру, совершенно излишне говорить сегодня об интеграции школьных учебников, создании какого-то единого модуля, общей методической базы на уровне школьного образования. Но можно, например, добавить в школьные учебники специальные разделы, посвященные нашим соседям – членам Союза. Это может быть реализовано в контексте истории, географии, природоведения, литературы и т.д. На уровне вузовского сотрудничества важно развитие форм кооперации вузов стран ЕАЭС, создания площадок взаимодействия в виде вузовских ассоциаций, форумов ректоров, студенческих форумов, зимних и летних школ.

¹ Сутырин В. Политика «тысячи нитей»: «мягкая сила» России на постсоветском пространстве [Электронный ресурс] URL //http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7273

Этой сфере также есть определенный прогресс, начиная от создания и деятельности Казахстанского филиала МГУ им. М.В. Ломоносова и заканчивая такими мероприятиями, как Российско-казахстанский конкурс студенческих работ, посвящённых Великой Отечественной войне. Особенно важно расширять возможности грантового финансирования совместных исследовательских проектов гуманитарного и естественнонаучного цикла с участием ученых (особенно молодых) из стран ЕАЭС, современных междисциплинарных межстрановых исследований, совместной издательской деятельности. Все это будет содействовать и интернационализации отечественного образования, без которого, как бы мы не стремились опираться на свои традиции, сегодня не обойтись. Тем более, что наши соседи, например Казахстан, добились в направлении развития человеческого капитала и интернационализации образования значительных успехов.

Есть ряд инициатив в сфере науки и образования на постсоветском пространстве: это университетская лига ОДКБ, проекты Союзного государства с акцентом на поддержку научно-технических и инженерных кадров. Однако эти инициативы точечные и не могут заменить полноценного механизма. Важным является создание совместных программ академической мобильности среди наиболее активных и образованных студентов и аспирантов на евразийском пространстве. Для этого необходимо создать централизованную площадку, через которую студенты смогут подавать заявки на получение стипендий, организовать конкурсный отбор и выдавать студентам гранты на обучение в одном из ведущих вузов союзной страны за счет программы. Это вполне может быть нечто похожим на программы «Эразмус». Используя возможности интернета, создать централизованную площадку, через которую студенты смогут подавать заявки на получение стипендий. Организовать конкурсный отбор и выдавать студентам гранты. Победители получали бы возможность 1-2 семестра учиться в одном из ведущих вузов союзной страны за счет программы¹.

В качестве операторов программы можно привлечь профильные ведомства наших стран, собрав соответствующий совет с паритетным участием белорусских и российских чинов-

¹ Сутырин В. Учащиеся евразийских государств, соединяйтесь! [Электронный ресурс] http://eurasia.expert/uchashchiesya-evraziyskikh-gosudarstv-soedinayaytes/?sphrase_id=336

ников, представителей университетов и общественных организаций, а, возможно, и передовых работодателей. В плане затрат это были бы не такие большие суммы, вполне посильные национальным бюджетам. Тем более, немалые ресурсы есть у университетов, которые могли бы предоставить, например общежития, будучи сами заинтересованными в показателях мобильности. Из бюджета ЕС ежегодно тратят не миллионы, а миллиарды евро на подобные программы. Важно сделать проект интересным и привлекательным для молодежи. Для этого среди участников должны быть ведущие вузы.

Назрело и заметное расширение двусторонних и многосторонних совместных учебных магистерских программ с выдачей двух дипломов. При этом такие программы могут касаться как предметов естественнонаучного цикла, так и непосредственного изучения евразийского пространства (история, международные отношения). Интересным было бы и развитие магистерских программ в рамках специальных образовательных вузовских центров, посвященных непосредственно ЕАЭС, БРИКС, ШОС.

Как с точки зрения образовательных стратегий, так и в плане информационной политики необходимо сделать такие программы популярными и востребованными, преодолевая европоцентризм. Это вовсе не означает, что изучение Европы и других регионов перестает быть приоритетом. Напротив, совмещение учебных программ евразийского и европейского профиля, создание многосторонних программ с университетами стран Европы, Азии, Америки, посвященных изучению истории и современных процессов на евразийском пространстве, очень важны. Участие западных китайских, индийских партнеров, которые заинтересованы в изучении евразийского партнерства, только поднимут престиж подобного рода проектов. Безусловно, сегодня развитию в данном направлении мешают политические противоречия. Но в долгосрочной перспективе такие программы смогут привлечь абитуриентов дипломами и стажировками и содействовать развитию знаний о наших близких соседях и повышению престижа дипломов стран ЕАЭС в мире.

Не менее важно содействие «новому узнаванию» друг друга в сфере культуры. Следует сделать акцент на проведении перекрестных годов, фестивалей, работе над совместными кино- и

телепроектами, организации гастролей и их информационному сопровождению. Безусловно, сегодня ЕАЭС сталкивается с вызовами не только в сфере экономики, но и в гуманитарной сфере. Это проявляется как в потере связей между поколениями, в отсутствии у молодежи порой элементарных знаний по истории и культуре своих стран, искажении исторических фактов, проникновении радикализма в различных его формах. Молодежь, подверженная этим явлениям, легче всего втянуть в орбиту деструктивных движений. Сказывается и пресловутая «утечка мозгов», которую не остановишь искусственными барьерами. Отсутствие заинтересованности и понимания общей картины развития процессов не дает возможности выработать четкие ориентиры – для чего и как необходимо продвигать интеграционную повестку дня. Дефицит идей, шаблонность мешают осознанию роли евразийской интеграции в межгосударственных отношениях и на более масштабном, глобальном уровне. Очень важно понимать и задавать направление и конечную цель, и для этого необходимо учитывать отношение к проекту и ожидания от него на более низком, обывательском уровне¹.

Реагировать на вызовы нужно только сообща, через совместную работу, имеющую как стратегическую концептуальную составляющую в сфере формирования общей повестки, обращенной в настоящее и будущее, так и посредством множества общих конкретных дел, основанных на стремлении к конкурентоспособности. Только наличие большого числа подобного рода реальных проектов, способных заинтересовать молодежь и уже сформировавшихся специалистов, способно сегодня придать новое качество интеграции.

¹ Иванченко В. Информационное сопровождение ЕАЭС [Электронный ресурс]URL http://russiancouncil.ru/blogs/viktoriia-ivanchenko/?id_4=2427

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ СОВРЕМЕННЫМ ВЫЗОВАМ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ

Проблемы безопасности в Центральной Азии могут эффективно решаться только при условии полноценной реализации коллективных форм и механизмов борьбы с существующими угрозами. В этой связи все большее значение имеет будущее развитие международных организаций, в той или иной степени занимающихся противодействием современным угрозам глобальной и региональной безопасности.

Применительно к настоящему времени можно констатировать достижение определенного уровня международного военно-политического сотрудничества в Центральной Азии с участием Российской Федерации, позволяющего говорить о наличии политико-правовой и инфраструктурной базы для организации коллективной системы противодействия актуальным вызовам в сфере безопасности. Вместе с тем, потенциал эффективного реагирования на те или иные угрозы, в том числе, что особенно важно, превентивных мер по предотвращению кризисных явлений и их профилактики, используется далеко не в полную силу.

Военно-политическое и военно-техническое сотрудничество изначально, как отмечают современные исследователи, стало одним из основных направлений интеграции в рамках СНГ, что было обусловлено необходимостью предотвратить развитие событий после распада СССР по «югославскому сценарию» и сохранить колоссальный военный потенциал Советского Союза¹.

Участники Соглашения о создании Содружества Независимых Государств от 8 декабря 1991 года и Алма-Атинской декларации от 21 декабря 1991 года отразили в данных документах именно эти моменты. В статье 6 Соглашения о создании СНГ говорилось о том, что «государства – члены Содружества будут сотрудничать в обеспечении международного мира и без-

¹ Пивовар Е.И. Евразийский интеграционный проект на постсоветском пространстве: 1991-2015. Формирование, становление, развитие. – СПб.: Алетей, 2016. – С. 96.

опасности...»¹. Но решающей в то время для центрально-азиатских государств с точки зрения будущего их взаимодействия в области обеспечения безопасности стала, конечно, алма-атинская встреча, увенчанная присоединением всех стран Центральной Азии к Соглашению об образовании СНГ, а также подписание Алма-Атинской декларации. Последняя подтвердила стремление участников развивать отношения «...на основе взаимного признания и уважения государственного суверенитета и суверенного равенства...принципов равноправия и невмешательства во внутренние дела, отказа от применения силы и угрозы силой, экономических и любых других методов давления, мирного урегулирования споров, уважения прав и свобод человека, включая права национальных меньшинств, добросовестного выполнения обязательств и других общепризнанных принципов и норм международного права; признавая и уважая территориальную целостность друг друга и нерушимость существующих границ...»². Важно подчеркнуть особо значимую роль, которую сыграл в организации переговоров в Алма-Ате и в вовлечении в СНГ всех центральноазиатских государств президент Казахстана Н.А. Назарбаев. В контексте рассматриваемой темы данное обстоятельство, констатация которого уже давно является традиционным в научной литературе и в экспертно-аналитических трудах, важно, прежде всего, потому, что демонстрирует глубокое понимание необходимости тесной кооперации со стороны региональных лидеров, таких как Н.А. Назарбаев, в период господства центробежных настроений.

Хотя значительная часть положений вышеупомянутых документов, в том числе в области обеспечения военно-политического сотрудничества, не была в полной мере реализована, да и не могла быть осуществлена в силу различных причин, тем не менее, именно Соглашение об образовании СНГ, Алма-Атинская декларация и еще один важный документ, подписанный в Алма-Ате – Соглашение о совместных мерах в отношении ядерного оружия, стали фундаментом для дальнейшего сближения позиций сторон. При этом подписание Казахстаном Соглашения о совместных мерах в отно-

¹ Соглашение от 8 декабря 1991 года о создании Содружества Независимых Государств – Российская газета // URL: <https://rg.ru/1991/12/19/sng-site-dok.html>

² Алма-Атинская декларация – Российская газета // URL: <https://rg.ru/1991/12/19/sng-site-dok.html>

шении ядерного оружия и закрытие Семипалатинского ядерного испытательного полигона стали важными шагами на пути превращения Центральной Азии в зону, свободную от ядерного оружия. Данный процесс, в рамках которого Казахстан отказался от крупного военного ядерного арсенала, увенчался подписанием Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном в Семипалатинске 8 сентября 2006 года Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии. Страны-участники ЦАЗСЯО обязались запретить производство, приобретение и размещение на их территории ядерного оружия и его компонентов или других ядерных взрывных устройств.

Образование ЦАЗСЯО, безусловно, стало успехом в деле борьбы за нераспространение и сокращение ядерных вооружений, успехом, который содействует стабильности в регионе, а также показывает пример возможного пути для многих других государств. Однако в последующие годы лидеры государств СНГ неоднократно констатировали, что в целом в общемировом масштабе процессы разоружения и демилитаризации сталкиваются с серьезными трудностями. В частности, президент России В. Путин в 2014 году констатировал, что «...мир начал возвращаться к временам, «когда не баланс интересов и взаимных гарантий, а страх, «баланс взаимоничтожения» удерживал страны от прямого столкновения»¹. В этом контексте необходимо отметить инициативу казахстанского лидера, сформулированную в манифесте «Мир. XXI Век», и озвученную на Саммите по ядерной безопасности в Вашингтоне 31 марта 2016 года. Исходя из того, что «планета уже начала балансировать на заново отточенном острие «холодной войны» с губительными последствиями для всего человечества», Н. Назарбаев предложил программу «XXI век: мир без войны», определяя ее как глобальную стратегию «согласованных и ответственных действий наций по уничтожению вируса войн и конфликтов»².

Важно подчеркнуть, что и российский и казахстанский лидеры неоднократно выражали озабоченность перспективой «разрушения

¹ Путин: США положили начало опасному процессу разрушения системы контроля над вооружениями – ИТАР-ТАСС // URL: <http://tass.ru/politika/1530636>

² Нурсултан Назарбаев, Президент Республики Казахстан – Манифест «Мир. XXI век». Саммит по ядерной безопасности (г. Вашингтон, 31 марта 2016 г.). – Посольство Республики Казахстан в Российской Федерации. – С. 4-5.

действующей системы договоров об ограничениях и контроле над вооружениями» (В.В. Путин)¹ и «недалновидным сломом прежних договорных ограничений по противоракетным системам и обычным вооружениям» (Н.А. Назарбаев)².

В 1991-1992 гг. основные усилия государств-членов СНГ были направлены на сохранение, хотя бы частичное, общего оборонного пространства на территории бывшего СССР. Планировалось также создать на основе Советских Вооруженных Сил Объединенные вооруженные силы, но реализовать этот план так и не удалось, поскольку усилия бывших республик Советского Союза начале 1990-х гг. были сфокусированы на создании собственных, национальных армий.

Тем не менее, значимым наследием образования и первых лет развития СНГ стало образование 14 февраля 1992 года Совета министров обороны государств-участников Содружества Независимых Государств (СМО СНГ). Тогда к этому решению присоединились Армения, Казахстан, Российская Федерация, Таджикистан, Узбекистан, а немного позднее – Кыргызстан. Таким образом, изначально очень значимым оказалось представительство государств Центрально-Азиатского региона. В число наблюдателей при СМО СНГ вошел Туркменистан. К основным функциям СМО СНГ были отнесены координация военного сотрудничества, рассмотрение концептуальных подходов к вопросам военной политики и военного строительства, выработка предложений по сближению правовых актов в области военного строительства и некоторых других³. На временной основе при СМО СНГ действуют Комитет начальников штабов вооруженных сил государств – участников СНГ, Военно-технический комитет, Координационный Комитет по вопросам противовоздушной обороны, Военно-научный совет и мн. др.

В Исполкоме СНГ отмечают, что одним из наиболее значимых достижений интеграционного процесса в области воен-

¹ Путин: США положили начало опасному процессу разрушения системы контроля над вооружениями – ИТАР-ТАСС // URL: <http://tass.ru/politika/1530636>

² Нурсултан Назарбаев, Президент Республики Казахстан. Манифест «Мир. XXI век»... – С. 9.

³ Информация о Совете министров обороны государств-участников Содружества Независимых Государств – Официальный сайт Исполнительного комитета СНГ/ URL: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=200>

ного сотрудничества в рамках СНГ стало принятое в 1995 году Соглашение о создании объединенной системы противовоздушной обороны государств-участников СНГ (ОС ПВО СНГ)¹. В настоящее время это единственная реально существующая оборонительная система Содружества. Хотя она не стала такой масштабной, как планировалось изначально, тем не менее, благодаря ей ежегодно проводятся командно-штабные тренировки, боевые стрельбы, совместные тактические учения войск ПВО и ВВС. Кроме того, страны, представленные в СМО СНГ, формируют объединенную систему связи вооруженных сил, сотрудничают в области топогеодезического, гидрометеорологического и метрологического обеспечения деятельности ВС.

В 1997 году был создан и функционирует Совет руководителей органов безопасности и специальных служб государств-участников Содружества Независимых Государств (СОРБ), в работе которого из стран Центральной Азии участвуют Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан. Согласно информации Интернет-портала СНГ, нормативная правовая база многостороннего сотрудничества спецслужб в основном создана. В частности, к базовому Договору о сотрудничестве в борьбе с организованной преступностью от 31 мая 1995 г. Подписаны 33 протокола по различным направлениям взаимодействия органов безопасности и специальных служб, причем основное внимание уделяется совместной борьбе с международным терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма, международным незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, другими опасными проявлениями организованной преступности¹. Помимо Исполнительного бюро, при СОРБ созданы и работают Координационный совет и Технический комитет Объединенного банка данных органов безопасности и специальных служб государств-участников СНГ по борьбе с организованной преступностью, Комиссия по научно-техническому сотрудничеству, Комиссия по борьбе с незаконным международным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, Комиссия по сотрудничеству в сфере предварительного следствия, Комиссия по информационной безопас-

¹ Там же.

ности, Комиссия по обеспечению безопасности международного транспортного сообщения. В 2015 году был подготовлен и одобрен проект новой редакции Программы сотрудничества государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2017 – 2019 годы.

6 июля 1992 года решением Совета глав государств Содружества Независимых Государств был создан Совет командующих Пограничными войсками СНГ, к целям которого были отнесены координация и согласование действий пограничных войск в области охраны внешних границ и экономических зон, развитие дружественных связей между пограничными войсками стран Содружества, сближение национальных законодательств по вопросам границ и их охраны, взаимный обмен информацией, сотрудничество в области военно-технической политики и подготовки кадров. Формально в работе данного Совета принимают участие все государства постсоветской Центральной Азии.

Решением Совета глав государств Содружества Независимых Государств от 21 июня 2000 года был создан Антитеррористический центр государств-участников Содружества Независимых Государств. Необходимость его создания аргументировалась тем, что «...нарастание терроризма, бандитизма, похищения людей, незаконного оборота оружия и боеприпасов, других тяжких преступлений наносит серьезный ущерб безопасности наших государств. Сегодня эскалация насилия происходит на Кавказе и в Средней Азии, а завтра это может распространиться на другие регионы. В этих условиях необходимо дать достойный отпор международному терроризму, вооруженному сепаратизму и другим проявлениям экстремизма, консолидировать усилия наших стран и, в первую очередь, их правоохранительных структур»¹.

В соответствии с Соглашением от 5 декабря 2012 года был создан Совет руководителей подразделений финансовой разведки государств-участников СНГ, к компетенции которого, в числе

¹ История. Антитеррористический центр государств-участников Содружества Независимых Государств /URL: <http://www.cisatc.org/132/167>

прочего, была отнесена организация взаимодействия подразделений финансовой разведки и иных заинтересованных органов государств-участников СНГ, а также органов СНГ, в сферу деятельности которых входит противодействие легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма¹.

Кроме того, на базе СНГ созданы и работают такие совещательные и координирующие органы, как Совет министров внутренних дел государств-участников СНГ (в нем представлены все государства Центральной Азии), Совет руководителей миграционных органов государств-участников СНГ (в его работе принимают участие все государства Центральной Азии, кроме Туркменистана), Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств-участников СНГ.

В начале XXI века в целом в рамках СНГ сформировалось, по сути, два уровня военно-технического сотрудничества или военно-технической интеграции, в соответствии с которыми образовались две группы государств, реализующих совместные программы и проекты с разной степенью интенсивности. Если характер военно-технического сотрудничества первой группы стран (к таким относились, к примеру, Азербайджан, Молдова, Украина) не был глубоким, то в рамках второй группы, к которой относилось, помимо России, и большинство государств Центральной Азии (прежде всего, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан), взаимодействие вышло на гораздо более серьезный уровень.

Специализированной международной организацией, представленной в Центрально-Азиатском регионе и непосредственно занимающейся военно-политическим сотрудничеством, является Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Уже сам состав ее участников (половина из шести членов – Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан географически непосредственно представляют Центральную Азию) свидетельствует об особой роли региона в деятельности ОДКБ. Это подтверждается

¹ Информация о деятельности Совета руководителей подразделений финансовой разведки государств-участников Содружества Независимых Государств. – Интернет-Портал СНГ/URL: <http://www.e-cis.info/page.php?id=24108>

историей становления и развития организации, а также текущим содержанием ее деятельности.

Интересно отметить, что членство государств в ОДКБ практически совпадает с их участием в работе СМО СНГ, однако, в отличие от военного сотрудничества в рамках СНГ, в ОДКБ эти государства ставят перед собой более серьезные цели.

Уже подписание Договора о коллективной безопасности 15 мая 1992 года продемонстрировало понимание руководством заключивших его государств вопросов коллективной безопасности шире непосредственной вооруженной агрессии. В статье 4 договора говорилось, что члены ДКБ будут координировать свои позиции и оказывать поддержку друг другу «в случае возникновения угрозы безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету одного или нескольких государств-участников либо угрозы международному миру и безопасности...»¹.

Договор положил начало Организации ДКБ. В сущности, именно в 1992 – 1994 гг. была заложена основа военно-политической интеграции стран-участниц Договора, хотя его положения и положения принятых в его развитие документов так и не были реализованы в полной мере, поскольку принятые решения не были подкреплены «соответствующими законодательными актами независимых государств»².

ОДКБ, созданная в 2002 году, как наиболее структурированная организация военно-политического профиля на постсоветском пространстве на протяжении последних четырнадцати лет являлась основной структурой, с которой связывались надежды на формирования полноценной системы коллективной безопасности в Центральной Азии. Действительно, в рамках ОДКБ сформирована целая сеть постоянно действующих коллективных руководящих, консультативных, рабочих и исполнительных органов, а сфера деятельности организации охватывает широкий спектр вопросов, наиболее актуальных для обеспе-

¹ Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года – Организация договора о коллективной безопасности (официальный сайт) // URL: http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=126

² Дитте О. Взаимодействие России и стран СНГ в решении вопросов безопасности на постсоветском пространстве // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – №6(31). – С. 217.

ния безопасности в современный период: интеграция в сфере коллективной безопасности, военно-экономическое сотрудничество, взаимодействие в сфере внешней политики, противодействие незаконному обороту наркотиков, незаконной миграции, чрезвычайным ситуациям, информационная безопасность.

Создание коллективных вооруженных сил традиционно рассматривается как одна из главных и одновременно наиболее сложных задач в развитии любой военно-политической организации. ОДКБ не является исключением, и наибольшие успехи в этом направлении достигнуты именно на центральноазиатском направлении или, как его еще официально именуют, в Центрально-Азиатском регионе коллективной безопасности (ЦРКБ). Еще в августе 2001 года на основании Решения Совета коллективной безопасности ДКБ от 25 мая 2001 г. были сформированы Коллективных сил быстрого развертывания ЦРКБ. Согласно официальным данным организации, общая численность КСБР ЦРКБ составляет порядка 5 тысяч человек, а к основным задачам относятся участие в отражении внешней военной агрессии и проведение совместных контртеррористических операций¹. Важнейшую роль в обеспечении деятельности КСБР ЦРКБ играет объединенная российская военная база, находящаяся на территории Кыргызстан. В ее составе аэродром КСБР в Канте, испытательная военноморская база на Иссык-Куле, узел связи в поселке Чалдовар и автономный сейсмический пункт в городе Майлуу-Суу.

Одним из самых амбициозных и важных в рамках ОДКБ стал стартовавший в 2009 году проект создания Коллективных сил оперативного реагирования (проект соответствующего решения о создании КСОР был подписан 4 февраля), к задачам которого были отнесены участие в предотвращении и отражении внешнего нападения, локализации вооруженных конфликтов, участие в мероприятиях по борьбе с международным терроризмом, незаконным оборотом наркотиков, психотропных веществ, орудия и боеприпасов, другими видами транснациональной организованной преступности, участие в защите насе-

¹ Коллективные силы быстрого развертывания Центрально-Азиатского региона коллективной безопасности – Организация договора о коллективной безопасности (официальный сайт) // URL: http://www.odkb-csto.org/js_csto/voennaya-sostavlyauschaya-odkb/ksbrtsar.php

ления при чрезвычайных ситуациях, в предотвращении чрезвычайных ситуаций и ликвидации их последствий. Наибольшую активность в работе по созданию и развитию КСОР, проведению учений контингентов КСОР наряду с Россией изначально проявляли государства Центральной Азии – члены ОДКБ (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан). В числе актуальных задач текущей повестки дня, помимо борьбы с усиливающейся угрозой терроризма и радикального исламизма, в частности, вопросы совместного осуществления противовоздушной обороны стран-членов ОДКБ.

Еще одним заметным международным форматом взаимодействия в сфере коллективной безопасности в Центрально-Азиатском регионе является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), созданная 15 июня 2001 года и изначально объединившая Казахстан, Кыргызстан, Китай, Россию, Таджикистан и Узбекистан (в 2015 году на саммите в Уфе было принято решение о включении в число государств-членов организации Индии и Пакистана). Уже исходя из географии организации очевидно, что одним из центральных направлений ее работы является центральноазиатское, представленное практически всеми государствами этого региона, кроме Туркмении. В числе основных целей ШОС: совместное обеспечение и поддержание мира, безопасности и стабильности в регионе; продвижение к созданию демократического, справедливого и рационального нового международного политического и экономического порядка.

Особую роль в рамках ШОС с самого начала работы организации играет Региональная антитеррористическая структура (РАТС), образованная государствами-участниками Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года. Необходимо обратить внимание на то, что местонахождением РАТС был определен г. Бишкек, а местонахождением Исполнительного комитета РАТС стал Ташкент. К числу наиболее важных задач РАТС ШОС были отнесены поддержание рабочих контактов с компетентными органами государств-членов и международными организациями, занимающимися вопросами борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, содействие взаимодействию государств-членов

в подготовке и проведении антитеррористических учений по просьбе заинтересованных государств-членов, подготовке и проведении оперативно-розыскных и иных мероприятий по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, участие в подготовке проектов международно-правовых документов, затрагивающих вопросы борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, сбор и анализ информации, поступающей в РАТС от государств-членов, формирование и пополнение банка данных РАТС, участие в формировании эффективной системы реагирования на глобальные вызовы и угрозы, подготовка и проведение научно-практических конференций, семинаров, содействие в обмене опытом по вопросам борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом¹.

Вместе с тем, при кажущихся заметными успехах, достигнутых в сотрудничестве России и государств Центральной Азии в сфере коллективной безопасности, имеется немало уязвимых мест и сторон, обусловленных как меняющейся общей геополитической конъюнктурой, политикой тех или иных внешних игроков (внешние факторы), так и позицией отдельных стран региона.

Согласно информации о деятельности Совета командующих Пограничными войсками государств-участников СНГ и его рабочего органа Координационной службы в 2015 году, основное влияние на охрану внешних границ стран СНГ оказывали активизация деятельности террористических организаций «Исламское государство» в странах Ближнего Востока, «Движения Талибан» в Афганистане, в том числе путем поглощения ими оппозиционного потенциала других радикальных исламистских организаций и движений, увеличение масштабов афганского наркотрафика через внешние границы государств-участников СНГ по «северному маршруту» и синтетических наркотиков, гашиша, марихуаны и кокаина из стран Восточной Европы и Балтии, рост объема незаконной миграции в государства-участники СНГ и в страны-члены Европейского союза, а также кон-

¹ Структура Шанхайской организации сотрудничества – официальный сайт Шанхайской организации сотрудничества /URL: <http://rus.sectsc.org/structure/#6>

трабандной деятельности по перемещению товарно-материальных ценностей через территорию государств-участников СНГ¹.

Аналогичным образом оценивались в этот период наиболее острые текущие угрозы и в рамках ОДКБ. В частности, в Заявлении глав государств-членов ОДКБ о противодействии международному терроризму от 21 декабря 2015 года отмечалось, что приоритетной задачей организации виделось «решительное пресечение деятельности террористической группировки ИГИЛ, развязавшей жестокое кровопролитие во многих странах и представляющей угрозу для всего человечества», и констатировался «рост угроз безопасности в Центральной Азии, связанных с повышением активности ИГИЛ, Движения Талибан, Аль-Каиды и других террористических организаций на территории Афганистана, что ведет к всплеску напряженности на южных рубежах ОДКБ, напрямую угрожая дестабилизации ситуации в зоне ее ответственности»².

Таким образом, и в СНГ, и в ОДКБ убеждены в необходимости принятия самых действенных мер против распространения религиозного экстремизма, международного терроризма и роста наркотрафика из Афганистана.

Вместе с тем, сделать эту работу более эффективной все последние десятилетия мешало отсутствие единства и должной координации усилий всех государств Центральной Азии. В частности, несмотря на формальное членство в ряде совместных структур, занимающихся проблемами безопасности, Узбекистан и особенно Туркмения фактически дистанцировались от реального участия в работе коллективных органов СНГ, а в 2012 году Узбекистан прекратил свое членство в ОДКБ (Туркмения и не вступала в эту организацию). Закрытость Туркмении не позволяет в полной мере оценить реальное положение дел с точки зрения обеспечения безопасности ее границ и эффективности

¹ Информация о деятельности Совета командующих Пограничными войсками и его рабочего органа Координационной службы в 2015 году. – Интернет-портал СНГ /URL: <http://www.e-cis.info/page.php?id=25182>

² Заявление глав государств-членов Организации договора о коллективной безопасности о противодействии международному терроризму (21 декабря 2015 года, г. Москва) – Организация договора о коллективной безопасности (официальный сайт) // URL: <http://www.odkb-csto.org/news/>

деятельности ее органов безопасности, пограничных служб и военных по пресечению поставок наркотиков и распространения радикальных исламистских и террористических группировок. Дистанцированность от активного участия в коллективной работе по обеспечению безопасности Узбекистана, обладающего формально едва ли не самой крупной армией в регионе, также существенно ослабляет потенциал Центральной Азии. Уход из жизни в 2016 году бессменного лидера Узбекистана Ислама Каримова и происходящая в настоящее время смена власти в этой стране вызвали к жизни осторожные надежды на расширение внешнеполитической повестки Ташкента в пользу активизации контактов с Россией и ближайшими соседями по региону, однако рассчитывать на резкую смену курса пока вряд ли приходится.

Конечно, одной из главных угроз делу выстраивания эффективной системы коллективной безопасности в Центральной Азии являются противоречия в отношениях между отдельными государствами региона. Многовекторность политики стран региона является неизбежным следствием как наличия у них интересов, связанных с различными влиятельными внешними игроками, так и повышенного интереса, проявляемого самими внешними игроками применительно к Центральной Азии. В это связи ключевой задачей в отношениях между странами-членами ОДКБ видится координация усилий как высшего руководства, так и дипломатических ведомств государств по своевременному прогнозированию и урегулированию потенциально конфликтных ситуаций.

Безусловно, вопросы, связанные с построением эффективной системы безопасности тесно связаны с экономическими возможностями государств региона, многие из которых не могут похвастаться ни высоким уровнем жизни, ни достаточно объемными бюджетными средствами, на которые можно было бы содержать хорошо оснащенные и обученные армию и спецподразделения. В особенности это касается Таджикистана и Кыргызстана, причем именно эти страны в последние десятилетия являлись наиболее нестабильными с точки зрения внутренней ситуации (достаточно вспомнить гражданскую войну 1992-1997 гг., деятельность запрещенной Партии исламского возрождения).

дения в 2000-х гг. и дело генерала Абдухалима Назар-зоды в Таджикистане, Тюльпановую революцию 2005 года и революцию 2010 года в Кыргызстане, последняя из которых спровоцировала масштабный межэтнический конфликт между кыргызами и узбеками). К слову, именно в Таджикистане имеется пример успешного проведения миротворческой операции под эгидой СНГ.

Одним из центров сосредоточения конфликтности в регионе стала Ферганская долина, аккумулирующая в себя активность радикалов из нескольких центральноазиатских государств. Опасность, исходящую от деятельности этих экстремистов, продемонстрировали андижанские события 2005 года. Появление исламских экстремистских сил, безусловно, обусловлено в значительной степени особенностями современного развития центральноазиатских обществ, наличием в этом развитии внутренних противоречий. Внешняя поддержка со стороны международных исламских организаций, направленная на финансовую помощь, содержание баз боевиков и экспорт экстремистской идеологии важна, но играет второстепенную роль.

Внутренняя нестабильность и низкий уровень жизни населения традиционно являются благоприятными условиями для их вовлечения в систему транспортировки и распространения наркотиков, а также для роста популярности радикальных экстремистских идей. В связи с этим борьба с данными явлениями может вестись достаточно эффективно только комплексно, с применением как всех сил и средств из арсенала органов безопасности, так и с помощью экономических механизмов.

Поэтому, особенно в последнее время, все большее внимание уделяется вопросам сопряжения деятельности военно-политических структур с международными интеграционными организациями, среди которых особую роль в Центральной Азии может играть созданный в 2015 году Евразийский экономический союз, образованный Беларусью, Казахстаном и Россией и включивший в свои ряды также Армению и Кыргызстан. Несмотря на то, что работа ЕАЭС совпала по времени с неблагоприятной внешнеэкономической и геополитической конъюнктурой, болезненно отразившейся на состоянии экономик государств-участников союза, тем не менее, организацию возможно и нужно использовать

для придания модернизационного импульса социально-экономическому развитию Центральной Азии. Свою роль в обеспечении притока зарубежных инвестиций и улучшении экономической ситуации способен сыграть грандиозный китайский проект Экономического пояса Шелкового пути, причем в настоящее время активно обсуждается идея сопряжения ЕАЭС и ЭПШП.

В заключение важно отметить, что сотрудничество России и государств Центральной Азии в области безопасности может проявить себя в полной мере эффективно лишь при взаимодействии различных форматов и с использованием потенциала межрегионального сотрудничества. В этом контексте актуальными являются Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН об укреплении сотрудничества с ОДКБ, СНГ и ШОС, принятые 21 ноября 2016 года. В частности, Генассамблея отметила «значительный практический вклад и усилия» ОДКБ по укреплению «системы региональной безопасности и стабильности, противодействию терроризму и организованной транснациональной преступности, борьбе с незаконным оборотом наркотиков и оружия, нелегальной миграцией и торговлей людьми», а также работу по ликвидации последствий природных и техногенных катастроф и призвала «к углублению сотрудничества и координации» между структурами системы ООН и ОДКБ, а также «развитию прямых контактов между ними в областях, представляющих взаимный интерес», в том числе с целью изучения «возможных путей наращивания взаимодействия в области поддержания мира»¹.

¹ Генассамблея ООН приняла резолюции об укреплении сотрудничества с ОДКБ, СНГ и ШОС – Организация договора о коллективной безопасности (официальный сайт) / URL: http://www.odkb-csto.org/news/detail.php?ELEMENT_ID=8635&SECTION_ID=91

НОВАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Казахстан. Характерной чертой развития религиозной ситуации в Казахстане является широкое многообразие религиозных систем, следствием которого стали закономерное расширение религиозного пространства и ослабление роли государства и контроля с его стороны в этих процессах, что создало почву для быстрого роста влияния нетрадиционных религиозных направлений.

Анализ данной проблемы чрезвычайно актуален для оптимизации регулирования религиозными отношениями в целом в странах Центральной Азии, в Казахстане в частности, в недопущении развития нежелательных сценариев, могущих привести к активизации экстремистских религиозных групп.

Для полноценного и комплексного анализа этой проблемы нужно рассмотреть особенности законодательства в этой отрасли, роль государственных органов и Духовного управления мусульман в религиозных процессах, состояние легальной и нелегальной форм конфессионального образования.

Так, политика официальных властей к религии изменилась коренным образом с приходом к власти в марте 1985 г. М.С. Горбачева, когда был взят новый курс на «перестройку» и демократизацию политического режима. Но подход к демократизации религиозной сферы из-за особой чувствительности имеет свои особенности. Возрождение рудиментов различных религиозных направлений могут принимать различные формы. Так деятельность исламистов радикалов имеет конкретные цели – построение исламского государства. Процесс демократизации религиозной сферы и возрожденческие тенденции в странах Центральной Азии имеют свои отличительные особенности и региональную специфику.

Процесс возрождения религиозных традиций в период независимости (образование новых ДУМ, построение религиозных

отношений на новых принципах), требовал принятия и решения новых задач с использованием новых методов мышления, новых знаний, новых форм организации работы. Однако новые задачи были возложены на старый кадровый аппарат со старым партийным мышлением, что переопределило и серьезные просчеты в работе этой сферы.

В этот период начался процесс повальной регистрации новых религиозных объединений, началась волна перестроечных преобразований. Сложившаяся ситуация в Центральной Азии, в первую очередь, привела к необходимости реформирования и строительства иерархической структуры духовного управления. Вопрос о реформировании структуры управления мусульманскими общинами в Казахстане впервые возник в начале 1989 г. – почти сразу после начала несанкционированных выступлений узбекских мусульман, приведших к отставке руководителя САДУМ Ш.З. Бабаханова (1982 – 1989).

Многие ученые, исследуя современные особенности ислама в Центральной Азии, стали критиковать понятие «исламское возрождение», утверждая, что это «представляется скорее данью традиционным установкам, чем реальной действительностью». Отчасти это правильно, действительно, мы на современном этапе, столкнулись с совершенно новыми явлениями и процессами в сфере жизнедеятельности исламской общины. Речь, скорее, идет «о новом этапе исламизации». Показательно, что ярче всего этот процесс проявился в сфере активизации исламских направлений.

Так количество исламских религиозных объединений в Казахстане выросло с 46 в 1990 г. до 2144 в 2007 году. Общее количество различных религиозных организаций к 2007 г. составило 3855, представляющих более 40 конфессий и деноминаций. Им принадлежат 2847 культовых сооружений.

В законном порядке деятельность религиозных объединений регламентируется Конституцией Республики Казахстан, Гражданским кодексом и Законом «О религиозной деятельности и религиозных объединениях», который был принят в работу Мажилисом 7 сентября и принят 21 сентября 2011 г., который заменил старый Закон «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях».

Отдельные стороны взаимоотношений религиозных объединений с государственными органами регулируются нормативными актами:

1. «Правила регистрации уставов (положений) религиозных объединений», утвержденные постановлением Кабинета Министров Республики Казахстан от 14 апреля 1992 г. № 327.

2. Постановление Кабинета Министров Республики Казахстан от 14 декабря 1993 года № 1247 «Об утверждении Положения о порядке передачи религиозным объединениям культовых (молитвенных) зданий, сооружений и иного имущества».

3. Положение «О порядке аккредитации иностранных граждан и лиц без гражданства, занимающихся миссионерской деятельностью», утвержденное Постановлением правительства Республики Казахстан от 21 сентября 1997 г. № 1362.

Процедура регистрации религиозных объединений в качестве юридических лиц определяется Указами Президента Республики Казахстан, имеющих силу закона «О государственной регистрации юридических лиц» (Приложение Б) и «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан». При этом государственная регистрация носит «явочный» характер. Государственная регистрация религиозных управлений (центров), объединений, действующих на территории двух и более областей, а также образуемых ими духовных учебных заведений, монастырей и других объединений, осуществляется Министерством юстиции и Министерством образования, а регистрация местных религиозных объединений – областными и городскими управлениями юстиции (согласно статье 9-ой Закона «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях»)¹.

Так по данным же ДУМК, в стране действует более 3000 мусульманских объединений, независимо от их юридического статуса. Замечен особенно большой рост нетрадиционных религиозных объединений. Например, если их в 1989 г. было 13, то в 1998 г. число зарегистрированных нетрадиционных религиозных объеди-

¹ Донаков Т. Особенности создания религиозных объединений и их правовая основа в Казахстане // Религиозный экстремизм: истоки, реальность и социально-правовые превенции. Сборник материалов научно-практической конференции 26-27 апреля 2001 года. – Алматы: Академия КНБ РК, 2001. – Часть. 1. – С. 13-16.

нений увеличилось до 166¹. При этом динамика роста нетрадиционных конфессий опережала показатели традиционных конфессий. Но многие религиозные объединения не проходят регистрацию по причине того, что особо не нуждаются, а занимаются проповедованием своих идей нелегально. Так, проведенные в 2000 г. мероприятия по проверке соблюдения Конституции и законов религиозными объединениями южных областей выявили деятельность 497 незарегистрированных религиозных объединений. По сообщениям СМИ, в Казахстане существует ряд конфессий, сект и даже религиозных учебных заведений без юридического оформления².

Но нужно сказать и то, что за указанный период государство пыталось, официально придерживаясь политики невмешательства в религиозную сферу, регулировать этот процесс принятием разного рода законов, в основном, осуждением антиконституционных действий тех или иных религиозных объединений. Что явилось одной из ошибок, когда процесс религиозного многообразия стал нашей реальностью.

Ужесточение государственной политики в отношении религиозного экстремизма и сепаратизма началось с 1994 г., когда в новый Гражданский кодекс были внесены положения об обязательном согласовании с государственными органами кандидатур руководителей религиозных объединений, назначаемых в Казахстан зарубежными религиозными центрами, и об обязательной аккредитации миссионеров, не являющихся гражданами Казахстана, и «духовных учебных религиозных объединений и заведений» в местных органах власти (ст. 109). Позднее положение о согласовании с государственными органами вопросов деятельности иностранных религиозных объединений и назначении иностранными религиозными центрами руководителей религиозных объединений было закреплено в Конституции Казахстана 1995 г. (ст. 5.5). Но особо сильное усиление контроля над религиозными процессами, над религиозным образованием в частности, началось после известных событий в Ташкенте, когда, по мнению офи-

¹ Уровень религиозности и конфессиональные ориентации населения Республики Казахстан (Информ-аналит. доклад). – Алматы: ИРК. – 47 с.

² Статистические данные о религиозных общинах Казахстана // Мегполис. – № 4. – 2000; Сидоров А. Религия: вера и идеология // Казахстанская правда. – 3 октября 1995 г.

циальных властей, имели место попытки покушения на И. Каримова. После этих событий принятые меры, в свою очередь, имели определенные результаты, например, только за 1999 год было возбуждено 5 уголовных дел в отношении 14 духовных лиц за совершение ими различных преступлений. Недопущение радикализации религиозного сознания казахстанских граждан Президент Казахстана Н.А. Назарбаев назвал стратегическим направлением государства¹. Так, 10 февраля 2000 г. был принят указ Президента Республики Казахстан «О мерах по предупреждению и пресечению проявлений терроризма и экстремизма».

Но, как показывают данные Совета по связям с религиозными объединениями, к 2001 г. количество религиозных объединений возросло до 2252 и из них почти половина (1080) была не зарегистрирована в органах юстиции, являясь по существу нарушителями закона. Многие исследователи исламского образования писали, что если к 1991 г. в Казахстане не было ни одного религиозного учебного заведения, то на данном этапе их насчитываются десятки².

В целях регулирования этой ситуацией на разных этапах предпринимались стихийные действия по усилению контроля государства в религиозной сфере, которые, в основном заканчивались неудачно. Так, в конце 1998 г. Министерством информации, культуры и общественного согласия была предпринята попытка урегулирования религиозной ситуацией в Республике. Этим ведомством был подготовлен проект Закона «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях», в котором предусматривались усиление контроля государства в сфере религии и правовые ограничения для последователей «нетрадиционных» конфессий. Однако законопроект был отозван на доработку в связи с тем, что, по утверждению представителей религиозных меньшинств, он противоречил международным стандартам.

В 2002-2003 гг. государством также предпринимались меры по внесению изменения в Закон «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях». Этот законопроект назывался «О

¹ Назарбаев Н. Быть ближе к людям, решать их проблемы // Казахстанская правда. – 31 января 2001 г.

² Слямгазулы К. Религий много, закон – один // Казахстанская правда. – 13 января 2001 г.

внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам свободы вероисповедания и деятельности религиозных объединений», который по ряду пунктов был признан не соответствующим Конституции Республики Казахстан.

На сегодняшний день в Закон «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях» вводилось 7 существенных изменений:

- В 1995 г. были внесены первые изменения Указом Президента Республики Казахстан, имеющие силу Закона по вопросам налогообложения.
- В том же году внесены изменения и дополнения Указом Президента Республики Казахстан, имеющим силу Закона, усовершенствованы положения об уставе, порядке регистрации и ликвидации религиозных объединений.
- В 1997 г. в Закон вносились изменения в третий раз – слова «денежные средства» заменили словом «деньги».
- В 2004 г. вносились изменения по вопросам разграничения полномочий между уровнями государственного управления и бюджетных отношений.
- В 2005 г. были внесены изменения и дополнения по вопросам обеспечения национальной безопасности.
- В 2005 г. в Закон был внесен запрет, касающийся по мерам противодействия экстремизму.

В 2007 г. закон приведен в соответствие с трудовым законодательством.

В сложившейся ситуации правительством в целях регулирования и унификации религиозного пространства был предпринят несколько безуспешных шагов по изменению законодательства о свободе совести и религиозных объединениях. Начиная с 1998 г. по примеру уже принявших подобные изменения России и Узбекистана, было разработано несколько подобных законопроектов, но из-за мощного противодействия, прежде всего, зарубежных религиозных организаций и центров, ни один из них не был принят¹.

¹ Свобода совести в Казахстане. У барьера общественного сознания. – Алматы, [б.и.], 2002. – Часть 1. – 152 с.

До принятия новой редакции Закона правовое положение религиозных объединений Республики Казахстан, помимо конституционных положений, продолжает регулироваться Законом «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях» от 15 января 1992 года¹.

Но в сентябре 2011 года был разработан Агентством РК по делам религий новый законопроект «О религиозной деятельности и религиозных объединениях», который был принят в работу Мажилисом 7 сентября и принят 21 сентября 2011 г.

Ряд общественных объединений обратились к депутатам парламента с призывом не принимать новый законопроект, а также потребовали отставки главы госагентства по делам религий Кайрата Лама Шарифа. Это такие организации, как «Единство страны» Канат Жуман, «Конгресс мусульманской молодежи» Нурхат Утегали, «Молодежи Казахстана» Максат Нурупбаев, «Единство молодежи» Ержан Аскараров, а также выступившие против: демократическая партия «Әділет», общественное объединение молодежи оралманов «Жезбұйда», клуба активной молодежи «Азамат», общественных объединений «Желтоқсан рухы», «Республикалық Желтоқсан 86-Тәуелсіздік қырандары», «Желтоқсан жалауы». Общая идея этих обращений – это протест против ограничений конституционных прав граждан, которые устанавливаются законопроектом.

Члены «Адилета» отмечают, что подобные запреты создают условия «для радикализации верующих». «Если до введения запрета верующие могли совершать обряды по месту работы и обучения, (...) то после его введения верующие будут идти в другие места, где на них может быть оказано негативное влияние представителями миссионерских организаций деструктивного толка», – говорится в совместном обращении партии «Адилет» и независимых профсоюзов.

Депутат Бекболат Тлеухан в работе Парламента заявил, что «в случае принятия данного законопроекта возможны следующие негативные последствия:

¹ Закон Республики Казахстан «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях» // Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан. – Алматы, 1995. – №20. – С. 78-87.

1-проблема. Уважаемые Нуротановцы! Таким образом, мы подтолкнем сотни тысяч мусульман в объятия наших оппонентов.

2-проблема. При нынешних обстоятельствах опасности экстремизма внешние силы могут использовать наш народ, в частности, верующих, как средство противодействия власти.

3-проблема. Мы вынудим тысячи молодых ребят, читающих намаз, искать пути, чтобы избегать службы в армии. Это приведет также к оттоку из государственной службы профессиональных специалистов, читающих намаз. В результате, правительство искусственно делит общество и противопоставляет их друг другу.

Также существует опасность что, внешние силы, используя недовольство населения, могут совершить диверсионные акты. Тому доказательство – некоторые случаи противодействия народа и власти» (Из выступления в Мажлисе 21 сентября 2011 г.).

Тимур Козырев на портале «Экспресс К» предупреждает: «Остается всего один намаз, который выпадает на рабочее время, и то лишь в осенне-зимний период, когда день короткий. То есть проблема создается на пустом месте. Но для кого-то важно настоять именно на принципе, согласно которому религия, как таковая, вообще не должна присутствовать в госорганах. Ради этой абстракции устраиваются реальные проблемы людям. И проблемы эти в перспективе могут стать политическими».

Также против законопроекта выступили некоторые правозащитные организаций, в частности активную противоположную позицию по отношению законопроекта заняла известный в РК правозащитник, председатель Алматинского Хельсинкского комитета по правам человека Нинель Фокина.

Она заявила, что «все попытки воздействовать на религиозное сознание и на верующих с позиции силы – безрезультатны и бессмысленны. Даже если власти вычистят официальное религиозное поле, опальные организации уйдут в подполье. Их начнут давить сильнее, а значит, недовольство будет расти, соответственно, будет расти и сопротивление» (онлайн-конференция на сайте «guljan.org»).

На страницах СМИ от ДУМК с резкой критикой выступил против Кайрат Жолдыбай, который заявил, что этот «законопроект является возвратом нашего государства в 70-летнее советское прошлое». Это вызвало большую общественную реакцию, и это было воспринято как официальная позиция ДУМК.

В пятничной проповеди в мечети «Нур-Астана» также с резкой критикой в адрес К. Лама Шарифа и его инициатив по законопроекту выступил имам мечети Калижан Занкоев. Он во время проповеди поблагодарил Б. Тлеухан за его стойкость в этом вопросе, также отметил, что «депутат Тлеухан несправедливо на сегодняшний день подвергается безосновательным обвинениям, и мы должны поддержать его в борьбе против этого законопроекта».

Таким образом, принятый в Казахстане законопроект о религиозной деятельности очень критично воспринят обществом и СМИ. Это газеты «Деловая неделя», «Мегаполис», «Экспресс К», «Время» и пр. Ряд экспертов опасается, что закон, разработанный с целью противодействия дрейфу казахского общества в сторону радикального ислама, в ряде своих пунктов может возыметь противоположный эффект. Так радикалам мы даем возможность обвинить наше государство в куфре, тагутае и пр. усиливая их идеологическую базу. Данный вопрос может стать политическим.

В других сферах законодательства сегодня поэтапно совершенствуются национальные законы в области борьбы с терроризмом и экстремизмом. С 1999 г. в Казахстане действует закон «О борьбе с терроризмом»¹, Указ Президента Республики Казахстан от 10.02.2000 г. № 332 «О мерах по предупреждению и пресечению проявлений терроризма и экстремизма», Постановление Правительства Республики Казахстан от 30.01.2007 г. № 70 «Об утверждении правил проведения религиозной экспертизы».

В феврале 2005 г. приняты законодательные акты «О противодействии экстремизму» и «О внесении изменений и допол-

¹ О борьбе с терроризмом. Закон Республики Казахстан от 13 июля 1999 года №416 // Казахстанская правда. – №182-183. 30.07.99.; Ведомости Парламента РК. – 1999. – №19. – ст. 649.

нений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам противодействия экстремизму», которые способствовали законодательному закреплению правовых и организационных основ борьбы с проявлениями политического, национального и религиозного экстремизма¹.

В этих законопроектах в числе принципиальных новшеств являются следующие положения:

В силу пункта 1 статьи 10 Закона Республики Казахстан «О борьбе с терроризмом» пропаганда терроризма, создание, регистрация и функционирование террористических организаций, а также незаконных военизированных формирований, запрещена.

Аналогичный запрет на занятие экстремистской деятельностью установлен Законом Республики Казахстан «О противодействии экстремизму».

В соответствии со статьей 5 Закона Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан» террористическая деятельность организаций иностранных государств и отдельных лиц, а также экстремизм в любой его форме, отнесены к числу угроз национальной безопасности Республики Казахстан.

В части осуществления профилактических мер в области противодействия экстремистской деятельности, появляется пункты об установлении возможности признания иностранной или международной организации, осуществляющей данную деятельность на территории других государств, экстремистской. Полномочиями по признанию ее таковой наделяется суд города Астаны. Так в октябре 2004 г. по иску Генеральной Прокуратуры Республики Казахстан на территории Казахстана четыре международных организации были признаны террористическими:

- 1) ал-Ка'ида;
- 2) Исламская партия Восточного Туркестана;
- 3) Курдский народный конгресс;
- 4) Исламское движение Узбекистана.

Затем в марте 2005 г. в соответствии со статьей 21 Закона «О борьбе с терроризмом» Верховный суд полностью удовлетворил другое заявление Генеральной прокуратуры о признании

¹ В зоне особого внимания // Казахстанская правда. – № 292-293. – 24.12.04.

террористическими еще семи международных организаций: 1) Асабат ал-ансар; 2) Братья-мусульмане; 3) Талибан; 4) Боз гурд; 5) Джама'ат моджахедов Центральной Азии; 5) Лашкар-и Тайба; 6) Общество социальных реформ.

Чуть позднее в этом же месяце и религиозно-политическая партия «Хизб ат-тахрир» согласно Закону Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» была признана экстремистской и ее деятельность на территории Казахстана была объявлена вне закона. Также террористическими признана террористическая организация «Джама'ат моджахедов Центральной Азии», совершившая серию терактов в Ташкенте в 2004 году. (Так, члены этой группировки были задержаны в ноябре 2004 года на территории Южно-Казахстанской области. В числе арестованных руководителей, членов и пособников группировки девять граждан Казахстана и четыре гражданина Узбекистана. Задержаны также четыре жительницы Южно-Казахстанской области, прошедшие подготовку в качестве «смертниц». Этой группировкой и его лидерами Ахматом Бекмирзаевым и Жакшыбеком Биймурзаевым, как заявил генерал майор КНБ РК Владимир Божко, планировались проведение на территории Центральной Азии ряд террористических актов)¹.

В Казахстане нет политических партий или организаций, выступающих за внедрение исламских социально-политических установлений в жизнь общества и построений теократического государства². В принятых законах в Казахстане предусматривается запрет на использование межконфессиональных различий в политических целях; создание религиозных объединений, цели и деятельность которых направлены на насильственное изменение конституционного строя; нарушение целостности государства, подрыв безопасности, разжигание социальной, расовой, национальной, религиозной, сословной и родовой розни; пропаганда религиозного экстремизма.

В числе неофициальных религиозных партий можно назвать и религиозно-политическую партию «Хизб ат-тахрир». Так, осенью

¹ С «Жамаатом» покончено // Казахстанская правда. – № 257-258. – 12.11.04.

² Султангалиева А.К. Ислам в Казахстане: история, этничность, общество. – Алматы [б.и.], 1998. – 188 с.

2000 г. на территории южных областей были арестованы члены религиозно-политической организации «Хизб ат-тахрир». При этом были обнаружены оружие, литература экстремистско-пропагандистского характера, листовки на казахском, русском и узбекском языках с призывом к созданию единого исламского государства (халифата) на территориях центрально-азиатских стран. До 2004 года свою деятельность «Хизб ат-тахрир алислами» вела преимущественно в южных регионах страны, а с 2005 года ее адепты начали пропагандировать экстремистские идеи по всей республике. В 2006 году вступил в законную силу приговор суда города Караганды о привлечении к уголовной ответственности 30 руководителей и наиболее активных членов данной организации¹. На современном этапе они ведут четко конспирированную деятельность.

Также в 2006 году была арестована другая группа активистов этой партии, которая открыла подпольную типографию по изданию листовок, брошюр и книг партии «Хизб ат-тахрир» на казахском языке. К 2008 г. уже прошло несколько судов над членами этой партий. На сегодняшний день это партия признано экстремистской.

Таким образом, современная концепция религиозной политики, в правовом поле строится, в основном, на осуждении антиконституционных действий тех или иных религиозных объединений, мягкими и либеральными положениями в отношении нетрадиционных религиозных объединений. Так в 1993 году в соответствии с указаниями Н.А. Назарбаева в Конституцию было внесено положение о запрете на деятельность религиозных и общественных объединений, «провозглашающих или на практике реализующих... религиозную нетерпимость» (ст. 55). Это положение позднее было воспроизведено и в Конституции 1995 года (ст. 5.3), правда, в новом варианте «религиозная нетерпимость» была заменена более «широкой» формулировкой о «разжигании религиозной розни». Кроме того, в 1995 г. в Конституции появилась статья 20.3, запрещающая «пропаганду или агитацию... религиозного... превосходства». В расследова-

¹ Религиозный экстремизм в Казахстане (пресс-релиз) // www.procuror.kz

нии ряда государственных преступлений те или иные действия осуждались по ст. 164: «Возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой или религиозной вражды»; ст. 168 – «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти»; ст. 170: «Призывы к насильственному свержению или изменению конституционного строя либо насильственному нарушению территории Республики Казахстан»¹. Но данный комплекс мер, как показала практика, не охватывает весь круг проблем стоящих перед государством в сфере религиозных отношений.

Экстремизму приписываются свойства, скорее присущие терроризму: «насильственное изменение основ конституционного строя, призывы к насильственному захвату власти, подрыву безопасности государства, а равно к насильственному нарушению целостности Республики Казахстан и единства ее территории, захват или присвоение властных полномочий; создание незаконных вооруженных формирований; осуществление террористической деятельности, призывы, направленные на возбуждение религиозной вражды, на оскорбление религиозных чувств граждан, а равно пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии: пропаганда терроризма и публичные призывы к совершению акта терроризма». Очевидно, что эти вопросы постановления установлены исходя из насущных интересов национальной безопасности Казахстана. В то же время, правовое и терминологическое смешение экстремизма и терроризма представляется неверным. Самое главное из области исследования выпадают такие участки проблемы, которые представляются наиболее актуальными в связи с деятельностью новых псевдорелигиозных учений.

Также и современная религиозоведческая экспертная деятельность имеет узконаправленное применение, и сфокусировано только на исследование материалов содержащих идеи религиозного экстремизма и только лишь антиконституционные призывы. Не секрет что многие исследователи, избравшие предмет своего изучения исламскую религию, строят в настоящее

¹ Указ Президента РК «О мерах по предупреждению и пресечению проявлений терроризма и экстремизма» 10 февраля 2000 года // САПП Республики Казахстан. – 2000. – №7. – С. 74-78.

время работу вокруг одной центральной проблемы – религиозный экстремизм. Между тем, как показали современные процессы и тенденции, происходящие в религиозной сфере, наблюдается процесс его многократного усложнения. Например, использование методов гипноза в практике различного рода религиозных организаций, что ведет к зомбированию человека, потере личного, индивидуального мировосприятия и миропонимания (например, мистические и пантеистические концепции, элементы гипноза в нетрадиционных религиозных организациях и сектах) не укладывается в рамки религиозоведческой экспертизы.

В этом случае для обозначения деструктивной деятельности нетрадиционных направлений автором предлагается ввести термин «тоталитарная секта». Употребление термина «тоталитарная секта» как синонима нетрадиционных религий и деструктивных религиозных культов отмечал также и российский исследователь А.Ю. Егорцев¹.

Деструктивная деятельность нетрадиционных религиозных направлений представляют угрозу в двух уровнях: как на личностном уровне, так и антигосударственными и антиобщественными проявлениями. Так, по мнению П.И. Сидорова, деструктивным религиозным организациям присуща антигосударственная и антисоциальная направленность².

Другой исследователь этой проблемы Э. Филимонов считает, что угрозы, которые могут исходить со стороны религиозных организаций, можно классифицировать следующим образом: 1) на уровне личности угрозы могут проявляться в самых различных сферах. Важнейшими среди них являются правовая сфера (нарушение права на труд, образование и др.), материальная (угроза собственности), психической, духовной, физиологической сферах (манипулирование сознанием, волей, мышлением); 2) угрозы на уровне общества проявляются, в первую очередь, через угрозы социокультурной идентичности (под ней автор понимает духовно-идеологические, нравственные и культурные условия жизнедеятельности); информационной безопасности

¹ Егорцев А.Ю. Тоталитарные секты: свобода от совести. – М.: Сектор, 1997. – 108 с.

² Тайные общества и секты. Культовые убийцы, масоны, религиозные союзы и ордена, сатанисты и фанатики. – Минск, [б.и.], 1997. – С. 57.

(манипулирование общественным сознанием), политической безопасности (в форме оказания давления на власть)¹.

После терактов, произошедших в Актобе и Алматы в 2016 году, реакция казахстанской власти не заставила себя долго ждать. В начале парламентского сезона в Мажилис поступил пакет законопроектов антитеррористической направленности. Затем в ходе формирования нового правительства было создано Министерство по делам религий и гражданского общества.

Весь пакет новых законопроектов, поступивших в парламент РК в сентябре 2016 года, направлен, прежде всего, на то, чтобы предоставить специальным органам, которые непосредственно занимаются вопросами противодействия экстремизму и терроризму, необходимые полномочия. Позитивная роль этих законопроектов заключается в том, что их нормы сосредоточены конкретно на предмете – борьбе с экстремизмом и терроризмом.

Также эти теракты в обществе затронули тему запретительных мер в отношении салафизма. Это в итоге привело к разделению общества. В этом вопросе были как сторонники, так и противники. Очевидно, что госорганы, взвесив все «за» и «против», все-таки приняли решение справиться с радикализмом и без запрета на салафизм. Поскольку правовая база для ограничения деятельности радикальных групп уже имеется, а именно – запрет на такфиризм. Во всем мусульманском мире в качестве основы экстремизма и терроризма называют именно такфиризм – радикальную идеологию, основой которой является обвинение мусульман в вероотступничестве. Так, в 2014 году в Казахстане запретили экстремистскую организацию «Ат-такфир ва-ль-хиджра», идеология которой является основой для наших доморожденных радикалов-террористов. Тогда же руководство АДР официально заявляло, что привлекать к ответственности будут не только за членство в этой организации, но и за простую пропаганду ее идей, даже, как говорится, без «партибилета» в кармане. Этой уже существующей правовой базы вполне достаточно, чтобы обезвредить лидеров экстремистских ячеек.

¹ Филимонов Э. Нетрадиционные культы тоталитарной направленности как фактор угрозы безопасности личности и общества // Религия, церковь в России и за рубежом. – 1995. – № 5. – С. 24-27.

Таким образом, когда основное внимание государства была сфокусировано на проблеме религиозного экстремизма, также правового и терминологического смешения понятия «экстремизм» и «терроризм» с рядом либеральных положений, другой не менее актуальной проблемой выдвинулась, на современном этапе, активизация деструктивной (по двум вышеуказанным аспектам угроз) деятельности нетрадиционных религиозных направлений и сект.

Эволюционное развитие сказалось и на органах контролирующей религиозный процесс и религиозную образовательную систему. Общеизвестно, что в основу строительства новой государственности заложены принципы невмешательства религии в политику и равноправия религиозных общин, запрета религиозных политических движений. Демократизация государственной системы сказалась и на отношении к религии. После обретения независимости был упразднен бывший надзирающий орган – Совет по делам религий при правительстве. В 1997 г. был расформирован Совет по связям с религиозными организациями при Администрации Президента Республики Казахстан. До 2000 г. в структуре власти не существовало какого-либо официального органа по «делам религий», вопросы координации связей с религиозными организациями были переданы в ведение Министерства информации и общественного согласия. С 6 мая 2000 г. был создан Секретариат Совета по связям с религиозными объединениями (постановление ПРК № 683). 27 июля того же года постановлением Правительства были утверждены Положение и Состав Совета, а организационно-аналитическое обеспечение деятельности Совета осуществляет Секретариат Совета, являющийся его рабочим органом и структурным подразделением Канцелярии Премьер-министра Республики Казахстан.

В положении Совета указывается, что Совет по связям с религиозными объединениями является консультативно-совещательным органом при Правительстве Республики Казахстан и решения Совета носят рекомендательный характер¹.

¹ Мухашов А. Государство и религия: особенности взаимоотношений // Религиозный экстремизм: истоки, реальность и социально-правовые превенции: сборник материалов научно-практической конференции 26-27 апреля 2001 года. Часть. 2. – Алматы: Академия КНБ РК, 2001. – С. 25-27.

Создание Комитета по делам религии Министерства юстиции Республики Казахстан продиктовано вниманием руководства страны к вопросам взаимодействия с религиозными объединениями. Комитет создан постановлением Правительства № 1319 от 30 декабря 2005 года.

На местах структурными подразделениями являются отделы по делам религий областных Департаментов юстиции, гг. Астаны и Алматы.

Комитет по делам религий Министерства юстиции Республики Казахстан является ведомством Министерства юстиции Республики Казахстан, осуществляющим в пределах своей компетенции реализационные и контрольные функции в сфере обеспечения прав граждан на свободу вероисповедания и взаимодействия с религиозными объединениями.

Основной задачей Комитета является обеспечение реализации прав граждан на свободу вероисповедания, укрепления взаимопонимания, терпимости между религиозными объединениями различных вероисповеданий, взаимодействия их с государством.

В пункт 10 закреплено, что Комитет в установленном законодательством порядке осуществляет:

1) функции, обеспечивающие реализацию государственной политики в сфере обеспечения прав граждан на свободу вероисповедания и взаимодействие с религиозными объединениями:

– изучение и анализ деятельности созданных на территории Республики религиозных объединений, духовных учебных заведений, миссионеров и малочисленных религиозных групп, не имеющих признаков юридического лица;

– государственная регистрация религиозных объединений, учетная регистрация филиалов и представительств религиозных объединений;

– направление информации о зарегистрированных религиозных объединениях и проведенной учетной регистрации филиалов и представительств религиозных объединений в Комитет регистрационной службы Министерства юстиции для ведения единого государственного регистра юридических лиц, реестра филиалов и представительств;

- координация деятельности местных исполнительных органов области (города республиканского значения, столицы) в сфере регулирования отношений с религиозными объединениями;
- осуществление информационно-пропагандистских мероприятий по вопросам, относящимся к его компетенции;
- проведение разъяснительной работы по вопросам государственной политики в области обеспечения прав граждан на свободу вероисповедания;
- рассмотрение вопросов, касающихся нарушений законодательства о свободе вероисповедания и религиозных объединениях;
- установление и поддержание международных связей с соответствующими организациями иностранных государств;
- представление официальных разъяснений по вопросам, относящимся к его компетенции.

2) функция по контролю за реализацией государственной политики:

- Контроль за соблюдением государственным органами, религиозными объединениями, иными юридическими и физическими лицами законодательства о свободе вероисповедания и религиозных объединениях.

В пункте 11 Комитет в установленном законодательством порядке имеет право:

- в пределах своей компетенции принимать нормативные правовые акты в сфере обеспечения прав граждан на свободу вероисповедания, взаимодействия государства с религиозными объединениями;
- вносить предложения по разработке и совершенствованию законодательства в области создания и деятельности религиозных объединений, а также обеспечения прав граждан на свободу вероисповедания;
- запрашивать и получать от государственных органов, иных организаций, их должностных лиц и граждан информацию и материалы, необходимые для осуществления своих полномочий;

- привлекать для осуществления экспертных работ и консультаций специалистов и экспертов государственных органов, организаций, в том числе зарубежных;
- взаимодействовать с правоохранительными и иными государственными органами по вопросам, отнесенным к его компетенции;
- осуществлять управление переданным ему имуществом.

Структура Комитета по делам религий состоит из руководства, Управления экспертизы и регистрации, Отдела анализа и информационно-пропагандистской работы, Отдела контроля деятельности религиозных объединений.

Так, в целях обеспечения научного подхода к анализу и прогнозированию религиозной ситуации в стране создан Научно-исследовательский и аналитический Центр по вопросам религии Министерства юстиции Республики Казахстан (постановление Правительства Республики Казахстан от 30 января 2007 г. № 72).

Постановлением Правительства от 30 января 2007 года № 70 утверждены разработанные Комитетом по делам религий Правила проведения религиозведческой экспертизы.

В регионах страны координацию взаимодействия всех территориальных структур осуществляет Советы по связям с религиозными объединениями, действующие при акиматах с начала 2001 года.

С учетом сложности религиозной ситуации в декабре 2006 года Президент Республики Казахстан поручил акимам областей г. Астана и Алматы рассмотреть возможность самим возглавить работу Советов и определить в качестве рабочего органа департаменты юстиции, в которых постановлением Правительства от 30 декабря 2005 г. № 1319 созданы территориальные структуры Комитета по делам религии – отделы по делам религий (всего 80 штатных единиц).

В настоящее время в пяти областях (Акмолинской, Актыубинской, Жамбылской, Мангистауской, Павлодарской) председателями Советов утверждены акимы.

В г. Астане и 11 областях (за исключением Акмолинской, Актыубинской, Южно-Казахстанской областей и города Алматы) функции по организационно-аналитическому обеспечению деятельности Советов при акиматах закреплены за департаментами юстиции.

Основные функции органов, осуществляющих государственную политику в сфере религиозных отношений, имеют по существу достаточно размытую основу, по сравнению с Комитетом по делам религий при Кабинете Министров Республики Узбекистан. Это регистрация, проведение социологических исследований, общие задачи по осуществлению государственной политики в области религии и межконфессиональных отношений, плохое взаимодействие звеньевых структур и прочие проблемы.

В сфере поддержания международного авторитета постоянно проводятся Съезды лидеров мировых и традиционных религий во Дворце мира и согласия. Также Президент объявил о намерении объявить 2010 год Международным годом сближения культур и религий.

На сегодняшний день вместо Комитета по делам религий при Министерстве культуры создано новая отдельная структура Агентство по делам религий, которое через некоторое время было вновь понижена до статуса Комитета по делам религий. Понижение АДР до уровня комитета было, по-моему, вполне логичным шагом. Агентство было создано в сложный для Казахстана период, после терактов 2011 года.

Кроме того, тогда перед новым ведомством стояли вполне конкретные задачи – принятие закона о религиозной деятельности и религиозных объединениях и перерегистрация религиозных объединений. И надо признать, оно с ними успешно справилось, несмотря на многие пессимистические прогнозы. Однако на этом предмет деятельности АДР был исчерпан, оно начало вторгаться в сферу, которая не относилась непосредственно к его компетенции. Например, противодействие экстремизму и терроризму, которое всегда было и, очевидно, будет прерогативой Комитета национальной безопасности и отчасти Духовного управления мусульман Казахстана.

После терактов в Актобе в 2016 года вместо Комитета по делам религий было создано Министерство по делам религий и гражданского общества. В ведении нового министерства, помимо сферы религии, остается чрезвычайно широкий круг вопросов. Во-первых, молодежная политика, то есть фактически вся идеология. Во-вторых, взаимодействие государства с гражданским обществом, что не менее важно. В этой связи собст-

венно Комитету по делам религий в составе нового министерства, учитывая старые ошибки, целесообразнее всего было бы сосредоточиться на практических вопросах взаимодействия государственных органов с религиозными объединениями, то есть на своей основной функции.

На современном этапе комплекс предпринятых мер свидетельствует о завершении реабилитационного этапа и начале нового периода – «государственного» ислама, отличительные черты которого государственный протекционизм, регламентация властями религиозных отношений в стране (сюда входит и непримиримое отношение к исламскому радикализму). Но то, какие формы приобретет этот процесс, – дело будущего. Мы всегда должны помнить, что религиозная сфера является тонкой и деликатной в этой связи необходимы точечные удары по основным провоцирующим факторам.

История формирования и роль ДУМК в духовной жизни Казахстана. Известно, что до распада СССР на постсоветском пространстве действовало четыре мусульманских централизованных структуры: САДУМ (Среднеазиатское духовное управление мусульман); ДУМЗАК (Духовное управление мусульман Закавказья); ДУМСК (Духовное управление мусульман Северного Кавказа); ДУМЕС (Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири).

Самым влиятельным и авторитетным из муфтиятов считалось САДУМ. После обретения независимости из структуры САДУМ отделилось Духовное управление мусульман Казахстана. Так, 12 января 1990 г. был созван первый Курултай мусульман Казахстана, впервые было образовано ДУМК, первым муфтием был избран Ратбек-кажи Нысанбайулы. ДУМК сразу же активно стал вести работу по телевидению, печатать специальные материалы в журналах «Ислам элеме» и «Шапагат-Нур». Как указывалось в программах духовных организаций, для религиозной пропаганды необходимо избрать новое и понятное для всех верующих направление с тем, чтобы оно соответствовало уровню развития общества и происходящим в стране и мире переменам¹.

¹ Информация // Новое поколение. – 23.06.2000.

Создание ДУМК совпало по времени с началом широкой волны религиозного ренессанса, началом массового строительства новых мечетей. С этого времени началось возвращение верующим мечетей, их восстановление и строительство новых. Прошла широкая волна религиозного ренессанса: открытие исламских духовных школ, создание сети исламского образования, в том числе высшее учебное заведение Исламский институт с двухгодичным обучением в г. Алматы, распределение имамов в мечети страны, при ряде мечетей создаются курсы по подготовке низшего звена духовенства, религиозным просветительством занимаются в кружках и воскресных школах. Как правило, в них обучают арабской письменности и основам ислама. В этот период среднее духовное образование можно было получить в медресе, открытых в поселке Мерке, селе Луговом, в Таразе, Чимкенте, Алматы, высшее образование – в Исламском университете в Алматы. Кроме того, студенты направляются на учебу в зарубежные страны. Так, в 1996 г. 80 человек учились в известном исламском университете «ал-Азхар» в Египте, 100 студентов – в Турции, 20 – в Пакистане¹.

Однако создание организационных структур ДУМК проходило в условиях ряда негативных факторов:

- 1) нехватки национальных кадров;
- 2) отсутствия своего религиозно-образовательного учреждения;
- 3) неопределенности духовных приоритетов;
- 4) ограниченности властных полномочий, даже в определении что есть «традиционное и нетрадиционное».

Учитывая эти моменты, в начале 1990-х гг. незарегистрированная политическая группа «Алаш» пыталась придать себе имидж «исламской партии», но эта попытка явилась бесперспективной в силу разных причин. Эта партия неудачно попыталось в союзе с имамами южных регионов Казахстана свергнуть муфтия Р. Нысанбаева. В целом же, суть идеологии этой группы молодых интеллектуалов отражала настроения национально-ради-

¹ Информация о деятельности Духовного управления, количестве мечетей, мусульманских священнослужителях и т.д. из интервью муфтия Ратбека Нысанбай-улы журналу «Ислам әлемі» // Ислам әлемі. – № 1. – 1996. – С. 2-3.

кально ориентированной части казахского общества того времени. В основе идеологии партии лежало двойственное противоречие. Фактически, в области политического устройства «Алаш» предлагала светскую модель государства, в основе которой лежали не принципы исламского права (в противовес их действиям придать себе имидж «исламской партии»), а демократические нормы европейского образца. В то же время она обращалась и к исламскому наследию, являющееся одним из пластов национальной культуры. После известных событий в Центральной мечети уже к 1993 г. эта группа распалась, а положение Р. Нысанбаева после этих событий укрепилось, он смог путем интриг отодвинуть оппозицию.

Позже деятельность Р. Нысанбаева не отличалась какими-то сбалансированным и продуманными действиями, наоборот, его политика с 1993 по 1998 гг. отличалась даже, можно сказать, безразличием к происходящим процессам. В итоге, за указанный период появилось много различных мусульманских объединений разной направленности.

В создавшихся условиях одной из мер по усилению традиционных религий и соответственно через ДУМК усилению контрольно-надзорных функций государства является избрание 25 мая 2000 г. Председателем ДУМК Абсаттар-кажи Дербисалиева. Академик Академии наук высшей школы Казахстана, доктор филологических наук, профессор, ученый-востоковед, дипломат.

На IV-V конференциях Евразийской Исламской Шуры, состоявшихся, соответственно, в июле 2000 года в Сараево и в апреле 2002 года на Кипре, А. Дербисали был избран первым заместителем председателя этой организации.

Абсаттар-кажи Дербисалиева на первоначальном этапе деятельности обвинили в том, что он придерживается в своей политике классического ислама по образцу арабских стран, в частности, он заявлял, что мавзолей Ахмета Йасави – мечеть. Строительство мавзолеев, *мазаров* знаменитым людям, с точки зрения классического, «арабского» ислама, является ересью. Поклонение могилам святых – это идолопоклонство. Не соответствует нормам «классического» ислама и объявленный государственным праздник Наурыз (подробнее см. «Возможна ли в

Казахстане «исламская революция?»...»). Таким образом, ДУМК на первоначальном этапе фактически, выступил с инициативой реформирования «казахской» версии ислама. Но многие ученые и общественные деятели (в основном, представители различных нетрадиционных религиозных конфессий) выступили против политики ДУМК на страницах периодической печати. В частности, они писали, что данная политика своей основой направлена против суфизма имеющего свои корни в этом регионе¹.

В начале июля 2007 г. состоялась встреча Президента Казахстана Н.А. Назарбаева с муфтием, имамами и представителями исламской общины различных регионов республики в мечети «Нур-Астана». На встрече лидеру страны были представлены все духовные служители. Общей темой встречи было обсуждение религиозного положения в стране. Президент отметил, что отныне всем акимам будет дано указание об обязательном подчинении всех мечетей ДУМК, будут внесены изменения в закон о религиях, где строже будут относиться к регистрации сект и течений нетрадиционных религий. Он также выразил свое доверие к ДУМК, и призвал общину и дальше поддерживать муфтия².

В плане осуществления международных связей, муфтиятом систематически проводятся встречи с зарубежными служителями культа, дипломатическими представителями иностранных государств. Например в 2000 – 2003 гг. муфтий встречался с послами Саудовской Аравии, Турции, США, Германии, Ватикана и других стран. В Каире беседовал с муфтиями Кении, Таиланда, Татарстана, Марокко, Катара, Узбекистана. В декабре 2006 г. религиозно-культурный центр Посольства Турции в Казахстане безвозмездно передал имаму центральной мечети Усть-Каменогорска Кондыбай-кажы Серикбайулы более 2000 книг

¹ Артемьев А. О сущности понятий «фундаментализм», «религиозный экстремизм» и «политический ислам»: общее и особенное // Религиозный экстремизм: истоки, реальность и социально-правовые превенции. Сборник материалов научно-практической конференции 26-27 апреля 2001 года. Часть 2. – Алматы: Академия КНБ, 2001. – С. 73-476.; Абдулин Б. К вопросу об исламе в Казахстане // Континент. – № 23 (36), – 29 ноября-12 декабря 2000. – С. 18-20; Артемьев А. И. Тайбектеги Н. Откуда родом вахабизм? Современные течения в исламе и религиозный экстремизм // Мысль. – 2000. – № 8-9. – С. 28-33.

² Информация // Ислам және өркениет. – № 1. – 2007. – 1-15 қаңтар.

на религиозную тему: о жизни пророка, о Коране, о грехах, о вреде алкоголя и т.д.¹.

Изданы множество фетв по деструктивной деятельности различных исламских направлений: псевдосуфийских *тарикатов*, «Хизб ат-тахрир», Ахмадие, учение Баха'и, Такфир и пр.².

Абсаттар-кажи Дербисалиев за свой период прибывания в должности муфтия страны был награжден множествами орденами и медалями: Орден «Парасат» (2004), Орден «Барыс» 2 степени (2009), Юбилейная медаль «10 лет независимости Республики Казахстан» (2001), Юбилейная медаль «10 лет Конституции Республики Казахстан» (2005), Орден «Наука и искусство» I степени (Египет, 2002. За заслуги в основании школы арабистики в Казахстане, за фундаментальные труды в области арабской филологии и исламских наук), Орден «Аль-Фахр» I степени (Совет муфтиев России, 2007).

Третьим Верховным муфтием Казахстана в 2013 году на внеочередном VII Курлытае казахстанских мусульман был единогласно избран Ержан Маямеров. Ержан Маямеров окончил факультет шариата и права в престижнейшем всемирном университете аль-Азхар в Египте.

Смена руководителя ДУМК в сложный для страны период означает, по сути, усиление внимания власти к вопросам идеологии и борьбы с религиозным экстремизмом. Этому свидетельствует личная встреча президента Назарбаева с Маямеровым.

В 2011 году начал свою работу фонд «Закят» (каз. *Зекет*) для сбора закята и средств благотворителей для помощи нуждающимся³. За два года деятельности в фонд поступило 52 682 143 тенге, которые были пожертвованы предпринимателями и частными лицами. Средства из фонда «Закят», помимо основных целей, тратятся на заработную плату имамов сельских мечетей, коммунальные услуги и ремонт мечетей. С 1 января 2013 года 144 имамам выплачивается зарплата в размере 20 тыс. тенге.

¹ Кітаптар тегін таратылды // Ислам және өркениет. – № 24. – 2006. – 16-31 желтоқсан.

² Қазақстан мұсылмандар діни басқармасының 2000 жылдан бастап шыққан патуалардың бір бөлігі. – Алматы: Көкжиек-Б, 2008. – С. 187- 247.

³ В Казахстане введен новый исламский финансовый инструмент Закят фонд. Подробнее: <https://tengrinews.kz/markets/kazahstane-vveden-novyyiy-islamskiy-finansovyyiy-instrument-189198/>

19 июня 2012 года ДУМК было перерегистрировано как «Республиканское религиозное объединение Духовное управление мусульман Казахстана».

В 2015 году ДУМК разработал и принял «Платформу мусульман Казахстана». Это платформа на сегодняшний день является руководством ДУМК и определяет основные религиозные убеждения мусульман, необходимый объем знаний в религиозных вопросах и отношении к светскому обществу, законодательству государства и установленному порядку в обществе, получению образования, медицинской помощи, защите Родины, окружающей среде, труду и уважению семейных ценностей, традиций и особенностей народов, проживающих на территории нашей страны.

Также в 2015 году Духовное управление мусульман Казахстана (ДУМК) разработало концепцию развития религиозного образования до 2020 года. «Концепция является основным стратегическим документом, определяющим вектор дальнейшего развития и совершенствования системы религиозного образования в стране», – сообщил на брифинге заместитель председателя ДУМК Серикбай хаджи Ораз.

По его словам, целью данного документа является совершенствование системы религиозного образования, наряду со светским образованием преподавание религиозных предметов с использованием понятий национальных ценностей, обеспечение полного, качественного, конкурентоспособного религиозного обучения населения, ограждение молодежи от идей религиозного экстремизма и радикальных течений. Он сообщил: «В настоящее время уже 3 из 10 казахстанских медресе получили статус колледжей. В их учебную программу внесены изменения и дополнения. Теперь помимо основных религиозных предметов, включены еще и светские предметы в соответствии с современными требованиями. Таким образом, студент, окончивший медресе-колледж, будет получать диплом государственного стандарта, с которым в дальнейшем он сможет работать в госучреждениях, а не так как раньше, когда они получали лицензию имама и могли работать только в системе ДУМК. Это большое достижение, хорошая возможность для будущих религиозных работников».

Концепция принята в рамках республиканской научно-практической конференции «Целостность религиозного образования – гарант религиозной стабильности».

Резюмируя деятельность ДУМК, можно сказать, что ДУМ Казахстана в отличие от Духовных управлений в других стран Центральной Азии занимает более устойчивое положение, тогда как в других странах Центральной Азии реформы Духовного управления, в основном, были связаны с политическими интригами, связанными с уходом с политической сцены неугодного муфтия страны. Такова сложная, неоднозначная история Казията мусульман Таджикистана, существовавшего в период независимости страны в 1991 – 1993 гг. и ликвидированного вследствие участия его главы Ходжа Акбар Тураджонзода в политических процессах. Потом духовное управление функционировало в качестве «Исламского центра», а потом стало функционировать уже как «Муфтият Таджикистана». В 1996 г. серьезную реформу пережил ДУМ Мавараннахра, сменившее название на Управление мусульман Узбекистана. Во главе узбекского УМУ, по счастливому стечению обстоятельств, оказались более чем лояльные к официальной власти муфтии: сначала Мухтарджанхаджи Абдуллаев, затем – Абдурашид-кари Бахромов. Аналогичная фигура возглавила ДУМ Таджикистана – муфтий Хаджи Амонулло Негматзода. Даже в относительно либеральной Киргизии победила точка зрения государства – сначала местный ДУМ также реорганизовали (июнь 1999 г.), а вскоре был отправлен на покой заподозренный в инакомыслии муфтий Садыкжан Камалов, ему на смену пришел гораздо более управляемый Кимсанбай-ажи Абдурахманов. Такие действия приводили во всех странах Центральной Азии к формированию аморфных Духовных управлений, которые были оторваны от народа, являясь марионеткой в руках государства. Может быть, в переходный период это отчасти правильная политика, однако она, вследствие пассивности Духовных управлений, привела к росту авторитета лидеров других нетрадиционных религиозных структур.

Но в то же время, не смотря на эту устойчивость, ДУМК все еще не располагает среди верующих должным авторитетом, издаваемые им *фетвы* не воспринимаются всеми верующими, в сфере контрпропагандистской деятельности оно в некоторых

местах уступает нетрадиционным исламистским направлениям. Все эти моменты требуют определенного пересмотра функций и задач ДУМК, усиления кадрового аппарата путем включения неформальных религиозных авторитетов в структуру ДУМК, создания и расширения функций Совета *улемов*, усиления дополнительных функций ДУМК на местах и пр.

Казахстан, как известно из страниц истории, во все времена являлся как бы религиозной «провинцией» в силу удаленности от центра традиционного распространения ислама и тем, что не имел своего религиозно-образовательного центра.

Открытые религиозно-образовательные центры (Казахско-Кувейтский и Казахско-Арабский университеты в г. Шымкенте, Университет «Руханият», колледж «Тейба», Египетский университет исламской культуры «Нур-Мубарак» и др.) спонсировались из-за рубежа и были в своей основе этноориентированными. В результате внешнего влияния характер внутреннего многообразия, как ДУМК, так и всего религиозного пространства стал закономерным явлением.

Позже после 2005 года Казахско-Кувейтский и Казахско-Арабский университеты в г. Шымкенте, Университет «Руханият», колледж «Тейба» были закрыты.

В настоящее время в республике функционируют 19 духовных учебных заведений, из них – 8 высших, 6 – средне-специальных и 3 общеобразовательных духовных учебных заведения, в которых обучаются свыше 1 тысячи человек. Из 8 высших заведений 2 исламских (Египетский университет исламской культуры «Нур-Мубарак» и Институт повышения квалификации имамов) в г. Алматы, 1 католическое (Высшая духовная семинария «Мария – мать церкви») в г. Караганде, 1 лютеранское (Духовная семинария Евангелическо-лютеранской церкви Казахстана) в г. Астане и 4 – протестантских. Кроме того, практически при всех крупных мечетях, православных, католических и протестантских церквях действуют курсы и «воскресные школы» по изучению основ Корана, Библии.

Также функционируют 3 частных школы при религиозных объединениях (христианского толка), 7 светских высших учебных заведений в разрезе специальности «Религиоведение» по шифру 021800.

В структуре ДУМК функционируют 10 недавно открытых медресе по подготовке имам-хатибов: г. Астана при мечети «Нур-Астана», с. Уш-Коньыр (Шамалган) Алматинской области при Областной мечети, в г. Шымкенте. В дальнейшем в целях повышения квалификации служителей мечетей планируется направлять их в религиозные учебные заведения Египта, Турции и России. В Уральске в 2006 г. проведен семинар для имамов мечетей, в котором в течение 4 недель повысили свои знания 37 имамов и мулл, они также были бесплатно обеспечены религиозной литературой¹.

Особо сильное развитие получило религиозное образование за рубежом. Так, в 1996 г. 80 человек учились в известном исламском университете «ал-Азхар» в Египте, 100 студентов – в Турции, 25 студентов – в Пакистане². Также многие граждане неофициально проходят обучение в странах Арабского Востока, например, в Медине (Королевство Саудовская Аравия), в Исламском Университете. Другим крупным событием стало то, что в 1992 г. премьер-министр Турции выдвинул инициативу, учредив 10000 стипендий для студентов братских тюркоязычных стран. В рамках реализации этой инициативы две тысячи молодых казахстанцев были направлены на учебу в Турцию³. К тому уже именно в этот период начинают открываться религиозные образовательные учреждения в Казахстане при финансовой помощи из-за рубежа.

Государство в 2000 г. старался ужесточить государственный контроль процесса обучения казахстанцев в духовных учреждениях за рубежом. Президент Н.А. Назарбаев распорядился вернуть на родину молодых людей, которые попали за рубеж не по государственным каналам, а за счет частных фирм или по собственной инициативе⁴.

¹ Ауыл молдалары білімін көтерді // Ислам және өркениет. – №24. – 2006. – 16-31 желтоқсан.

² Информация о деятельности Духовного управления, количестве мечетей, мусульманских священнослужителях и т.д. из интервью муфтия Ратбека Нысанбай-улы журналу «Ислам әлемі» // Ислам әлемі. – № 1. – 1996. – С. 2-3.

³ Иралиев С. Международное сотрудничество в области образования как канал проникновения религиозного экстремизма в Республику Казахстан // Религиозный экстремизм: истоки, реальность и социально-правовые превенции: сборник материалов научно-практической конференции 26-27 апреля 2001 года. Часть 2. – Алматы: Академия КНБ, 2001. – С. 41-44.

⁴ Ислам должен возвышать человека // Казахстанская правда. – 25.11.2000.

В 2000 г. официальный представитель Министерства образования объявил, что Министерство иностранных дел «отзовет» всех казахстанских студентов, обучающихся в религиозных образовательных учреждениях за пределами страны. По мнению некоторых наблюдателей, этот шаг властей был направлен, прежде всего, на недопущение прививания радикальных убеждений молодым мусульманам, получающим образование за границей, агрессивным настроенным мусульманским духовенством. Вице-премьер И.Н. Тасмаганбетов по этому поводу выразил свою обеспокоенность на страницах официальной центральной газеты¹. Постановлением Правительства Республики Казахстан от 20 февраля 2001 г. № 259 «О некоторых вопросах международного сотрудничества в области образования» была образована соответствующая Межведомственная комиссия, которая наделена полномочиями принимать решения по спорным вопросам обучения граждан Республики Казахстан за рубежом и иностранных граждан в учебных заведениях Республики Казахстан.

В этих целях государством предпринималась попытка собственными усилиями создать свой образовательный центр. Так, 31 августа 2000 г. был ратифицирован Договор, заключенный в г. Астане между Республикой Таджикистан, Кыргызской Республикой, Республикой Казахстан и Имаматом исма‘илитов по созданию собственного Университета Центральной Азии. Но это событие ждет еще своего полноценного анализа и изучения.

Данная проблема со всей актуальностью поднимает другую взаимосвязанную проблему, выражающуюся в нехватке местных религиозных кадров, специалистов, имеющих теологическое образование (так, в Жамбылской области 78% имамов имеют только среднее образование) и религиоведов. С целью решения этой проблемы необходимо создавать свое образовательное учреждение, систему конфессионального образования, которые бы стали проводниками национальных духовных интересов и ценностей (как учебное заведение «ал-Азхар» в Египте для Египта и др.), придерживаясь одного направления или учения ислама.

¹ Религиозная свобода – не анархия // Казахстанская правда. – 21.07.1995.

Таким образом, в религиозной сфере за этот период большую роль играло внешнее влияние, где можно выделить два весомых фактора:

1) активная неофициальная религиозно-пропагандистская деятельность различных исламских объединений и направлений, развитие сети нелегального образования;

2) неурегулированная деятельность иностранных и совместных (казахстанско-иностранных) учебных заведений на территории Казахстана, выражающаяся в несоблюдении общеобязательных государственных стандартов образования и включении в учебные планы и программы дисциплин религиозного «своего» толка¹.

Параллельные неформальные религиозные структуры и их авторы: вызовы и перспективы. Обретение независимости странами Центрально-Азиатского региона открыло новые возможности для проникновения религиозных идей и направлений в различные сферы общественно-политической жизни.

На сегодняшний день на конфессиональном пространстве Казахстана определились три конкретных субъекта:

- государственные органы, осуществляющие религиозную политику Казахстана, в том числе Комитет по делам религий, Совет Безопасности, отдельные министерства и ведомства;
- формальные исламские структуры – ДУМК, религиозные общины, движения и объединения;
- неформальные исламские организации и их лидеры.

Цели и задачи указанных субъектов различны и зачастую диаметрально противоположны.

Неофициальные исламские структуры ассоциируются с различного рода мусульманскими и квази-мусульманскими организациями и группами, неподконтрольными ДУМК, и действующими, чаще всего, на нелегальной основе (например, религиозная партия «Хизб-ут-Тахрир», «Союз мусульман Казахстана», движение «коранитов» и ряд суфийских подпольных сект). Ис-

¹ Иралиев С. Международное сотрудничество в области образования как канал проникновения религиозного экстремизма в Республику Казахстан // Религиозный экстремизм: истоки, реальность и социально-правовые превенции: сборник материалов научно-практической конференции 26-27 апреля 2001 года. Часть. 2. – Алматы: Академия КНБ, 2001. – С. 41.

лам как средство радикальных социально-политических и экономических преобразований, конструирования государственных и общественных основ представляет собой ряд фундаментальных целеполагающих принципов радикальных неформальных исламистских структур.

Неформальные исламские структуры и авторитеты можно разделить на конформистов и радикалов. Такую же классификацию предложил исследователь И. Коном, который предусматривает оценку неформальных объединений как конструктивных и деструктивных.

Неформалы и конформисты готовы идти на сотрудничество с официальными структурами, в то время как авторитеты радикалов, одержимые идеями фундаментализма, псевдосуфизма, других деструктивных учений, являются противниками светскости государства, социальных, этнокультурных устоев общества.

Между формальными и неформальными исламскими структурами на сегодняшний день отсутствует какое-либо взаимодействие, они находятся на позициях взаимного антагонизма.

Множество неформальных исламских структур и авторитетов обладают большими финансовыми возможностями, создают параллельные институты официальным структурам.

В определении термина «неформальный» В. Прибыловский, один из содиректоров известного московского экспертного агентства «Панорама», считает неформальными такие объединения и движения, которые либо принципиально избегают официального статуса, либо не имеют возможности его получить ввиду специфики своей деятельности.

При сравнительных исследованиях официальных институтов и структур основное внимание уделяется формальным правилам их функционирования. Однако во многих случаях неформальные институты оказывают значительно большее влияние на поведение индивидуумов. Исследователи, не принимающие во внимание неформальные правила игры, рискуют упустить многие важные побудительные мотивы определяющие социально-политическое поведение.

Так или иначе, неформальные структуры влияют на работу формальных институтов существенным и порой неожиданным образом.

Наше общественное мнение определяет «неформальные институты» как принятые в обществе, обычно неписанные правила, насаждаемые вне официально санкционированных каналов. При этом специфика исламской религии имеет свои уникальные особенности.

Так, важной методологической проблемой ислама является то, что при отсутствии официального духовенства формально каждый мусульманин, обладающий высокими знаниями, может стать улемом, и это вертикальная социальная мобильность способствует к формированию неформальных религиозных авторитетов. Известный британский исламовед Бернард Льюис констатирует: «В классическом исламе не было института священнослужителей».

Так, «при Аббасидах усилилось ощущение греховности власти, и в общине нарастало нежелание сотрудничать с администрацией»,¹ что способствовало к выдвижению неформальных религиозных авторитетов, становившихся лидерами религиозных направлений, религиозно-юридических школ. «Под предводительством самого Ибн Ханбала, великого и бескомпромиссного знатока хадисов, юристы смогли противостоять правящему режиму, отстаивать свою независимость и раз и навсегда установить свою монополию на изложение законов. ... То, что подпадало под действие какого-либо мусульманского закона, на вечные времена становилось нормальным положением вещей»².

Политический авторитет «Халифата» (как мусульманского государства) обосновывался сохранением определенного баланса и союза между духовенством и политической властью халифа, но при сохранении автономного положения каждого из них³. Таким образом, любой мусульманин, обладающий способностями и знанием, в условиях отсутствия официального духовенства, мог выдвинуться в лидеры и авторитеты общины, высказывать свою точку зрения по тем или иным вопросам ислама.

¹ Грюнебаум Густав Эдмунд фон. Классический ислам. Очерки истории (600-1258)/ пер. с англ. яз. И.М. Дижур; предисловие В.В. Наумкина. – М.: Наука. 1988. – С. 78.

² Бернард Дж. Вайсс. Дух мусульманского права (усул ал-фикх): пер. с английского/ ответ. за выпуск И.С. Раимов. – Москва, Санкт-Петербург: «Диля», 2008. – С. 32.

³ Esposito, John. L. Islam and Politics. 2d ed., rev. Syracuse: – Syracuse University Press. 1987. –P. 16-18.

Чтобы понять дальнейшую специфику ислама, нужно обратиться к изучению ислама в советский период, обозначить особенности существования неформальных признанных обществом духовных авторитетов.

Как пишет Саодат Олимова, «традиция преемственности никогда не прерывалась. Начиная с кокандских *мулл*, нашедших убежище в Восточной Бухаре в 20 – 30-е г. 20-го века, через *ишанов* и *ходжей*, поддерживавших опальных исламских интеллектуалов в 50 – 60-е г., исламская богословско-правовая мировоззренческая мысль продолжала развиваться в различных формах, в том числе и в виде реформаторства». В 20 – 30-е годы особым распространением пользовался духовный авторитет, продолжатель традиций школы «ахл ал-хадис», Шами-дамулла. «В 60 – 70-е гг. произошел раскол ислама, который стал источником появления генерации новых исламских интеллектуалов и духовных авторитетов различных направлений. Именно они впоследствии сформировали исламские политические организации, такие как Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ), «Адолат» («Справедливость») и другие»¹.

Один из лидеров ПИВТ М. Химматзода утверждает, что Мухаммаджан Хиндустани и Казий Абдурашид «прямо или косвенно являются учителями всех неформальных улемов и религиозных ученых сегодняшнего Таджикистана и Узбекистана»². Мухаммаджан Хиндустани «за период преподавательской практики в течение 50 – 60 годов XX в. подготовил свыше 200 высококвалифицированных учеников»³, ставших основателями различных исламских направлений в Центральной Азии,

¹ Олимова С. Духовные лидеры в современном мусульманском обществе Центральной Азии. Опыт Таджикистана // Мусульманские лидеры: социальная роль и авторитет. – Душанбе: Научно-исследовательский центр «Шарк» и Фонд им. Фридриха Эберта, 2003. – С. 22-25.

² Химматзода М. Роль просветителей Средней Азии в духовном пробуждении народов региона // Мусульманские лидеры: социальная роль и авторитет. – Душанбе: Научно-исследовательский центр «Шарк» и Фонд им. Фридриха Эберта, 2003. – С. 37-39.; также. Бабаджанов Б.М., Муминов А.К., Олкотт М.Б. Мухаммаджан Хиндустани (1892-1989) и религиозная среда его эпохи (предварительные размышления о формировании «советского ислама» в Средней Азии) // Восток. – № 5. – 2004. – С. 43-59.

³ Олимов М., Шохуморов С. Мухаммаджан Хиндустани: жизнь и деятельность // Мусульманские лидеры: социальная роль и авторитет. – Душанбе: Научно-исследовательский центр «Шарк» и Фонд им. Фридриха Эберта, 2003. – С. 99-107.

таких как Муджаддидийа, Акромийа, руководителями ПИВТ, ИДУ и пр., заложив основу для исламского политического движения в Центральной Азии.

Периода независимости, как пишет исследователь Д. Файзуллаев, «стал временем кардинальной трансформации.... Произошло объединение наиболее активных и амбициозных противников власти вокруг ислама (1993 – 1997 гг.). В 1998 г. исламская оппозиция перешла к широкой агитации и пропаганде радикальных исламских идей.... Середина 90-х гг. ознаменовалась появлением в Центральной Азии радикальных исламских организаций и лидеров «второй волны». Это были организации совершенно иного типа, отличавшиеся от объединений начала 1990-х гг., прежде всего, своим международным статусом, а также полным отсутствием демократических идей и целей не только в их программах, но даже в пропаганде. Эти организации четко ориентированы на создание исламского халифата. Наиболее активно в Центрально-Азиатском регионе себя проявляют такие радикальные группировки, как «Хизбут-Тахрир» и «Исламское движение Узбекистана»¹.

Появлению неформалов способствовали, как мы видим, несколько факторов:

1) существование еще в советский период нелегальных хужр, где воспитывались и проходили обучение ряд неформальных мусульманских богословов;

2) проникновение религиозных направлений и эмиссаров зарубежных исламистских структур в Казахстан, которые готовили на местах новых неформальных исламских авторитетов;

3) студенты после окончания теологического образования за рубежом по их возвращению на родину также пополнили ряды неформальных исламских богословов.

В Казахстане можно выделить три этапа формирования и развития неформальных исламских авторитетов.

Первый этап связан с приходом в Казахстан миссионеров из стран мусульманского Востока и их активная проповедническая деятельность. На нелегальных занятиях они давали основы ислама.

¹ Файзуллаев Д. Радикализация ислама в постсоветской Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. – 2009. – №4 (202).

Второй этап приходится на период возвращения студентов из стран мусульманского Востока и их активная проповедническая деятельность в Казахстане.

Третий этап – создание в регионах Казахстана новых нетрадиционных исламистских структур и их активная проповедническая деятельность, которая привела к формированию вокруг этих структур неформальных религиозных авторитетов, выражающих интересы этих групп.

По степени значимости можно выделить две категории неформальных религиозных авторитетов:

а) неформалы, которые действуют и имеют известность на микроуровне в рамках региональных религиозных групп;

б) возникновение второй категории характеризуется активным использованием медиа-ресурсов неформальными религиозными авторитетами и последователями этих религиозных групп и организаций – период информационного религиозного противостояния. На этом этапе обозначились новые неформальные религиозные авторитеты, которые, используя СМИ, проводят активную проповедническую религиозную деятельность.

В своей массе мусульманские неформалы Казахстана неоднородны. Так, в Южном Казахстане, как писали ученые, «одновременно присутствуют, по меньшей мере, пять групп исламских лидеров: одна из них тяготеет к бывшему муфтию, другая – большая по объему – к настоящему. Имеется также группа имамов, обладающая значительной автономностью, а то и независимостью от ДУМК: часть ее все еще ориентирована на бывшего Верховного муфтия Ратбека кажы Нысанбайулы (представители этого блока считают, что у Нысанбайулы были недостатки, но при нем не было такой корпорации в ДУМК, как сейчас; кроме того, они обвиняют Дербисали в «огосударствлении» ислама). Другая часть оппозиции не признает ни прежнего муфтия, ни нынешнего. Еще одна оппозиционная ДУМК группа состоит из независимых имамов, которые наряду с отправлением культа занимаются бизнесом, и сами содержат свои мечети, не желая платить 30% от пожертвований на содержание ДУМК»¹.

¹ Курганская В.Д., Косиченко А.Г. Ислам и исламские лидеры в южном Казахстане. Научно-исследовательский отчет. – Алматы, 2005. – С. 17-18.

Российский исследователь А.В. Малашенко выделяет в анализе мусульманской общины России четыре внутренних фактора – региональные и этнические противоречия внутри мусульман, раскол внутри духовенства, противоречия между мусульманскими организациями и их некоторыми лидерами¹.

Таким образом, деятельность неформальных религиозных авторитетов и структур создает ситуацию, при которой в условиях слабого традиционного духовенства они становятся существенной силой, влияющей на религиозные и социально-политические процессы в стране.

Опираясь на результаты проведенного исследования, можно выстроить такую хронологическую последовательность, выделяя при этом четыре отличительных этапа, качественно отличающихся друг от друга по своему содержанию:

1-й этап (1989 – 1993 гг. – фаза подъема). Этот этап непосредственно связан с получением независимости и резким всплеском этнического и конфессионального самосознания. Особенностью этого этапа стало образование ДУМК и противостояние различных религиозных группировок. Этот этап показал как этнические, так и региональные особенности ислама в Казахстане. Завершается он победой муфтия Р. Нысанбаева и эффектом влияния начала гражданской войны в Таджикистане (середина 1992 г.).

Отличительной особенностью этого этапа является то, что начинают восстанавливаться мечети, создаются мусульманские учреждения, у части населения растет интерес к исламу в его фундаменталистской форме. Но самой главной отличительной чертой стало усиление влияния внешнего фактора. Именно в этот период в среде мусульман начинают обнаруживаться определенные признаки разногласия в вопросах соблюдения ритуала (в частности, правила чтения намаза), в понимании некоторых теологических вопросов, в подаче исламского образования, например, различных по своим установкам формам обучения.

2-й этап (1993 – 1997 гг.) в развитии «исламского фактора» в Казахстане и на всем постсоветском пространстве можно

¹ Малашенко А. Исламское возрождение в современной России. – М.: Московский Центр Карнеги, 1998. – С. 208-209.

условно охарактеризовать как «инерционную» фазу. В этот период наблюдается наплыв различных исламских учений из мусульманских стран, расширение и укрепление связей с зарубежными исламскими центрами, идет постепенная кристаллизация системы мусульманского образования, к концу этого этапа появление новой прослойки исламского духовенства, все большая консолидация вокруг мечетей устойчивых мусульманских общин.

Важной особенностью этого этапа стало, пока в неофициальной форме, определенное разделение мусульман. Так, одни стали придерживаться традиционной формы ислама, другие – протурецкой линии, третьи – просуфийского ислама, четвертые – фундаменталистско-арабской линии и т.д. Многие люди не были готовы к адекватному восприятию исламского вероучения в его нормативной форме. Такое положение можно было обусловить более чем полувековым отстранением людей от религии.

Возникший после независимости религиозно-политический «вакуум» под влиянием внутренних и внешних факторов стал постепенно заполняться разного рода исламскими учениями. Например, по-прежнему острую нехватку подготовленных кадров испытывало духовное управление, их место заполняли люди, придерживающиеся различных направлений ислама. Это отразилось на развитии фактора многообразия ислама в Казахстане. В сфере мусульманского образования особенно сильно усилилось турецкое влияние.

3-й этап (1997 – 2000 гг.) характеризовался новой религиозной активностью мусульман в регионе. Появление различных фундаменталистских, суфийских движений и течений, например, пакистанское движение «Таблиги джама‘ат» и др.

4-й этап (2000 – 2008 гг.). Если до этого этапа государство пыталось, официально придерживаясь политики невмешательства в религиозную сферу, регулировать этот процесс принятием разного рода законов, в основном, осуждением антиконституционных действий тех или иных религиозных объединений, то четвертый этап характеризовался тем, что в сфере религиозных отношений усиливаются контрольно-надзорные функции государственных органов. Но говорить о том, что госу-

дарство, как в правовом отношении, так и в плане контрольных мер, через государственные органы управления смогло совершенствовать механизм регулирования религиозных отношений, то это не совсем верно. Существует масса пробелов, как в правовом аспекте, так и в сфере государственного управления религиозными отношениями. На современном этапе, наоборот, наблюдается факт еще большего усложнения ситуации в религиозной сфере.

5-й этап (2011) начался серий диверсионных актов в г. Актюбе, перестрелки п. Кенкияке, побега заключенных из исправительной колонии г. Балхаш. Но страх террористической угрозы, роста экстремистских настроений и актов насилия, после этих событий, вызывает жесткую ответную реакцию со стороны властей. Но далеко не всегда ее можно называть адекватной, по-прежнему нет четкого понимания того, как и что противопоставить экстремизму. После терактов в Актюбе в 2016 году государство пошло на усиление ограничительных мер принятием пакета новых законопроектов.

В этих условиях одним из основных мер государства по регулированию религиозных отношений и мер противодействия религиозному экстремизму должна стать возрождение норм и традиции традиционного ислама в рамках ханафитского мазхаба.

Узбекистан. В анализе развития религиозной ситуации в Узбекистане важную роль занимает изучение процесса политизации ислама, способствовавшей активизации радикальных и деструктивных нетрадиционных исламистских направлений.

Так идеологический вакуум, образовавшийся после развала СССР, повлек процессы обращения народов Центральной Азии к забытым, а порой утраченным традициям, среди которых все более доминирующее положение стало занимать возрождение религии. Данные процессы, наряду с положительными аспектами, несли с собой и проявление определенных деструктивных моментов, являясь в отдельных случаях источником конфликтных ситуаций. В значительной степени это было обусловлено тем, что за период целенаправленной атеистической политики советского государства население во многом утратило традиционные религиозные знания и традиции. Но при этом одной из

особенностей религиозного ренессанса в республиках Центральной Азии явился такой феномен, когда многие простые мусульмане стали видеть в исламе панацею от всех проблем, в том числе экономических, социальных и политических¹.

Данный процесс наблюдался как в среде официального духовенства, так и в деятельности различных качественно новых исламских движений, заявивших о своей исламской политической платформе и идеологических установках. Этот процесс начался уже в 1989 году. Многие оппозиционные движения взяли на вооружение исламский фактор, идею восстановления социальной справедливости, выдвигая тем самым положения составлявшие альтернативу светской официальной власти и постепенным процессом политизации ислама.

С обретением независимости в 1990-е годы поиск основной частью населения Узбекистана своей религиозной идентичности, но при этом незнании классических религиозных основ, привел к ситуации, при которой многие люди, попав под соответствующую теологическую обработку, стали членами различных религиозных организаций, в том числе и экстремистской направленности. Это, прежде всего деятельность «экспортированных» религиозных групп «Хизб ат-тахрир ал-ислами» (ХТИ), «Таблиги джама ат» (ТД).

Также в этот период политическое проявление нашло и официальное духовенство требовавшего смещения председателя САДУМ муфтия Шамсидина (Шамсуддина) Бабаханова. Конфликт, который был урегулирован назначением нового муфтия Мухаммад-Садик Мухаммад-Йусуфа (1989 – 1993)², (который удовлетворял основную часть духовенства) позже привел к тому, что в результате его смещения и созданием новой аморфной структуры ДУМ (УМУ), многие авторитетные представители духовенства были отстранены от первых эшелонов правления ДУМ. Это привело к созданию параллельной нелегальной сети

¹ Бабикова О. Центральная Азия. Наступление исламского экстремизма // Азия и Африка сегодня. – 2000. – №2. – С. 14-16.

² Forest J. Religion in the New Russia. – New York, 1990; Krichlov D. Islam In the Soviet Central Asia: Renovation Or Revolution? // Religion In Communist Lands. – 1990. – Vol. – XVIII.; Мурслиев А. Духовный переворот в Ташкенте // Комсомольская правда. – 09.07.1991.

духовенства в лице неформальных религиозных авторитетов и имамов, которые выстраивали собственную независимую линию религиозной политики, выразившуюся в религиозных проповедях отличительную от центральной (в большинстве случаев, выражавшие идеи фундаменталистского ислама). Позже в период репрессий в отношении этих неформальных религиозных авторитетов эти фундаменталистские идеи были подхвачены (в их собственном радикальном толковании) исламистскими радикалами. Обращение к фундаменталистской идеологии воспринималось только в качестве опровержения определенных существующих порядков (фундаменталистами не воспринимались определенные существующие традиции местного ислама, например, поклонение к местным «святым», в форме суфийского *тавассуля*), без понимания глубинных основ классического ислама.

Первоначально радикальное религиозное проявление, в основном, нашло своих сторонников в лице молодых интеллектуалов из маргинальных слоев, для которых на фоне снижения значимости атеистической политики «новое отношение к религии» стало своеобразным идеологическим ориентиром. В то же время возврат к религии воспринимался не как познание ее в качестве сложной системы догм и идеологии, имеющей глубинные исторические корни, а как скорее эмоциональный порыв к ней, как к новой этносоциальной и культурной парадигме общественного развития.

Именно эта разница между отсутствием глубоких знаний основ ислама и новыми тенденционными негативными проявлениями стала толчком к появлению своеобразных социорелигиозных субъектов, отличающихся крайним радикальным суждением, например, в форме направления «такфири» (обвинение в неверии). Республика Узбекистан одной из первых в постсоветский период столкнулась с такими негативными процессами. Для нашего исследования важно то, что обобщение опыта и ошибок узбекских властей в решении этого сложного вопроса, данную проблему невозможно понять без его предистории с начала XX века.

Попытаемся рассмотреть процесс политизации ислама, без анализа которого невозможно понять развития религиозной ситуации в Узбекистане.

В этой связи важно рассмотреть историю существования нелегального конфессионального образования – художра: воспитание неформальных авторитетов.

Атеистическая идеология СССР и светский характер образования привели к тому, что после ликвидации конфессионального образования в 1920 – 1930-е годы на территории Узбекистана появляется сеть нелегального религиозного образования (*худжра*). В них сохранились установки старой конфессиональной школы *кадимийа* (традиционалистов), характерной чертой которой было следование традициям («*таклид*»). В особенности выделялись *худжры* Мухаммаджана Хиндустани, а также другие *худжры*, получившие своеобразные эпонимы по имени учителя (‘Абдулла-джан-махсума, ‘Абд ал-Хаким-кари и др.), считавшихся одним из хранителей местного ханафитского ислама в противовес радикальным тенденциям.

Одним из важных итогов этого противостояния стало все более устойчивое мнение среди местных богословов (в том числе и среди преподавателей Мир-и ‘Араб), что уровень образовательной системы Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ, 1943 – 1992) значительно ниже, чем получаемый в *худжре*. Поэтому авторитет тех, кто прошел это нелегальное образование, возвысился¹.

Мухаммаджан Хиндустани был известен, прежде всего, как учитель некоторых современных улемов (богословов, ‘*улама*’) региона (в основном Узбекистана и Таджикистана)², впоследствии добившихся известности среди населения. Им также написаны толкования ко всему тексту Корана и перевод Корана на узбекский язык, «Шарх Мухтасар ал-викайа», «Шарх ал-‘ака’ид».

Из этих нелегальных религиозных *худжр* стали появляться первые неформальные авторитеты, которые впоследствии разделились на две противоборствующие стороны: фундаменталисты-

¹ Бабаджанов Б. Среднеазиатское духовное управление мусульман: предистория и последствия распада // Многомерные границы Центральной Азии/под редакцией А. Малашенко и М.Б. Олкотт. – М., 2000. – С. 67-83.

² Бабаджанов Б.М., Муминов А.К., Олкотт М.Б. Мухаммаджан Хиндустани (1892 – 1989) и религиозная среда его эпохи (предварительные размышления о формировании «советского ислама» в Средней Азии) // Восток. – 2004. – № 5. – С. 43-59.

консерваторы, опиравшиеся на традиции школы «Ахл ал-хадис», и традиционные ханафиты, в основном, ученики Мухаммаджана Хиндустани.

Таким образом, деятельность двух этих богословов привела к появлению двух отличительных учений, а религиозные споры между ними не завершены и по сей день.

К началу 1980-х годов новоявленных фундаменталистов «Ахл ал-хадис» перестали устраивать положения локального теологического учения *Матуридийя*. Это противостояние проявилось в форме открытых высказываний на публичных собраниях и *хутбах* в ряде городов Ферганской долины.

Основным лидером этого направления считался Рахматуллах-кари ‘Аллама (погиб в 1981 г.). В Андижане он стал выражать фундаменталистские идеи, что вызвало резко негативную реакцию Мухаммаджана Хиндустани, который предал проклятию (*ду‘а’-йи бад*) своего бывшего ученика и отрёкся от него.

Вторым значительным лидером стал ‘Абдували-кари Мирзаев, имам мечети «Джами‘ масджиди» в Андижане, который вынес очень много *фатв* по различным вопросам. Обладая высокой эрудицией, ‘Абдували-кари самостоятельно мог обращаться к первоисточникам и заниматься *иджтихадом*. Также можно назвать ‘Абдулхаким-кари (г. Маргелан) и ‘Обид-кари Назарова, который после исчезновения ‘Абдували-кари Мирзаева (1995 г.) стал открыто выступать против режима И. Каримова¹.

С самого начала Рахматуллах ‘Аллама, ‘Абдували-кари и их последователи характеризовали свои действия как «обновление» (*муджаддидийя*) ислама и прилагали к своему движению самоназвание «*Муджаддидийя*» («Обновители»)², действие новоявленных реформаторов привело к расколу среди мусульман Узбекистана³.

¹ Известного по деятельности исламского джамаата в ЮКО. Назаров Обидхон (Обидкори) Собитхонович, уроженец г. Наманган, бывший имам мечети «Тухтабой-вачча» г. Ташкент. См.: Муминов А. Традиционные и современные религиозно-теологические школы в Центральной Азии // Центр. Азия и Кавказ. – 1999. – 4 (5). – С. 77-83

² Статьи «Хиндустани» и «Муджаддидийя» в энциклопедическом словаре «Ислам на территории бывшей Российской империи». – М., 1999. – 87 с.

³ Бабаджанов Б., Камилов М. Мухаммаджан Хиндустани и начало «Великого раскола» среди мусульман Узбекистана. – (Материалы в печати).

В Ферганской долине также действовал другой богослов, близкий к школам Ахл ал-хадис и Ахл ал-Кур'ан – Йунус-кари и его известные последователи, называемые Йунускаричылар. Изучение этого направления представляется на сегодняшний день весьма актуальным в плане прогноза политико-религиозной ситуации в Узбекистане, поскольку имеется большая вероятность повторения судьбы направления «Акрамия».

Таким образом, наряду с политическими и идеологическими условиями для активизации радикальных зарубежных исламских направлений, в регионе созрела соответствующая местная религиозно-интеллектуальная среда, которая в основном состояла из последователей улемов-реформаторов, ориентировавшихся на консервативные фундаменталистские идеи.

Не случайно поэтому то, что реальные симптомы предстоящего противостояния и раскола общества начали открыто проявляться уже с начала 1990-х гг., т.е. с момента обретения суверенитета республиками Средней Азии. Так, апогеем этого противостояния стали события в 1990 г., когда новый муфтий САДУМ Мухаммад-Садик Мухаммад-Йусуф попытался примирить противостоящие стороны, но в условиях взаимных обвинений раскол еще более усугубился. На словах лидеры обеих сторон согласились прекратить взаимные обвинения, однако разногласия зашли слишком далеко, и лидеры не смогли остановить своих разгоряченных последователей. Единственным положительным результатом усилий муфтия стало то, что выделившиеся новые группы верующих разделились по разным мечетям, что приостановило открытые столкновения, но фактически закрепило раскол.

Деятельность фундаменталистов была в основном направлена против тех местных традиций, которые по их трактовке являются неправильными с точки зрения «истинного» ислама. Первоначально спор, в основном, носил ритуально-догматический характер. Например, ярким свидетельством характера взаимных обвинений является различная интерпретация записей диспутов между 'Абдували-кари и его последователей с братьями 'Абдулатифом-кари Андиджани, Мухаммад-Садиком Андиджани и их сторонниками.

Важно также подчеркнуть, что в этот период религиозные идеи фундаменталистов были направлены не столько против

государства и его официальной внутренней и внешней политики, сколько против остальных мусульман придерживающихся учения «матрудитов». Ибо на первых порах это был сугубо религиозный спор по вопросу, чья вера является «истинной», а чья вера является «заблуждением».

Развал советской идеологической системы в Узбекистане привел к резкому подъему религиозного самосознания населения. Но при этом «исламский фактор», ставший одним из существенных факторов в политических процессах, имел ряд характерных особенностей.

Так, несмотря на то, что местное фундаменталистское направление (умеренные консерваторы) еще не успело окончательно идеологически сформироваться (тому помешали смерть лидера этого движения Рахматуллах 'Аллама, позднее в 1995 г. исчезновение 'Абдували-кари Мирзаева), параллельно стали появляться радикальные политические структуры («Партия исламского возрождения», группа «Адолат»).

Возникновение радикального ислама в Центральной Азии английский исследователь Ахмад Рашид связывает с новыми личностями Тахира Юлдаша и Джумы Намангани¹.

Появлению этих групп, помимо присутствовавшего фактора внутрирелигиозного раскола общества, в первую очередь, *способствовали социально-политические условия*, связанные с трудностями переходного периода. Так, в период криминальных разборок, когда стали процветать такие преступные формы, как рэкет и коррупция, предприниматели стали искать свои способы защиты от произвола преступных элементов. Такой поиск привел к появлению ряда полувоенных, нелегитимных организаций вроде «Адолат» («Справедливость»), «Ислам милицияси /Ислам лашкарлари» («Исламская милиция /Исламские воины»), зачастую формировавшихся в среде единоверцев (*джаматов*).

В этом отношении особым успехом в г. Намангане стала пользоваться организация «Адолат», ставшая своего рода исламской полицией. Такие народные организации со временем стали представлять внушительную силу, фактически являясь парал-

¹ Rashid A. Jihad. The Rise of Militant Islam in Central Asia. – New Haven, London: Yale University Press, 2003. – 282 p.

лельной властью в Намангане. Это ситуация привела к известным событиям в конце 1991 г. (народные волнения в Намангане).

Однако в 1992 г. после проведенного референдума, на котором был поддержан курс, проводимый И. Каримовым, официальные власти резко ужесточили меры к «инакомыслящим». Под тотальный пресс в особой степени попали представители духовенства, явно или опосредовано проповедующие радикальные исламистские идеи. Со снятием в 1993 г. со своего поста муфтия Мухаммад-Садык Мухаммад-Йусуфа, который обвинён в поддержке ваххабитов, и утверждением на его место более контролируемого религиозного деятеля из Бухары, заканчивается первый период новейшего исламского развития в Ферганской долине и Узбекистане¹.

В декабре 1997 г. в Намангане было совершено убийство высокопоставленного сотрудника милиции, которому преступники отрезали голову. Узбекские власти обвинили в происшедшем «исламских фундаменталистов»². В 1997 г. Узбекистан, Таджикистан и Россия подписали соглашение о совместной борьбе «с проявлениями религиозного экстремизма», который впоследствии журналисты назвали «антиваххабитским союзом»³. Кульминацией нового этапа стал февраль 1999 г., когда в Ташкенте у правительственных зданий прогремели взрывы⁴.

Это привело к тотальным репрессиям среди известных богословов. Так, в 1993 г. таинственно исчез известный религиозный деятель ‘Абдулла-кари Утаев, а в 1997 г. при невыясненных обстоятельствах исчез другой известный религиозный деятель ‘Обид-кари Назаров, также таинственно произошло исчезновение известного ташкентского имама Рухиддина Фахруд-

¹ Lubin N., B. Rubin B. Calming the Ferghana Valley: Development and Dialogue in the Heart of Central Asia. – New York: The Century Foundation Press, 1996. – 232 p.

² Пономарев В. Угроза «исламского экстремизма» в Узбекистане: мифы и реальность. // Правозащитный центр «Мемориал»// Информационный центр по правам человека в Центральной Азии. – Москва, октябрь 1999 г.

³ Шерматова С. Так называемые ваххабиты // Чечня и Россия: общества и государства. – М.: Центра Сахарова, 1999 г. – С. 13-15.

⁴ Абашин С. Исламская оппозиция в Ферганской долине: локальные конфликты и глобальные угрозы // Доклад на конференции «Россия-Восток». – Волгоград, ноябрь 2002 года, опубликовано на <http://www.ferghana.ru/town/enter.jpg>. 25 декабря 2002.

динова в 1998 г. и еще одного известного богослова Ферганской долины – Мухаммади-кари, который умер в тюрьме и пр.

В то же время *в условиях ужесточения силовых репрессивных мер* со стороны государства, в качества противовеса началось *организационное оформление таких радикальных групп*, как Исламское движение Узбекистана (ИДУ), группы «Адолат», «Товба», «Узун сокаллылар» (действовали они в основном в Ферганской долине – Наманганской, Андижанской и Ферганской областях, кроме того и в Ташкенте, Джизакской и Сурхандарьинской областях)¹, во главе которых стали лидеры, чья деятельность получила большой резонанс в плане политизации и экстремизации ислама – Джума Намангани и Тахир Юлдашев. Последовавшие затем террористические взрывы (1999 г., 2004 г.) в г. Ташкенте, как и Баткенские события (1999-2000 гг.), стали звеньями одной цепи по дестабилизации обстановки в Узбекистане. Апогеем данного процесса стали беспорядки в г. Андижане (2005 г.), вынудившие власти принять крайние меры по пресечению экстремистских проявлений.

Характер действий в г. Андижане свидетельствует о том, что «мощь и масштаб восстания, несмотря на его локальный характер, застал узбекские власти врасплох. Об этом же говорит и тот факт, что потребовалось немалое время для организации отпора восстанию и подавлению»².

Период 1993 – 1997 гг. стал временем кардинальной трансформации идеологии исламских групп, и начиная с 1998 г. наиболее радикальная часть перешла к широкой агитации и пропаганде радикальных исламистских идей. В то же время середина 90-х годов ознаменовалась появлением в Центральной Азии радикальных исламских организаций «второй волны», отличавшиеся своим международным статусом и ориентированных на создание исламского халифата.

Исламисты дважды совершали успешные марш-броски из Афганистана через Таджикистан и Кыргызстан в Ташкентскую область и в Ферганскую долину. Осенью 1999 г. 500 боевиков

¹ Зураб Тодуа. Экспансия исламистов на Кавказе и в Центральной Азии. Глава 7. – М.: Ин-Октаво, 2006. – 272 с.

² Труевцев К.М. «Цветные революции» и террористическая угроза в Центральной Азии // Полития. – Лето 2005. – № 2 (37). – С. 16.

Джумы Намангани со стороны Таджикистана вторглись в горный Кыргызстан, причем в августе 1999 г. они захватили четырёх японских геологов (освобождены 26 октября 1999 г.). А в ноябре 1999 г., проникнув на территорию Узбекистана из Кыргызстана, они совершили несколько нападений на сотрудников МВД города Янгиабада Ташкентской области (в 75 км от Ташкента). Через год, в августе-октябре 2000 г. военные действия повторились по тому же сценарию. Боевики ИДУ, сражавшиеся против вооруженных сил Узбекистана и Кыргызстана, смогли захватить несколько населенных пунктов, оседлать стратегические точки на горных перевалах и выйти на расстояние 70 км от Ташкента.

Все эти основные процессы происходили в Ферганской долине. И это не случайно. Здесь образовался тугой узел самых разных проблем, конфликтов и противоречий. Во-первых, высокая плотность населения – в долине проживает 8-9 млн человек, что составляет 15 – 20% всего населения Средней Азии; во-вторых, экономическая ситуация и ограниченность земельных и водных ресурсов; в-третьих, интересы кланово-политических группировок выходцев из Ферганской долины (ходжентский клан в Таджикистане, ферганский клан в Узбекистане, ошский клан в Кыргызстане); в-четвертых, формирование мощных исламистских движений; в-пятых, острый национальный вопрос вследствие раздела Ферганской долины между тремя странами Узбекистаном, Таджикистаном, Кыргызстаном,¹ и наконец, в-шестых, высокая религиозность населения. Как пишет российский исследователь В.Г. Огудин, «столь выраженная востребованность мест поклонения в современной Фергане объясняется высокой религиозностью населения»².

Сложившаяся обстановка создала благоприятные условия для деятельности зарубежных радикальных исламских направлений и партий. Например, достоверно известно, что основной костяк «Хизб ат-тахрик» (ее заявленной целью является создание на территории Центральной Азии *халифата*)³ составляли

¹ Предисловие // Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические процессы: сб. статей / отв. ред. С.Н. Абашин, В.И. Бушков. – М.: Наука, 2004. – С. 3-5.

² Огудин В.Л. Природные места поклонения в религиозных представлениях современного населения Ферганы: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. – М., 2003. – 52 с.

³ Абазов Р.Ф. Исламское возрождение в центральноазиатских новых независимых государствах // Полис. – 1995. – № 3. – С. 61-67.

уцелевшие от антиисламистской кампаний в Узбекистане бывшие члены узбекских исламских организаций «Адолат уюшмаси» («Общество Справедливости»), «Ислам лашкарлари» («Воины Ислама») и «Товба» («Благословление»), на базе которых в начале 1990-х годов было создано ИДУ-ИПТ. Эти организации подпольно создавались в конце 1980-х годов в г. Намангане при активном участии вышеупомянутых религиозных фанатиков – экстремистов Тахира Юлдаша и Джумы Намангани. В 1992 г. после их бегства из Узбекистана нишу заняла «Хизб ат-тахрир», поскольку в свое время ИДУ-ИПТ, руководствуясь перспективными планами захвата власти, сконцентрировало свои усилия на создании «внутреннего подполья», сделав ставку на религиозно-политическую организацию «Хизб ат-тахрир».

Таким образом, возникновению радикально настроенных элементов способствовали противоречия между различными социально-политическими факторами, обусловившие неэффективность государственной политики и вызвавшие выход на политическую арену «отколовшихся» или, иначе говоря, инакомыслящих социальных групп.

При этом исходные религиозные условия, которые привели к расколу общества, в последующем приобрели необратимый процесс. В итоге конфликт стал самостимулирующимся и самовоспроизводящимся, т.е. наступила весьма опасная фаза, когда начинается неуправляемый процесс радикализации сознания. А это в результате углубившегося конфликта с государственной властью и приходом на политическую сцену новых непримиримых игроков в лице вышеупомянутых радикальных религиозно-политических групп все более стало приобретать ярко выраженный политический контекст (борьба за власть) с религиозной окраской.

Другими словами, существует критический порог, динамика конфликта которого может стать *самостимулирующейся и неуправляемой*, когда сам *процесс* террора и экстремизма становится *modus vivendi* (необходимым условием существования) этих радикальных религиозно-политических групп. Так, вполне реальна ситуация, когда в дальнейшем сама религиозная основа, как результат усугубляющего противоборства, может способствовать формированию и других социально-психологических основ террористической деятельности, например, появлению

«синдрома мести». Некоторыми исследователями ставится под сомнение, что исламизация общества явилась главной причиной конфликта, одной из главных мотиваций властей, возможно, явилось сепаратистские устремления клановых групп на местах.

В подтверждение этого положения можно привести один из ярких примеров предыстории развития современной волны терроризма на Ближнем и Среднем Востоке, которая берет свое начало с вооруженных конфликтов в Афганистане, являясь, по сути, их закономерным следствием. В ряду этих же аналогий – многолетний вооруженный конфликт между Палестиной и Израилем, когда в бесконечную террористическую деятельность вступают уже дети и правнуки первых боевиков с обеих сторон. Так, что оживление радикальных настроений, сопряженное с желанием применения в соответствующих условиях вооруженного насилия, во многом является последствием т.н. «афганского синдрома».

Как известно, основная цель этих радикальных групп сводится к построению исламского теократического государства путем насильственного изменения существующего конституционного строя, то есть путем «*джихада*». Они развернули свою деятельность, создавая нелегальную сеть своих сторонников, активно вовлекая в нее молодежь и женщин.

Надо отметить, что одним из благоприятствующих условий расширения сфер влияния неформальных религиозных объединений являлась допущенная в начале 1990-х годов стратегическая политическая ошибка государства. Властные структуры, всецело поглощенные борьбой против оппозиции («Бирлик»), первоначально недостаточно внимательно и последовательно отнеслись к вопросам ислама, в том числе к разворачивающейся деятельности религиозных радикалов. Более того, известно, что в первые годы построения суверенного государства и поиска тех или иных форм дальнейшего экономического, политико-идеологического и социокультурного развития верховная власть Узбекистана также активно поддерживала исламское возрождение. Отношение власти кардинально изменилось лишь после того, как пришло несколько запоздалое осознание, что исламские организации вовсе не желают быть союзниками, а исповедуют иные идеи. С момента начала первых антигосударственных террористических акций это противо-

стояние приобрело открытые формы, в основу которых был положен непримиримый принцип: «кто кого». Но применение силовых форм не всегда оправдано, тем более что проблема заключается в различных идеологических установках.

Проводя активную борьбу с преступностью, «адолатовцы» и другие радикальные группы занимались выявлением правонарушений со стороны граждан города, т.е. развернули успешную социально-политическую деятельность, все более популярную среди простых граждан. На фоне же тотальной коррумпированности представителей различных эшелонов государственной власти лозунги социальной справедливости находили живой отклик среди населения. Религиозная же окраска этой политической борьбы, когда сторонники установления в стране теократического правления проповедовали эту форму государственного правления как единственно справедливую, получила в итоге дополнительный импульс в сознании простых граждан. Тем самым с появлением радикалов в лице «*такфири*» начинается наиболее активная фаза процесса политизации и радикализации религиозных экстремистских сил в Узбекистане.

Этап проведения активных контрпропагандистских мероприятий начинается поздно только с начала 2000 года. Об этом свидетельствует ряд пропагандистских материалов, которых удалось приобрести (материалы против деятельности «Хизб ат-тахрир»)¹.

В то же время, все эти события стали следствием противоречий между «локальным» и «арабским», «религиозным» и «светским», «старым» и «новым», «лояльностью» и «оппозиционностью», которые достигли своего апогея в начале 1990-х годов. Прямым следствием развития событий в таком русле стало создание благоприятной почвы для распространения идей исламистских партий из разных частей зарубежного мусульманского мира. Проникновение же элементов и учений политического ислама характеризует особый период в новой истории ислама в центральноазиатском регионе.

¹ Каримов А. Дунёвийлик дахрийлик эмас ёхуд «Хизбут-тахрир» ниг даъволари хусусида мулохазалар. – Тошкент: «Тошкент ислом университети» нашриёт-матабаа бирлашмаси, 2005. – 47 б.; Адхам кори Юнусов. Динимиз душпанлари. – Тошкент, 2002. – 34 с.

Эволюция в сторону усиления строгих мер можно также увидеть и в постепенном ужесточении законодательства страны и усилению управленческого аппарата. Так, под влиянием союзного закона в государствах Центральной Азии был принят Закон «О свободе совести и религиозных организациях», который, по сути, был мягким и либеральным. Их характеризовали два основных принципа: 1) светский характер государства; 2) его толерантность и равноправное отношение ко всем религиям. Первый закон Республики Узбекистан «О свободе совести и религиозных организациях» был принят 14 июня 1991 года.

Такая либерализация стала неожиданностью, в первую очередь, для работающих по старому государственных органов, что привело к началу бесконтрольных процессов в странах Центральной Азии. В Узбекистане, если в 1989 г. мечетей было 350, то в 1993 г. их стало шесть тысяч. В одном только городе Намангане и его окрестностях было построено около 4 тысяч мечетей и *мадраса*. Почти при каждой мечети имелись коранические или иные школы. Тогда же началась легализация подпольных конфессиональных учебных заведений. Эти процессы можно рассматривать как реактуализацию реалий архаичного общества оседлого типа¹.

Однако по пришествию времени, в Узбекистане и России в 1998 г., осознав угрозу, который исходит от деструктивной деятельности нетрадиционных радикальных религиозных направлений, были приняты в новой редакции законы «О свободе совести и религиозных организациях», определившие уголовную и административную ответственность за использование религии в политических целях, разжигание межнациональной и иной вражды².

В Узбекистане легально (информация к 2003 году) функционировали 2119 религиозных организаций, прошедших регистрацию. Крупнейшие из них – Управление мусульман Узбе-

¹ Муминов А., Гафуров У., Шигабдинов Р. Исламское образование в Узбекистане (1917-2003) // *Islamische Bildung in der Sowjetunion und der GUS. Internationale Tagung gerfordert von der VW-Stiftung* (Bochum 13.-16. Mai 2004).

² Мунавваров З. Становление нового соотношения между светкостью и религиозностью в Республике Узбекистан // *Ислам и светское государство / Под общей ред. З.И. Мунавварова и В. Шнайдера-Детерса.* – Ташкент: Международный фонд Имама ал-бухари и Фонд им. Фридриха Эберта, 2003. – С. 129 -136.

кистана (УМУ)¹, Ташкентская и среднеазиатская епархия Русской православной церкви, Церковь евангельских христиан-баптистов, Римско-католическая церковь, Церковь христиан полного Евангелия, Библейское общество Узбекистана, а также 1940 мечетей, 168 христианских церквей, 7 иудейских синагог, 7 обществ баха'и, 2 общества Сознания Кришны, 1 буддийский храм. Прошли государственную регистрацию 13 религиозных учебных заведений, в том числе 1 исламский институт, 10 *мадраса*, 1 православная и 1 христианская протестантская семинарий².

К 2007 г. в Узбекистане было зарегистрировано 2227 религиозных организаций 16 конфессий. Из них – мусульманских организаций – 2046, 92% от общего количества³.

Государство предприняло немало усилий для усиления надзора над деятельностью религиозных организаций. В юридическом плане это выразилось в ужесточении законодательства: 1) по регистрации, 2) выдаче лицензий и 3) надзора над деятельностью религиозных организаций. Наиболее важными шагами в этом направлении стало принятие Закона Республики Узбекистан «О свободе совести и религиозных организациях» (новая редакция была принята парламентом 1 мая 1998 г.)⁴.

В Узбекистане в процессе работы с радикальными организациями была создана сеть государственных учреждений, которая осуществляет непосредственно национальную политику в области религии. Она – многоступенчатая. Во главе этой сети стоит:

1. Государственный советник Президента по делам религий.
Служба Государственного советника Президента по делам рели-

¹ Муминов А., Гафуров У., Шигабдинов Р. Исламское Образование в Узбекистане (1917-2003) // *Islamische Bildung in der Sowjetunion und der GUS. Internationale Tagung* gerfordert von der VW-Stiftung (Bochum 13.-16. Mai 2004).

² Информационная справка Министерства юстиции Республики Узбекистан на 1 января 2003 г.

³ Рахимов М. Политическая модернизация в Узбекистане в начале XXI века: проблемы и перспективы // *Центральная Азия: Пути модернизации* // V Международная научная конференция. Казахстанско-Немецкий Университет, 13-14 марта 2008/сост. О.М. Зеленская, П.Ю. Карпов. – Алматы: Казахстанско-Немецкий Университет, 2008. – С. 175-178.

⁴ Религия и закон. Сборник международных документов и законодательных актов Республики Узбекистан. Автор-составитель А.Т. Юнусова. – Ташкент: Ташкент ислам университети, 2002. – С. 159-161.

гий – структура в аппарате президента Республики, которая впервые была введена в 1995 г. Раньше религиозный вопрос находился в компетенции разных отделов – отдела культуры, кадрово-организационного отдела и других. Временно, в 1991 – 1993 гг. при Аппарате президента функционировал «Сектор по делам религий» при Службе государственного советника по вопросам межнациональных отношений.

2. Следующим звеном в этой сети является Комитет по делам религий при Кабинете министров Республики Узбекистан. Он был преобразован из старых структур Указом президента Республики Узбекистан от 7 марта 1992 г. «Об образовании Комитета по делам религий при Кабинете министров Республики Узбекистан». Согласно этому указу Комитет по делам религий имеет такие структурные подразделения:

1) отдел по работе с мусульманскими организациями; 2) отдел по работе с (другими) конфессиями; 3) отдел духовного образования; 4) отдел международных связей и 5) бухгалтерия.

На основе Указа Президента было принято Постановление Кабинета министров от 2 апреля 1992 г. «Вопросы организации деятельности Комитета по делам религий при Кабинете министров Республики Узбекистан».

Следующим этапом в усилении функций этого органа явилось Постановление Кабинета министров от 27 января 1995 г. «О внесении изменений и дополнений уставу Комитета по делам религий при Кабинете министров Республики Узбекистан».

Было принято Положение о Комитете по делам религий при Кабинете министров Республики Узбекистан (утверждено Постановлением Кабинета министров от 27 января 1995 г. «О внесении изменений и дополнений уставу Комитета по делам религий при Кабинете министров Республики Узбекистан»).

Как показало наше исследование, законодательство Узбекистана и степень его исполнения являются одним из наиболее строгих по сравнению с другими независимыми государствами Центральной Азии. Так в Законе Республики Узбекистан «О свободе совести и религиозных организациях» закреплено, что «доставка и реализация изданной за рубежом религиозной литературы осуществляется после проведения экспертизы ее со-

держания в порядке, установленном законодательством»¹. Исходя из этого требования Закона, как отметила узбекский исследователь М. Раджабова, «в Комитете по делам религий при Кабинете Министров Республики Узбекистан организована экспертная группа, на которую возложена задача обеспечения экспертизы содержания завезенной на территорию Республики Узбекистан религиозной литературы с тем, чтобы она не содержала в себе идеи религиозного экстремизма, сепаратизма и фундаментализма. Только после получения соответствующего заключения дается разрешение на перевод, издание и распространение религиозной литературы, а также кино-, фото-, аудио-, видеопроодукции»².

Раскрывая внутреннюю природу узбекского законодательства, исследователь Е.В. Абдуллаев констатирует, что «еще раз можно подчеркнуть необходимость различать абстрактно-формальное отделение государства от религии и реальную действительность, при которой государство вынуждено идти (и законодательно это закреплять) на прямое или косвенное вмешательство в религиозную сферу.

Поэтому вопросу логичнее было бы ставить вопрос о допустимости или недопустимости имеющегося де-факто вмешательства государства в деятельность религиозных организаций, а о пределах этого вмешательства. При игнорировании этих пределов (а отнюдь не самого абстрактного «отделения») может произойти нарушения прав на свободу совести»³.

Так, Комитет по делам религий при Кабинете Министров Республики Узбекистан имеет широкие полномочия: консультативные, информационные, экспертные и контрольные функ-

¹ Закон РУ «О свободе совести и религиозных организациях». – Ташкент: Адолат, 1998. – Ч. 2 – Ст. 19. – 21 с.

² Раджабова М. Уголовная ответственность за религиозно-экстремистские, фундаменталистские и сепаратистские деяния // Государство и религии в странах с мусульманским населением / под ред. З.И. Мунавварова и Р.И. Крумм. – Ташкент: Международный фонд Имама ал-бухари и Фонд им. Фридриха Эберта, 2004. – С. 130-132.

³ Абдуллаев Е. Законодательство Республики Узбекистан и проблемы правового обеспечения религиозного согласия // Государство и религия в странах с мусульманским населением / под ред. З.И. Мунавварова и Р.И. Крумм. – Ташкент: Республиканский научно-просветительский центр Имама Бухари и Фонд им. Фридриха Эберта, 2004. – С. 136-140.

ции¹. Координационным духовным центром является «Управление мусульман Узбекистана» («Узбекистан мусулманлари идараси»), являющийся самостоятельной религиозной организацией, которая фактически есть единственный «центральный орган» управления деятельностью зарегистрированных мусульманских организаций и учебных заведений в Узбекистане (согласно пункту № 2.4 из Постановления Кабинета министров Республики Узбекистан от 20 июня 1998 г. «О порядке проведения государственной регистрации религиозных организаций в Республике Узбекистан»).

Это усиление, по мнению Л. Левитина, стало необходимым в условиях Узбекистана: «кардинальные прогрессивные изменения в такой стране (в Узбекистане) невозможно осуществлять без сильной власти, способной принимать достаточно жесткие решения и последовательно проводить их в жизнь»².

Последующие события в Узбекистане до 2005 года характеризовались активизацией религиозного террористического подполья, которые с периодичностью устраивали теракты в стране:

- взрывы в Ташкенте 16 февраля 1999 года (Тахир Юлдашев и, по данным узбекских властей, лидер партии «Эрк» Мохаммад Салих);
- вылазки групп боевиков из Афганистана через Таджикистан и Кыргызстан в Узбекистан в 1999-2000 годах («Исламское движение Узбекистана» и Мохаммад Салих);
- теракты в Ташкенте и Бухаре в марте и апреле 2004 года. («Хизб ут- Тахрир», «Исламский джихад» и «Исламское движение Узбекистана»);
- взрывы перед посольствами США и Израиля и у здания генеральной прокуратуры в Ташкенте 30 июля 2004 года («Исламское движение Узбекистана» и «Исламский джихад»);

¹ Положение о Комитете по делам религий при Кабинете Министров Республики Узбекистан. 27 января 1995 г. № 23 // Религия и закон: сборник международных документов и законодательных актов РУ / автор и составитель Юнусова А.Т. – Ташкент: Ташкент ислом университети, 2002. – С. 195-197.

² Левитин Л. Узбекистан на историческом повороте. Критические заметки сторонника Президента Ислама Каримова. – М.: Вагриус, 2001. – 351 с.

- вооруженный мятеж в Андижане 13-14 мая 2005 года («Исламское движение Туркестана» (в прошлом ИДУ), «Хизб ут-Тахрир» и «Акрамийя»).

На сегодняшний день Конституция Узбекистана провозглашает отделение религии от государства, равенство религиозных организаций перед законом, свободу совести. Преобладающее большинство населения Узбекистана исповедует ислам (около 93% на 2015 год, преимущественно сунниты ханафитского мазхаба); христиане и иудеи (бухарские евреи) составляют религиозные меньшинства. Мусульманское духовенство готовят ряд специализированных учебных заведений, расположенных в Ташкенте и Бухаре. На 1 июня 2010 года зарегистрировано 2 225 религиозных организаций шестнадцати конфессий. Самая многочисленная это ислам – 2 050, остальные не превышают свыше и 60 религиозных организаций: Корейская христианская церковь – 52, Русская православная церковь – 37, баптисты – 23, пятидесятники («Полное Евангелие») – 21, адвентисты седьмого дня – 10, иудаизм проповедуют – 8, бахаи – 6, Римско-католическая церковь – 5, «Новые апостолы» – 4, лютеране – 2, Армянская апостольская церковь – 2, Свидетели Иеговы – 1, кришнаиты – 1, буддизм исповедуют – 1, Церковь «Глас Господа» – 1.

Изучение этих процессов представляется важным и необходимым, так как они представляют собой опыт борьбы с радикальными исламистскими группировками. Процессы, которые происходят в соседнем государстве, имеют тенденцию повториться в соседнем государстве. Ибо радикальные проявления похожи на систему сообщающихся сосудов, когда экстремистские действия, возникшие в Узбекистане, могут отразиться и на Казахстане. В связи с введением административно-правового режима в Узбекистане по отношению радикальным организациям основной вектор их активизации перемещается в соседние республики,¹ как это показал пример проникновения «Хизб ати-Тахрир» в Казахстане в 2001 годах из Узбекистана.

Таджикистан. Исторический анализ религиозной ситуации в Таджикистане тесно связан с развитием процесса политизации

¹Ашимбаев М.С., Косиченко А.Г. Современный терроризм. – Алматы: КИСИ, 2005. – С. 152.

ислама или использованием ислама некоторыми кругами в своих политических интересах и активизацией деятельности нетрадиционных исламских направлений. Данный анализ интересен тем, что в конфликт между светским и религиозными сторонами в Таджикистане вылилось в открытое противостояние, приведшее к Гражданской войне в 1993 – 1997 гг. и в итоге, закончившаяся успешным подписанием соглашения о перемирии. Факт открытого противостояния и войны между светскостью и религиозными началами на примере Таджикистана в регионе Центральной Азии является единственным фактом, сумевшим найти здравые внутренние потенциалы к примирению сторон на общих началах. Этот прецедент требует своего дальнейшего анализа и приобщения опыта. Мы попытаемся проанализировать эти события, выявляя его основные факторы.

Ислам, являясь в традиционном таджикском обществе образом жизни и мышления в только обретшем независимость Таджикистане в начале 90-х годов, был втянут в процесс передела власти. Развитию данных тенденций способствовал первый фактор, ставший причиной конфликта. Это неумение первых лиц на начальном этапе независимости использовать положительный потенциал ислама в конформистском и традиционном русле. Когда партийный аппарат мыслил старыми стереотипами мышления, новые неформальные лидеры смогли оценить огромную консолидирующую силу ислама и взять инициативу в этом процессе в свои руки. На период получения независимости влияние религиозного фактора в обществе было одним из решающих.

Так, на выборах в конце февраля 1990 г. около четверти народных депутатов были избраны из числа представителей религиозно-демократического блока, что наглядно показало изменение соотношения политических сил в Таджикистане и изменение мировоззрения населения¹, что было упущено правящей элитой.

Ислам тесно связан с традиционным укладом жителей таджикских сел и городов, а также с влиянием суфийских братств, исма‘илитской общины и т.д. После обретения независимости

¹ Accord: Политика компромисса. Мирный процесс в Таджикистане // под рук. К. Абдуллаев и С. Барнес. – Серия Accord 10. – Лондон, Москва, 2001. – 37 с.

он стал одним из решающих факторов в политической жизни Таджикистана. Привилегированным социальным слоям традиционного общества относились *саййиды* – потомки пророка Мухаммада, *ходжа* – потомки правоверных *халифов*, суфийские *шейхи*, исма‘илитские *ишаны и пиры*. Как пишет К. Абдольхофф, «сторонники традиционализма в Таджикистане борются за создание нового исламского социума, за защиту исламской религии от влияния чуждых таджикской культуре политических и культурных течений. Партию исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) можно назвать «политизированной общиной», т.е. эта партия имела больше традиционалистский, нежели фундаменталистский характер в своей политической деятельности»¹.

Лидеры и члены Партии исламского возрождения Таджикистана еще в советские годы активно занимались распространением идей ислама. Так, Саййид Абдулло Нури за свои взгляды, за нелегальную пропаганду ислама, которую он вел открыто, высказывал ещё в советское время (начиная с 1973 года), неоднократно подвергался арестам.

Многие лидеры исламского движения (политического и традиционного ислама) были воспитанниками частной «нелегальной» *хуждры* (школы) Хаджжи Мухаммаджана Хиндустани (1895-1989). Среди них были Саййид Абдулло Нури, Мухаммад-шариф Химматзода, Дамулла Хикматулла, Ишан Нуриддин-махсум Исма‘ил. Как мы видим, деятельность Хаджжи Мухаммаджана Хиндустани оказала большое влияние не только в Узбекистане, но и в Таджикистане, заложив основы для различных моделей организации исламских групп.

Об исламском факторе говорит также факт, что еще с 1987 г. в Таджикистане нелегально действовало таджикское отделение Всесоюзной партии исламского возрождения. Эта партия не была официально зарегистрирована и больше действовала через *казийат* (мусульманское управление) Таджикистана. Наверное, этот факт объясняет, что уже в начале 1990 г. Партию ислам-

¹ Абдольхофф К. Роль таджикской традиции в развитии исламского вероучения // Путь Востока. Проблема методов. Материалы IV Молодежной научной конференции по проблемам философии, религии, культуры Востока. Серия «Symposium». Выпуск 10. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 128-129.

ского возрождения Таджикистана, которая существовала уже как реальная сила – оппозиционная существующему политическому режиму, также активно поддерживал *казийат* во главе с Турадджонзода.

Вторым фактором является то обстоятельство, что в исламистском движении еще изначально выделялись несколько его внутренних направлений: его умеренное и радикальное крыла. Действия последних отрицательно влияли на развитие хода Гражданской войны и процесса примирения сторон. Но в данных процессах примечательно то обстоятельство, что, несмотря на все усердия радикалов по срыву наметившегося диалога по примирению, компромисс между сторонами был найден.

Так, на начальном этапе, в альянсе различных исламских группировок, объединившихся в Партию исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) сам Саййид Абдулло Нури возглавил радикальное крыло партии («Новые радикалы»), тогда как Ходжа Акбар Турадджонзода, возглавлявший в то время *казийат* республики, стал лидером ее более консервативной части «истеблишмента». Эти противоречия проявились и позднее во время выборов Президента Таджикистана в ноябре 1999 года. Тогда Турадджонзода провел свою пресс-конференцию, на которой, во-первых, заявил о приостановлении своего участия в деятельности «Объединенной таджикской оппозиции» (ОТО), во-вторых, призвал поддержать на выборах кандидатуру президента Э. Рахмонова.

В целом, несмотря на это обстоятельство, деятельность С.А. Нури в 1992 – 2000 гг. привела к его становлению как лидера традиционалистов, выступавшего в качестве самой влиятельной силы в исламском оппозиционном движении Таджикистана. Также о его положительном примере можно назвать его действия в условиях надвигавшейся угрозы от движения «Талибан» в Афганистане. В борьбе за власть в Афганистане *талибы* стали одерживать все больше военных побед, что повлияло на стратегический контекст гражданского противостояния в Таджикистане. С.А. Нури оценивая эту угрозу, не втягиваясь в интриги в этой игре, во время личной встречи с президентом Э. Рахмоновым пошел на компромисс, что, естественно, не могло не вызвать недовольства среди ряда его сторонников.

За первый период – 1992 – 1994 гг. динамика конфликта характеризовался на фоне продолжающейся гражданской войны. С начала мирных переговоров в 1994 г. конфликт на общем фоне сближения сторон, в то же время приобретала остроту провокационная деятельность других радикалов в лице отдельных полевых командиров, направленная на дестабилизацию общей политической ситуации и обострение конфликта. В этом отношении наиболее известна группа Резвона Садилова, уничтожившая не один десяток сторонников светского режима. Также достаточно вспомнить боевые действия, которые развернул в 1997 и 1998 гг. против правительственных сил полковник Махмуд Худойбердыев.

Также среди представителей исламского движения в период примирения в 1998-1999 гг. не было единого мнения относительно перспектив дальнейшей политической борьбы. Внутри ПИВТ выделялись различные фракции с различными политическими установками.

Среди радикалов особо выделялась образованная в Гарме нелегальная партия «Такфир», которая критиковала ПИВТ за «соглашательство с правительством и предательство исламских ценностей». Лидером «Такфира» стал Мулло Амирхон.

В то же время ислам, который использовался как сила с консолидирующим потенциалом, являлся и источником разобщения общества. Так высшее мусульманское руководство (*казийат*) республики во главе А. Тураджонзода поддержало сторонников исламизма, ратующих за создание в Таджикистане исламского государства. В ответ на это мусульмане Кулябской области на этнической и клановой основе создали независимые структуры духовной власти. Идеи автокефалии охватили также и духовенство Ленинабадской и Курган-Тюбинской областей. Более того, как отмечает таджикский исследователь Г.Р. Мирзоев «осенью 1992 года, группа активистов ПИВТ провозгласила создание в Каратегине Гармской исламской республики. Это был уже прямой вызов конституционному строю Таджикистана»¹.

¹ Мирзоев Г.Р. Преодоление конфликтной ситуации в республике Таджикистан. Россия и восстановление мира (90-е годы XX в.): дис. ... канд. ист. наук. – М.: Институт Российской истории РАН, 2004. – 192 с.

Справедливости ради нужно отметить, что основой конфликта также стал и третий фактор – нарастающий в обществе к этому времени этнический и клановый конфликт. Ведь гражданская война в Таджикистане в 1993 – 1997 гг. была также в значительной степени этническим и клановым конфликтом между Севером и Югом. Территориальными кланами были худжандский (или ленинабадский), кулябский, кургантюбинский, каратегинский, гиссарский, а также этнотерриториальный памирский (или горно-бадахшанский) кланы.

Первые партийные кадры Таджикистана формировались из южан, представителей Каратегинской долины, Памира и Куляба. Южане в числе первых стали опорой большевистской политики, в то же время оставаясь в рамках исламского влияния, что сказалось и на современной ситуации в Таджикистане. В 1937 г. первое революционное таджикское правительство (южане) было полностью подвергнуто репрессиям. После Второй мировой войны власть перешла к представителям ходжендской элиты, которые удерживали ее вплоть до 1980-х годов¹.

В 1990 г., с начала противостояния между властями и нарождающейся оппозицией, данный этнический фактор заявил о себе. Южане использовали исламскую и демократическую идеологию (в районе Каратегина все большее влияние приобретала Партия исламского возрождения Таджикистана), северяне старались править по старым коммунистическим правилам².

По мнению таджикского исследователя Г.Р. Мирзоева, «этнорегиональная разобщенность вынуждала таджиков воспринимать различные партии и их лидеров в качестве представителей «своей» или «чужой» этнорегиональной группы, а не всего населения»³.

Так по данным проведенного в 1992 г. бюро журнала «Центральная Азия» в Таджикистане неформального опроса о причинах внутритаджикского конфликта, жители Душанбе (среди которых проводился опрос) выделили две основные: экономи-

¹ Шерматова С. Кто, с кем и за что воюет в Таджикистане // Московские новости. – № 6. – 11-18 февраля 1996.

² Олимова С. Коммунистическая партия Таджикистана в 1992-1994 гг. // Восток. – 1996. – № 2. – С. 52-62.

³ Мирзоев Г.Р. Преодоление конфликтной ситуации. – С. 37.

ческие трудности (21,3%) и регионализм (16,1%). Два года спустя, в августе 1994 г., аналогичный опрос дал несколько иные результаты: представление о вреде регионализма значительно укрепилось (об этом заявили 35% респондентов), и меньшим злом воспринимались экономические трудности (17,9%). Действительно, регионализм (местничество) лежит в ряду основных причин возникновения гражданской войны в Таджикистане... и во многом определял политическую ситуацию в республике на рубеже 1980-х – 1990-х годов»¹.

Также были созданы такие организации, как «Лаъли Бадахшон» (объединявшая представителей Горно-Бадахшанской автономной области), «Зарафшон», «Хамдилон», «Истаравшан» и др., основной целью которых являлась защита интересов различных регионов страны, что вело к нарастанию в Таджикистане сепаратизма, ставившего местные интересы выше общенациональных.

С начала конфликта идеология стала обслуживать гражданскую войну на клановой основе.

29 ноября 1990 г. в Таджикистане впервые введен пост президента и первым президентом Таджикской ССР избран К. Махкамов.

В ответ оппозиция в августе 1991 г. организовала многочисленные митинги с требованиями роспуска компартии, отставки президента, пересмотра закона о запрещении исламской партии возрождения, принятого в 1990 г. и др.

31 августа 1991 г. на внеочередной сессии Верховного Совета Таджикской ССР в повестку был вынесен вопрос о политической ситуации в стране. Депутаты вынесли недоверие президенту К. Махкамову, и он подал в отставку.

9 сентября 1991 г. была провозглашена государственная независимость Республики Таджикистан. 24 ноября 1991 г. новым президентом был избран Рахмон Набиев. Однако это не способствовало национальному примирению, а наоборот, положило начало новым конфликтам.

К дестабилизации социально-политической и экономической ситуации в стране привели непрекращающиеся многоднев-

¹ Мирзоев Г.Р. Преодоление конфликтной ситуации. – С. 116.

ные митинги (в конце марта 1992 г.) представителей оппозиции на улицах «Шахидон» и сторонников президента «Озоди».

Постепенно перманентные митинги охватил всю столицу. Сторонники правительства стали создавать батальоны национальной гвардии, а сторонники оппозиции, в свою очередь, стали создавать отряды самообороны «для охраны порядка». В этой ситуации на первый план выдвинулся четвертый фактор, выражавшийся, как показало развитие событий в 1990 – 1992 гг., в слабости официальной власти и отсутствии волевого харизматического лидера.

Указ президента Республики Таджикистан от 5 мая 1992 г. о введении чрезвычайного положения, предусматривавший запрет всех политических партий и митингов, и действие комендантского часа в Душанбе, не имел особого эффекта. Ситуация к этому времени уже вышла из-под контроля, наступили полный паралич власти и период решения политических вопросов военными средствами. С июня 1992 г. между сторонами начались вооруженные столкновения, приобретающие все более кровопролитный и криминализованный характер¹.

Деструктивную роль в тот момент сыграли и «силовые структуры» молодого государства, которые фактически самоустранились от наведения порядка, заявив о своем «нейтралитете». Более того, в связи с ростом местнических настроений многие руководители органов безопасности и правосудия разбежались по своим регионам, и сами приняли участие в вооруженной борьбе².

Появление на политической арене в ноябре 1992 г. неизвестного руководителя совхоза Эмомали Рахмонова можно назвать, с одной стороны, историческим парадоксом, с другой – определенной закономерностью.

Безвластие в стране и отсутствие идеологических основ государственности стали следующим фактором в этом конфликте. Когда с политической сцены уходила старая идеология, партийный аппарат вместо того, чтобы дистанцироваться от нее в пользу демократических преобразований, хватался за старые ценности.

¹ Искандаров А. Интеграция в Центральной Азии: политические аспекты. – Душанбе: «Ирфон», 2007. – 287 с.

² Мирзоев Г.Р. Преодоление конфликтной ситуации. – С. 59.

Как отмечает исследователь конфликта Искандар Асадуллаев, нужно было внятно заявить о типе строящегося государства и сделать четкий выбор между коммунизмом, исламом и демократией.

Так? лидеры нескольких оппозиционных движений – Партии исламского возрождения Таджикистана, Демократической партии, Народного движения Таджикистана «Растохез», движения «Лаъли Бадахшон» создали коалицию, позже получившую название «Объединенной таджикской оппозиции» (ОТО). Странники ОТО не только яростно противились коммунизму, но и выступали за вооруженную борьбу во имя установления в стране исламского порядка, имели конкретные политические цели в отличие от правящей элиты. Они даже выступали в сотрудничестве с демократическими силами.

В этом случае важной заслугой «Комиссии национального примирения» стала подготовка предложений по внесению изменений и дополнений в Основной Закон Республики Таджикистан – Конституцию. Эти изменения были приняты 26 сентября 1999 г. на всенародном референдуме.

Впервые были определены понятия «народ», «власть», «государство», «правительство» и т.д. Запрещено узурпирование государственной власти какой бы то ни было организацией, группой или индивидуумом. Конституция объявила, что «создание и деятельность общественных объединений, пропагандирующих расовую, национальную, социальную и религиозную вражду или призывающих к насильственному свержению конституционного строя и организации вооруженных групп, запрещается». Конституция Республики Таджикистан объявляла Таджикистан унитарным и единым государством, причем с учетом реальных условий страны, она определила его составные части, которые состоят из Горно-Бадахшанской автономной области, областей, городов, районов, поселков и *джама'атов*¹.

Важнейшей вехой в этом противоборстве стали переговоры в Москве, при посредничестве специального представителя Генерального секретаря ООН, между лидерами Объединенной таджикской оппозиции (ОТО) и правительством Таджикистана. В дальнейшем переговоры продолжились в Тегеране, Исламабаде,

¹ Основа новейшей государственности / под. ред. М. Убайдуллоева. – М., 2002. – 367 с.

Кабуле, Ашхабаде, Алма-Ате и закончились в июне 1997 г. в Москве подписанием соглашения между конфликтующими сторонами о прекращении вооруженной борьбы и создании коалиционного правительства¹. В сентябре 1997 г. в Душанбе начала работу Комиссия по национальному примирению, которую возглавил Саййид Абдулло Нури, в задачу которой входила реализация плана вхождения во власть представителей оппозиции, обеспечение 30-процентного изменения состава правительства.

В Таджикистане в это время наметились две основных силы: Движение исламского возрождения Таджикистана (ДИВТ), которое согласно положениям соглашения должно быть легализовано и стать политической партией, участвующей в легальном политическом процессе и новое Движение за национальное единство и возрождение Таджикистана (ДНЕВТ), которое возглавил сам президент Э. Рахмонов.

Законодательное закрепление ПИВТ в рамках секуляристской политической и правовой системы является большим шагом в развитии мирного процесса в Таджикистане.

В последующем (в феврале 2000 г.), в Таджикистане состоялись парламентские выборы. В них по официальным данным приняло участие 85% взрослого населения республики, победу на которых одержала партия, возглавляемая Э. Рахмоновым, ПИВТ заняла 3-е место после коммунистов. В марте 2000 г. закончила работу Комиссия по национальному примирению в качестве основного механизма реализации общего соглашения об установлении мира и национального примирения в Таджикистане.

Но на современном этапе в управленческой структуре Таджикистана, несмотря на соглашение об участии представителей оппозиции в системе власти, как установила С. Олимова, «политические акторы исламской ориентации и ранее и сейчас не занимают равноправное место в политическом процессе в Таджикистане, что может способствовать радикализации их позиций»².

¹ Akiner S. Tajikistan: Disintegration or Reconciliation? – London: Royal Institute for International Affairs, 2001. – p. 57.

² Олимова С. Духовные лидеры в современном мусульманском обществе Центральной Азии. Опыт Таджикистана // Мусульманские лидеры: социальная роль и авторитет. – Душанбе: Научно-исследовательский центр «Шарк» и Фонд им. Фридриха Эберта, 2003. – С. 22-25.

Так в настоящее время, по оценке таджикских исследователей, «в легальном политическом процессе участвуют, как минимум, пять групп исламских лидеров. Первая группа – исламские лидеры, которые заняли посты в правительстве Республики Таджикистан и отмежевались от Партии исламского возрождения Таджикистана.

Вторая группа – это лидеры исламской ориентации, занявшие место в политической системе Таджикистана.

Третью группу составляют лидеры исламской ориентации, занявшие место в политической системе Таджикистана согласно квоте, выделенной для представителей ОТО, однако вышедшие из ПИВТ и вступившие в НДПТ.

К четвертой группе относятся исламские лидеры, которые не заняли места в политической системе Таджикистана. Это, прежде всего, Саййид Абдулло Нури. К пятой группе также можно отнести руководство исламского духовенства, оставшегося лояльным правительству в годы гражданской войны. Это, например, Амонулло Ньѐмат-зода – ныне глава Шуру-и уламо (Совет улемов)¹.

Затем в руководстве ПИВТ после смерти Саййид Абдулло Нури пришли прагматичные лидеры, например, Мухйиддин Кабири. Эти люди, оставаясь исламистами, в то же время нацелены на продолжение модернизации страны и ускорение ее темпов².

Таким образом, в Таджикистане был на тот момент создан уникальный прецедент примирения светскости и религиозных начал (нельзя забывать о том, что исламская оппозиция по началу требовала создания на территории Таджикистана исламского государства, что являлось их основным программным положением), путем мирного раздела власти между правительством и оппозицией³. Анализ и выявление факторов, способ-

¹ Олимов М. Хамадов С. Неформальное лидерство в странах Центральной Азии: каким будут новые вожди? // Мусульманские лидеры: социальная роль и авторитет. – Душанбе: Научно-исследовательский центр «Шарк» и Фонд им. Фридриха Эберта, 2003. – С. 47-52.

² Звягельская И. Государство и ислам в Центральной Азии: к постановке вопроса // Секуляризм и ислам в современном государстве: что их объединяет? Мат-лы Межд. «круглого стола» (г. Алматы, 30 ноября 2007 г.) / ответ. ред. Б.К. Султанов. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2008. – С. 99-107.

³ Зайферт А., Крайкемайер А. О совместимости политического ислама и безопасности в пространстве ОБСЕ. – Душанбе: Шарки озод. 2003. – 234 с.

ствовавших достижению перемирия и соглашения с обеих сторон и дальнейшего интегрального процесса, являются важными аспектами нашего исследования. Этот фактор свидетельствует о возможности в условиях гражданского общества к рассмотрению поиска и установления мирного соотношения светскости и религиозного, что является основным уроком Гражданской войны в Таджикистане. Главное условие в этом процессе – благие цели лидеров сторон. Так плодотворная деятельность Комиссии национального примирения и его председателя С.А. Нури сыграла одну из ведущих ролей в стабилизации внутривнутриполитического положения в республике.

Другой урок этого процесса состоит в том, что дает исследователям возможность ответа на вопрос: возможно ли включение положительного потенциала традиционного исламского вероучения в процесс формирования институтов государственности, возможности соотношения светскости и религиозного, несмотря на главенство секуляристского подхода в этом вопросе? Основной урок Гражданской войны состоит в том, что ислам ассоциируется не только с экстремизмом, но многовековой традицией народа, историческим процессом формирования особенностей его мышления, уклада жизни, оценкой и использованием этого потенциала в развитии страны, «ориентированного на модель сосуществования»¹. Наверно, этим объясняется тот факт, что Таджикистан одной из первых стран Центрально-азиатского региона объявил 2009 г. годом Абу Ханифы (умер в 767 г.).

Таджикский опыт показывает, что с легализацией исламской партии ее члены «проходят конструктивный процесс адаптации к нормам и требованиям действующего законодательства, а также социализации и интеграции в общественно-политическую жизнь, что оказывает глубокое влияние на сущность и характер их деятельности». В этом случае «дальнейшие перспективы светского государства в обществах с мусульманским населением тесно связаны с решением таких важнейших проблем,

¹ Шозимов П. Различные восприятия национального государства элитами Таджикистана // Секуляризм и ислам в современном государстве: что их объединяет?: материалы Международного «круглого стола» (г. Алматы, 30 ноября 2007 г.) / ответ. ред. Б.К. Султанов. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2008. – С. 236-259.

как отмежевание от радикально-идеологического подхода к светскости, разработка идейной базы соотношения светскости и религиозности, в том числе светского государства и религии, и разработка демократических правовых механизмов гарантирования светскости государства»¹.

В марте 2009 года в Таджикистане был принят новый Закон «О свободе совести и религиозных объединениях», в котором исламская правовая школа «Ханафия» была объявлена официальным религиозным течением. По мнению разработчиков Закона, причиной принятия этого законопроекта стало появившееся в последнее время в обществе религиозный радикализм, нигилизм и некоторые чуждые для нашего народа течения в исламе стали причиной принятия нового закона. Объявление течение «Ханафия» официальным религиозным течением Таджикистана было обусловлено тем, что в настоящее время в стране официально действуют около 3 тыс. мечетей, из которых 259 являются соборными, а также Исламский университет и 19 религиозных образовательных учреждений (медресе) и все они зарегистрированы как последователи ханафитского течения в исламе.

Таджикистан к началу 2000 года смог обеспечить устойчивую стабильность своей политической системы, дальнейшая судьба которой зависит от хода этого интегрального процесса и достижения качественного нового уровня осознания данной проблемы². В этом случае специфическим отличием от других стран Центральной Азии является то, что в политической системе Таджикистана активно действовало ПИВТ, тогда как в других странах региона деятельность политических партий, созданных на религиозной основе запрещена.

Итак, проведенный анализ показал, что к 1991 г. в Таджикистане были сильны кланово-региональные интересы (устремление региональных элит), которые в своих политических целях (стремление захвата власти) стали активно использовать ислам.

¹ Рахнамо А. Практические проблемы становления светского государства в мусульманском обществе: опыт Таджикистана // Секуляризм и ислам в современном государстве: что их объединяет? Мат-лы Межд. «круглого стола» (г. Алматы, 30 ноября 2007 г.) / отв. ред. Б.К. Султанов. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2008. – С. 214-235.

² What role for «traditional-religious» authorities in fragile states? The example of Tajikistan // Foreign Voices? – Germany, Bonn, 2006. – № 1. – P. 2-5.

В силу этого представители разных противостоящих региональных групп активно искали поддержки у исламского духовенства. В итоге исламская пропаганда была использована для продвижения базовых интересов некоторых региональных групп. Во взаимном интегрировании исламских радикалов и региональных элит ислам стал превращаться в серьезную политическую силу. Это в итоге привело к внутриэтническим столкновениям, разрешение которых оказалось возможным только ценой многолетней гражданской войны.¹

Для Таджикистана следующей острой проблемой стала деятельность «Хизб ат-тахрир», которая активизировала свою деятельность, в первую очередь, на севере страны. В частности, в феврале 2004 г. только в одной Согдийской области правоохранными органами были задержаны 22 члена этой организации, а за 2005 г. правоохранительные органы в республике арестовали 99 активистов данной организации, включая 16 женщин. По данным информационного агентства *ferghana.ru*, только в Таджикистане в 2006 г. было задержано около 90 членов «Хизб ат-тахрир».

Также в 2004 г. о своей деятельности заявила новая экстремистская организация «ал-Бай‘ат» (в переводе с арабского – «клятва»), когда в Исфаринском районе было совершено убийство священника. Так в октябре 2006 г. в Согдийской области были задержаны 6 членов этой запрещенной религиозной экстремистской организации. Между этими вышеупомянутыми экстремистскими организациями происходит постепенное сращивание.

Всему этому процессу предшествовала череда событий, заложившая основу для этих проявлений. Так, в конце 1980-х годов, когда перестройка ослабила внешние границы СССР, через Афганистан проникли первые исламистские эмиссары, основавшие свои ячейки в Таджикистане и Ферганской долине². В это время возникли и первые религиозные диспуты между традиционалистами и фундаменталистами³. Эти противоречия в

¹ Таджикистанские фантомы. IWPR. – 20-01-2007

² Вагабов М.В. Ваххабизм: история и современность. – Махачкала, [б.и.], 2000. – 727 с.

³ Файзуллаев Д. Радикализация ислама в постсоветской Центральной Азии // *Азия и Африка сегодня*. – М., 2008. – № 11. – С. 15-19; также, Шерматова С. Так называемые ваххабиты // *Чечня и Россия: общества и государства*. – М., [б.и.], 1999. – С. 13-15.

Таджикистане, в Ферганской долине, на Северном Кавказе приобрели радикальную форму в 1999 г. (этот этап выше рассматривался на примере Узбекистана), когда ставшая фактически независимой Чечня попала под контроль исламских радикалов, и имела место активизация исламистских направлений в форме «*такфири*» и «*джихадизм*»¹.

Данные противоречия привели к еще большему усложнению религиозной сферы. Так по данным Генпрокуратуры Таджикистана, в 2005 г. против членов различных экстремистских организаций в республике было возбуждено 74 уголовных дела в отношении 99 человек, что на 2% превышает уровень 2004 года. За 9 месяцев 2006 г. МВД Республики Таджикистан предотвратило совершение 10 терактов, которые готовили боевики ИДУ. Примечательно, что 80% этих людей являются гражданами Узбекистана, остальные – Кыргызстана и Таджикистана.

Кроме того, 30 марта 2006 г. Верховным судом Таджикистана признаны террористическими и запрещены на территории республики 10 организаций – «ал-Ка'ида», «Исламское движение Узбекистана», «Братья-мусульмане», «Лашкар-и Тайба», «Тали-бан», «Организация освобождения Восточного Туркестана», «Джама'ат-е Таблиг», «Свободный Таджикистан», «Исламская группа Пакистана» (Джам'ийат-е Ислам-и Пакистан), «Созмони Таблигот».

Наиболее ярким в череде этих событий стало уход в 2015 году в ряды террористической организации «Исламское государство» командира ОМОН МВД Таджикистана Гулмурод Халимова, который позже стал военным руководителем «министром войны» террористической организации «Исламское государство», сменив на этом посту погибшего Тархана Батирашвили по прозвищу Абу Умар аш-Шишани. Свое решение Халимов объяснил протестом против «грязных методов» работы МВД Таджикистана, запретом на пятикратное совершение намаза и ношение традиционной мусульманской одежды в стране. Халимов пообещал вернуться в Таджикистан, чтобы установить там законы шариата.

Казалось бы, удачный таджикский опыт, начиная с 2005 года постепенно находить трещины. Прошедшие 27 февраля 2005 года

¹ В Чечне готовят «бойцов ислама» // Коммерсант. – 16.12.1998; Филичкин В. Всегда вчерашнее завтра // Деловой Урал. – 22.10. 1999.

парламентские выборы закрепляют успех Э. Рахмонова. «По итогам выборов прежняя 30%-ная доля оппозиции в политическом руководстве страны была сокращена. Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) получила только два места в парламенте из 63 возможных. Налицо – вытеснение исламской оппозиции с государственных постов»¹. Постепенно в Таджикистане исламская оппозиция была подавлена и вытеснена за пределы республики, в основном, в Афганистан, Иран, Турцию и Россию. Апогеем стало события сентября 2015 года, когда генерал Абдухалим Назаров (Назарзода), заручившийся поддержкой десантников, попытался организовать в Таджикистане военный переворот. У самого генерала версия другая: налицо провокация властей с целью задуть исламскую оппозицию. И в действительности после этих событий Генеральная прокуратура обвинил председателя оппозиционной Партии исламского возрождения (ПИВТ) Мухийддина Кабири в том, что он организовал мятеж в Таджикистане. Далее ПИВТ в законном порядке прекратило свою деятельность.

Опираясь на опыт Таджикистана, можно сделать заключение о недопустимости противостояния между верующими и властью. История развития религиозной ситуации в Кыргызстане и «горького» опыта Таджикистана показала, что главным следствием военного противостояния мусульман с властью станет «милитаризация» религиозных групп.

Кыргызстан. История развития религиозной ситуации в Кыргызстане показала активизацию «импортированного» ислама, который представляли такие нетрадиционные деструктивные религиозные направления, как «Хизб ат-тахрик», «Такфир» и новые христианские протестантские организации. В данном случае, кыргызы-прозелиты создали другую проблему – межконфессиональных отношений среди титульной нации.

В развитии религиозной ситуации отчетливо прослеживаются несколько отрицательных тенденций, которые могут повторить «горький» опыт Таджикистана.

¹ Муканов М.Р. Угроза религиозного экстремизма в ЦАР <http://repository.enu.kz/bitstream/handle/123456789/1492/ugroza.pdf>

Первым отрицательным проявлением является допущение фактора политизации религии, его использование определенными политическими силами в своих интересах.

Как установил кыргызский исследователь К. Маликов, «состоявшиеся в 2005 году парламентские и президентские выборы выявили также ряд тенденций, который до этого явно себя не обнаруживали, ... к примеру, Турсунбай Бакир-уулу не только выдвинул себя в качестве претендента на пост президента страны, но и получил достаточно серьезную поддержку. Впервые в истории нового Кыргызстана активисты «Хизб ат-тахрира» вели агитацию за кандидата-мусульманина, читающего намаз. Как правило, агитация велась за пределами мечетей, где верующих призывали поддержать кандидата в президенты, который в отличие от других является истинным мусульманином».

Далее он отметил, что «другой не менее важной тенденцией, проявившей себя в условиях смены власти в стране, стало намерение некоторых политиков и бизнесменов «занять свободную нишу», создав в Кыргызстане политическую партию исламского толка и затем по партийным спискам попасть в новый парламент. По словам инициаторов этой идеи, они уже имеют контакты с коллегами из Турции и ОАЭ»¹.

В период президентских (июнь-июль 2005 г.) и парламентских (февраль-март 2005 г.) выборов члены «Хизб ат-тахрир» вели переговоры с несколькими кандидатами в депутаты, а на президентских выборах голосовали как бы за своего кандидата².

Таким образом, в 2005 г. впервые в истории суверенного Кыргызстана в числе кандидатов на пост президента страны был зарегистрирован гражданин Кыргызстана, сделавший ставку на религиозный фактор.

Чтобы положить конец критике по поводу терпимого отношения Кыргызстана к «Хизбут-Тахрир», 17 августа 2005 года президент Кыргызстана К. Бакиев подписал закон «О противодействии экстремистской деятельности», который создал норма-

¹ Маликов К. Свежие данные по исламу в Кыргызстане // Интернет-издания Tazar. – 06.07.2007.

² Жусупалиев Э. Партия «Хизб-ут-Тахрир» активно участвовала в выборах в Киргизии // <http://news.ferghana.ru>. 19.07.2005.

тивно-правовую базу для идентификации фактов экстремизма и уголовного преследования лиц, обвиненных в экстремистской деятельности.

В Кыргызстане сложилась аналогичная Казахстану религиозная ситуация, характеризующаяся следующими отрицательными проявлениями: во-первых, огромным религиозным многообразием, низким религиозным уровнем знания мусульман и присутствием в конфессиональном пространстве новых нетрадиционных религиозных направлений, и их активной деструктивной деятельностью; во-вторых, либеральным законодательством в религиозной сфере, слабостью государственных контролирующих органов и религиозных институтов. Также она отличается широким присутствием внешнего фактора, в особенности его проникновением в религиозно-образовательную сферу и потерей духовных корней¹.

Так, в Кыргызстане, по последним данным, если в 1990 году в Кыргызстане действовало 39 мечетей, то к 2014 году в стране действуют 2 362 мечети и 81 исламское учебное заведение, входящие в структуру Духовного управления мусульман Кыргызстана (далее – ДУМК). Также к 2014 году в Кыргызской Республике зарегистрировано 68 мусульманских центров, фондов и объединений, занимающихся образовательной, просветительской, благотворительной деятельностью и строительством культовых объектов.

Продолжает расти и численность христианских организаций в стране, количество которых к 2014 году достигло 378. Самой крупной из них по числу верующих является Бишкекская и Кыргызстанская епархия Русской православной церкви Московского Патриархата. До 1991 года в Кыргызстане существовало 29 приходов, в настоящее время действует 49 приходов и 1 женский монастырь. Православие в 2012 году отметило 140-летие присутствия в Кыргызстане.

В период с 2003 по 2014 годы на территории Кыргызской Республики судами разных инстанций запрещена деятельность следующих экстремистских, террористических и деструктивных

¹ Малышева Д.Б. Постсоветский Восток в поисках религиозной идентичности // Независимая газета. Религии. – 18.08.2002.

организаций: «Аль-Каида», «Движение Талибан», «Исламское движение Восточного Туркестана», «Курдский народный конгресс» («Конгра-Гель»), «Организация освобождения Восточного Туркестана», «Хизб-ут-Тахрир аль Ислами», «Группа джихада» («Союз Исламского джихада»), «Исламская партия Туркестана» («Исламское движение Узбекистана»), «Жайшуль Махди», «Джундуль Халифат», «Ансаруллох», «Ат-Такфир Валь-Хиджра», «Церковь объединения Муна», «Акромия».

По данным Госкомиссии по делам религий, в независимом Кыргызстане проживают представители 84 национальностей, около 80% населения составляют мусульмане, 16% – православные, 4% приходится на представителей других конфессий¹. Исламская периодика представлена двумя газетами: республиканской «Ислам маданияты» (Бишкек) и областной «Мусульманин» (Джалал-Абад).

31 декабря 2008 г. в Кыргызстане приняли новую редакцию действующего закона «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике» от 1991 года. С его принятием действующий старый закон утратил свою силу. Новая редакция Закона состоит из 30 статей и предусматривает, к примеру, создание религиозной организации по инициативе не менее 200 граждан, постоянно проживающих на территории Кыргызстана (по старому закону – не менее 10 человек). В нем предусмотрены и другие новшества, запрещаются настойчивые действия, направленные на обращение верующих одних конфессий в другие (прозелитизм). Кроме того, запрещается распространение литературы, печатных, аудиовидеоматериалов религиозного характера в общественных местах (на улицах, бульварах), обход квартир, детских учреждений, школ и высших учебных заведений. По заверению властей, принятию этого закона способствовали последние события в Ноокате в октябре 2008 г., когда группа верующих предъявила ультиматум властям, потребовав центральную площадь для праздничного намаза. Попытка разогнать их обернулась массовыми беспорядками. Позже, обвинение предъявило суду свои доказательства принадлежности активных участников тех событий к запрещен-

¹ Маликов К. Религиозная ситуация в Кыргызстане // Время Востока. – 21.01.2008.

ной в стране партии «Хизб ат-тахрир». Также 9 декабря 2006 г. проведение пятничной молитвы кыргызских мусульман переросли в массовые акции протеста, которые прошли одновременно в столице и в нескольких городах республики. Протестующие требовали отставки верховного муфтия – руководителя Духовного управления мусульман страны (ДУМ) Мураталы Жуманова, который якобы нарушил нормы шари‘ата и неверно назначил дату Курбан-байрама на 31 декабря вместо 30 декабря.

Также распоряжением Премьер-министра Кыргызской Республики от 21 января 2008 г. № 16-р утвержден «Межведомственный план по предупреждению и недопущению распространения религиозного экстремизма, фундаментализма, деятельности религиозно-экстремистской партии «Хизб ат-тахрир» и конфликтов на религиозной основе до 2010 года».

В Кыргызстане 7 октября 2008 г. Комитет по конституционному законодательству, государственному устройству, законности и правам человека Жогорку Кенеш Кыргызстана на своем заседании одобрил проект постановления Жогорку Кенеша «О религиозной ситуации в Кыргызстане», который предусматривает усиление координирующей роли уполномоченного государственного органа по делам религий, а именно преобразование Государственного агентства по делам религий при правительстве Кыргызской Республики в Национальное агентство по делам религий. Статус контролирующего органа при Правительстве был поднят до уровня Национального, хотя первоначально в Киргизии существовал Совет по делам религий (1991 г.), но уже в июле 1996 г. преобразован в Государственную комиссию по делам религий, с двумя крупными отделами – по делам ислама и христианства, соответственно, и с положенным штатом в каждой из областей республики.

После обретения независимости Кыргызстаном был образован собственный *муфтият* – Духовное управление мусульман Кыргызской Республики (ДУМКР), также созданы областные духовные управления мусульман, которые координируют деятельность исламских организаций.

26 декабря 1996 г. состоялся первый *курултай* мусульман Кыргызстана, являющийся высшим органом ДУМ Кыргызстана, где впервые при участии более 450 делегатов был утвержден

Устав ДУМ – правовой документ, регулирующий деятельность исламских организаций, Совета Улемов, а также Центральной контрольной комиссии. В ходе работы *курултая* получил правовой статус должность Азрети Муфтия – как высшего мусульманского духовного лица, избран Совет Улемов в составе 25 видных богословов, признанный высшим руководящим органом ДУМ. Главой мусульман с 1990 по 1996 гг. и 2000 – 2002 гг. являлся Кимсанбай-ажы Абдурахманов, а с 1996 по 2000 гг. муфтием был Абдусатар-молдо Мажитов, с 2002 г. – Муратали-ажы Жуманов¹.

В структуре ДУМ Кыргызской Республики на 2009 год функционировали 9 *казыятов*, 1649 мечетей, 8 религиозных высших учебных заведений, из них 1 университет в городе Бишкек, 49 медресе, 47 фондов, центров и объединений исламской религии, а также 3 миссии зарубежных конфессий ислама. Эти цифры на сегодняшний день выросли. Наибольшее количество мечетей (76,1%) приходится на южные регионы страны. В Кыргызстане также активно представлен и кланово-региональный, и этнический фактор, который как в Таджикистане может в будущем, при сложившихся обстоятельствах вкупе с религиозным фактором или, используя религиозные учения, быть использованным определенными политическими кругами в своих интересах. Слабой позицией, во-первых, считается разделение Кыргызстана на «север» и «юг» и определенные региональные противоречия между ними. Во-вторых, таковой является этнический фактор (узбеки) на юге республики. Впервые сторонники исламского радикализма в Кыргызстане появились на юге в 1980-х гг. под влиянием узбекской части Ферганской долины. Они состояли из узбекских жителей сельских районов, окружающих города Ош и Джалал-Абад.

В советское время в Кыргызстане, как и в Казахстане, граждане не имели возможности получения исламского образования на территории своей страны. В религиозно-образовательной сфере Кыргызстана сильно ощущается присутствие внешнего фактора. Так, на современном этапе в Кыргызстане действуют

¹ Мурзахалилов К. Ислам в Кыргызстане: становление и перспективы развития // Секуляризм и ислам в современном государстве: что их объединяет? Мат-лы Межд. «круглого стола» (г. Алматы, 30 ноября 2007 г.)/ответ. ред. Б.К. Султанов. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2008. – С. 181-187.

39 медресе, 7 высших исламских учебных заведений, большая часть которых была построена за счет зарубежных спонсорских средств. В различных зарубежных исламских учебных заведениях по данным Духовного Управления мусульман Кыргызстана (ДУМК) обучаются 543 гражданина Кыргызстана. Подавляющее большинство выезжают в Арабскую Республику Египет, Турцию, Пакистан, Сирию и Кувейт. В г. Ош действует Ассоциация религиозных учебных заведений.

Под прямым воздействием этого фактора мусульмане Кыргызстана разделились на несколько групп: 1) выпускники университета «ал-Азхар»; 2) последователи группы «Таблиги джам‘ат», обучавшиеся в Пакистане; 3) последователи отдельных имамов; 4) выпускники высшего исламского института «ал-Бухари» в советский период; 5) приверженцы «саудовской модели» ислама; 6) влияние турецких групп на теологическом факультете, финансируемом турецким фондом «Дианет Вакфы»¹.

Ислам в Кыргызстане можно разделить по следующим параметрам – официальный и параллельный ислам. Официальный ислам характеризуется консерватизмом и традиционностью, и в настоящее время переживает кризис. Параллельный ислам представлен неофициальными религиозными лидерами и группировками нетрадиционного ислама.

В Кыргызстане на момент 2014 года действовали 3 исламских университетов и 7 исламских институтов (Университет имени Хазрети Умар и 6 исламских университетов), а также 52 медресе. Каждое из них имеет свою учебную программу и методику преподавания. В большинстве медресе преподаются только 4-5 предметов – это изучение Корана, *хадисы*, шарих‘ат, арабский язык и *‘акида* (вероубеждение). Учитывая эту особенность, сначала Таджикистан, а потом и Кыргызстан задумались о реформировании системы мусульманского образования в сторону ее унификации. Они отмечают, что до сих пор во многих религиозных образовательных учреждениях нет единых учебных программ, стандартов.

¹ Мурзахалилов К. Ислам в Кыргызстане: становление и перспективы развития // Секуляризм и ислам в современном государстве: что их объединяет? Мат-лы Межд. «круглого стола» (г. Алматы, 30 ноября 2007 г.) / ответ. ред. Б.К. Султанов. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2008. – С. 181-187.

В сфере законодательства появились продвижения в сторону усиления контроля над деятельностью радикальных религиозных организаций. В Кыргызстане 19 августа 2005 г. вступил в силу закон «О противодействии экстремистской деятельности». 16 июня 2006 г. парламент – Жогорку Кенеш принял закон «О противодействии финансированию терроризма и легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем». 10 ноября 2006 г. президент Кыргызской Республики Курманбек Бакиев подписал закон «О противодействии терроризму».

Кроме того, 28 марта 2005 г. была признана экстремистской и запрещена деятельность «Хизб ат-тахрир». В Кыргызстане было совершено несколько терактов: это взрывы в г. Оше, убийство лидера «Иттипака», представителей китайских властей, находившихся в служебной командировке в Кыргызстане, а также представителя посольства КНР. Начиная с 1995 г. существует постоянная угроза вторжения в республику с юга отряда боевиков Джумабая Намангани в с. Хаит Гармского района Таджикистана. Так, в конце 2002 и в 2003 гг. в разных местах Кыргызстана было осуществлено несколько террористических актов, в которых были обвинены ИДУ и «Исламское движение Восточного Туркестана».

С 1999 по 2011 год в Кыргызстане было отмечено 1 059 фактов экстремизма.

В 2014 году была принята новая «Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014 – 2020 годы», которая определило основные направления и принципы государственного регулирования деятельности религиозных организаций и объединений.

Негативный фактор был представлен также активной деятельностью крупнейшей и влиятельнейшей в Кыргызстане экстремистской партии «Хизб ат-тахрир» и их политическими устремлениями вплоть до возможного признания этой партии в качестве официальной¹. Последователи формируются за счет слабого знания основной частью верующих основ ислама, в особенности со стороны молодежи².

¹ Ботобеков У. Внедрение идей партии «Хизб ат-Тахрир ал-ислами» на юге Киргизии // Ислам на постсоветском пространстве. – М., 2001. – С. 129-153.

² Мамаюсупов О.Ш., Мурзахалилов К.К., Маматалиев К.К. Ислам в Кыргызстане: тенденции развития. – Бишкек: [б.и.], 2004. – 350 с. (С. 145)

Исследователь К. Маликов в становлении «Хизб ат-тахрир» выделяет четыре этапа, его постепенным приспособлением к местным условиям и выходом на глобальный (экспансионистский) транснациональный уровень «с целью унификации идеологий с общеисламским протестным движением»¹.

Со второй половины 1990-х годов ячейки «Хизб ат-тахрира» стали появляться в Узбекистане, а затем и в приграничных с Узбекистаном районах Ошской области. Наибольшую активность проявляют «хизб ат-тахрировцы» на юге республики – в Ошской и Джалал-Абадской областях, где они создают первичные ячейки партии («*халка*») из пяти человек, которых опытные активисты отбирают среди верующей молодежи. Вновь привлеченных «послушников» обучают основам религии на законспирированных курсах.

Деятельность уйгурских террористов связывают обычно с подпольной организацией ШАТ, «Исламская партия Туркестана» (ИПТ). Так, в Кыргызской Республике без официальной регистрации действует «Уйгурстон азадлик ташкилати» (УАТ-УОС).

Международное признание получила (как подпольная, террористическая) организация – Курдская рабочая партия (ПКК), переименованная в КАДЕК, или «Курдский конгресс за свободу и демократию». В Кыргызской Республике проживают 30 тыс. граждан курдской национальности, которые и стали объектом заинтересованности активистов ПКК².

На сегодняшний день, очевидно влияние на население Кыргызстана имеет движения «Таблиг Джамагат». Кыргызстан сегодня является центром «Таблиги Джамагат» в Центральной Азии.

В связи с влиянием внешнего фактора, необходимо иметь в виду, что Кыргызстан (как и все страны Центральной Азии) является неотъемлемой частью региональной политики и стратегических интересов, в первую очередь, США, России и Китая. В этом случае, присутствие единственной на сегодняшний день в

¹ Маликов К. Светское государство и исламский политический процесс в Кыргызстане: «мусульманский ресурс» как фактор государственного строительства // Секуляризм и ислам в современном государстве: что их объединяет? Материалы Международного «круглого стола» (г. Алматы, 30 ноября 2007 г.) / ответ. ред. Б.К. Султанов. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2008. – С. 151-179.

² Разаков Т. «Хизб ут-Тахрир» играет роль учебного центра для других террористических организаций <http://www.ferghana.ru> – 21.10.2002

Центральной Азии военной американской базы в Кыргызстане, ставит эту страну в один разряд с США, как государство, относящееся к «территории войны («дар ал-харб»), т.е. этот фактор может в деятельности некоторых исламских политических движений и оправдывает их агрессивные действия.

В этой ситуации самым главным негативным фактором является неопределенность духовных приоритетов и проявлением различных крайностей, например, вариант возможного признания как официальной экстремистской партии «Хизб ат-тахрир», или активный прозелитизм в лице новых христианских организаций.

Таким образом, как показал анализ раздела истории ислама в независимых странах Центральной Азии, появились реальные условия для активизации нетрадиционных направлений.

В Казахстане и Кыргызстане ситуацию определяют следующие отрицательные моменты: огромное религиозное многообразие, низкий уровень религиозных знаний мусульман, либеральное законодательство в религиозной сфере, слабость государственных контролирующих органов и религиозных институтов, широкое присутствие внешнего фактора в религиозно-образовательной сфере и частичная утрата духовных корней.

В Таджикистане и Узбекистане история развития религиозной ситуации взаимосвязана с историей политизации ислама, в Таджикистане она привела к гражданской войне, в Узбекистане к жестким конфликтам в обществе, что способствовало активизации радикальных нетрадиционных исламистских структур. В Таджикистане уроки Гражданской войны дали возможность осознать властям, что ислам ассоциируется не только с экстремизмом, но многовековой традицией народа, историческим процессом формирования особенностей его мышления, уклада жизни и мирным консенсусом враждующих сторон.

В Узбекистане жесткая политика по отношению к религиозным направлениям, с одной стороны, способствовала к положительному ограничению конфессионального пространства, с другой стороны, репрессивная политика государства привела к резкой радикализации исламской общины в Узбекистане, в особенности в Ферганской долине, результатом которой стало оформление оппозиционных исламистских структур.

К сожалению, острый недостаток объективной информации о ситуации в **Туркменистане** не позволил в полной мере освятить религиозную ситуацию в Туркменистане. Известно, что среди исповедующих ислам около 80% – туркмены, около 10% – узбеки, 3% – казахи, оставшиеся – азербайджанцы, белуджи и другие народности. В 2011 году число православных в Туркмении было около 445 тыс. человек – примерно, 8% населения страны.

Соответствующими постановлениями Президента Туркменистана ежегодно отмечаются религиозные праздники Ураза-байрама по завершении месяца Рамазан (1 нерабочий день) и Курбан-байрама (3 нерабочих дня). По официальным данным (2010 год), в стране было 398 мечетей.

Новый закон, регламентирующий религиозную ситуацию от 2016 года, установил жесткий контроль над религиозным образованием. Так согласно закону обучение религии несовершеннолетних разрешено лишь с согласия не только родителей и с разрешения специальной Комиссии по работе с религиозными организациями и экспертизе ресурсов, содержащих религиозные сведения, издательской и полиграфической продукции в Туркменистане. При этом продолжительность обучения не может превышать 4 часов в неделю (ст. 8).

Закон 2016 года создал специальную Комиссию по работе с религиозными организациями и экспертизе ресурсов, содержащих религиозные сведения, издательской и полиграфической продукции в Туркменистане. Ее полномочия весьма широкие: начиная от контроля деятельности религиозных организаций по исполнению ими законодательства о свободе вероисповедания, заканчивая принятием решений (совместно с местными органами власти) о строительстве религиозного сооружения.

Контроль в сфере религий осуществляет Генгеш по делам религии при Президенте Туркмении. Этот орган был создан в 1994 году для надзора за религиозными организациями. В состав Генгеша были включены муфтий, заместитель муфтия, православный благочинный и гражданский чиновник. Члены Генгеша, несмотря на светский характер государства, стали получать жалованье из бюджета, также как и члены велятских советов по делам религии (их возглавляют местные главные

имама). В соответствии с «Положением о Генгеше по делам религии при Президенте Туркменистана», Генгеш являлся государственным экспертным и консультативным органом по вопросам религий.

Известен стереотип о том, что у центральноазиатских народов существуют различия по степени их религиозности, где казахи и киргизы представлены как менее религиозные, чем узбеки и таджики¹. Так, изучая особенности самобытности религиозности у казахов, некоторые исследователи заявляли о «религиозном минимализме»². Однако российские исследователи Е. Ларина и О. Наумова отвергали такой взгляд, заявляя, что «этот религиозный минимализм распространяется, главным образом, на внешнюю сторону поведения мусульман-казахов, поскольку внутреннее наполнение гораздо сложнее. И то, что любое проявление религиозного сознания происходит под исламской риторикой, позволяет считать их религиозными мусульманами»³. Наши исследования показали, что особого иммунитета в вопросах религии не существует.

Проведенный анализ показал, что при реализации религиозной политики, учитывая опыт и ошибки центральноазиатских государств, следует ориентироваться на серединную линию между жесткостью и слишком мягким, либеральным подходом. В лице «исламского фактора» мы имеем один из действенных факторов в социально-политических процессах, что делает актуальным искоренение причин активизации деятельности нетрадиционных деструктивных религиозных направлений, а не бороться с ее последствиями. Опыт Таджикистана показал, что целесообразно проводить меры по укреплению основ традиционного ислама в качестве противовеса влиянию деструктивных религиозных организаций, опираясь на созидательный фактор.

Таким образом, проведенный анализ показал, что первоочередными внутренними проблемами являются неумение выстраи-

¹ Rakowska-Harmstone T. Islam and Nationalism: Central Asia and Kazakhstan under Soviet Rule // Central Asian Survey. – London, 1983. – Vol. 2. – №2. – P. 43-47.

² Privatsky B. G. Muslim Turkistan: Kazak Religion and Collective Memory. – London, 2001. – 272 p.

³ Ларина Е., Наумова О. «Ислам имамов» и традиционализм у казахов России // Вестник Евразии. – М., 2007. – № 3 (37). – С. 132-135.

вать государственными органами Центральной Азии конструктивных религиозных отношений (с использованием положительного потенциала традиционного ислама), это привело в отдельных случаях к процессу политизации религиозных направлений в деструктивном русле или использованием религиозного фактора определенными кругами в политических целях. В основном, все государства Центральной Азии поздно осознали положительный потенциал традиционной религии в противовес радикальным направлениям, тогда как некоторые группы, на начальном этапе, осознав огромную консолидирующую роль религии, использовали данный фактор в своих интересах. Религиозный фактор на сегодняшний день это качественный и количественный рост состава мусульман, что в условиях «спячки» государства ведет к использованию этого действенного фактора определенными политическими кругами. В Таджикистане это привело к Гражданской войне, в Узбекистане – к большим открытым конфликтам в обществе, в Кыргызстане и Казахстане – к сильной поляризации общества и непредсказуемым последствиям в будущем. В данной ситуации обычная мера государства – это упор на силовой метод, который ведет к еще большему усложнению религиозной ситуации, к его радикализации. Анализируя опыт стран Центральной Азии, мы пришли к выводу, что политика государства в религиозной сфере не должна быть пассивной или, наоборот, его другая крайность – упор на силовой метод, а должна развиваться в прагматичном русле. Мы выделяем ряд его аспектов:

1) определением и упором на традиционное религиозное мировоззрение, имеющее историческую и этнокультурную преемственность;

2) определение традиционных религиозных направлений в рамках направляющего участия государственных органов для конструктивного выстраивания отношения «государство – религия»;

3) включение в процесс консолидации населения неформальных авторитетов, а не их репрессия, как в Узбекистане, что создало дополнительную основу для радикализации населения;

4) ограничением в религиозных вопросах клановых и этнических интересов.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что основными проблемами в религиозной сфере остается сохраняющийся сравнительно низкий уровень религиозной культуры, который стал следствием установления советской власти, а на современном этапе, дефицитом высокообразованных религиозных авторитетов и кадров. Другим отрицательным фактором является отсутствие национального образовательного центра (Казахстан и Кыргызстан) и продолжающаяся зависимость некоторых религиозно-образовательных центров от зарубежных исламских организаций, а также активизация различных по своей направленности мусульманских движений и течений и их внутренние противоречия.

Недейственными ресурсами государственных органов остается осуществление позитивных шагов, направленных на включение исламских ценностей в процесс консолидации общества и укрепления государственности, использование положительного потенциала ислама.

Количественные и структурные изменения религиозного пространства также обусловлены следующими обстоятельствами внешнего воздействия:

- активизацией нетрадиционных религиозных направлений при активном финансировании из зарубежья;
- деятельностью иностранных миссионерских движений;
- возникновением внешних очагов радикальных религиозных центров и зон и их влияние на религиозную ситуацию в внутри страны.

Также и неразвитость духовных структур, стоящих на позициях традиционных религиозных воззрений, является серьезным фактором.

Подчеркивая светский, а именно равноудаленный по отношению к религиям и их представителям характер государственной политики в религиозной сфере, все же следует отметить, что традиционно основная часть мусульманского населения считает своим представителем в исламском мире Духовное управление мусульман Казахстана (ДУМК), Духовное управление мусульман Кыргызстана, *казийат* Таджикистана, Управление мусульман Узбекистана. Именно с этими организациями связывают свои религиозные чаяния и ожидания и именно эти организации, представляя интересы основной части населения, имеет

признаки своей официальной институализации в духовной религиозной сфере.

На сегодняшний день выявился спектр внутренних проблем организационного плана. Так, на сегодняшний день структура ДУМ развита слабо, выносимые им решения по тому или иному вопросу (*фетва*), в условиях многообразия религиозного пространства не воспринимается как конечная инстанция.

Данная ситуация в условиях Узбекистана привело к тому что помимо УМУ в государстве существовало сеть неформальных богословов, которые выстраивало независимую от УМУ религиозную политику. Затем силовое решение этой проблемы привело к резкому разделению мусульман на приверженцев радикальных исламистских структур и конформистских структур и их взаимному неприятию, обострению в отношениях «религия – государство». Силовое давление привело к обратному эффекту противодействия. В результате политика УМУ из-за конформистских позиций является во многом оторванным от мнения народа.

Таким образом, неразвитость официальных духовных институциональных структур привела к росту амбиций различных религиозных групп (реализация своих определенных целей) в противовес официальному духовенству и структуре.

**HUMANITARIAN COOPERATION BETWEEN
THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AND THE EU**

One of the important areas of cooperation between Kazakhstan and the European Union which was defined by the Agreement on partnership and cooperation is a cultural and humanitarian sphere.

Cooperation in the humanitarian field has the peculiarity that the transformation of the social, economic and political institutions are seen not in terms of their own, alienated from the specific logic of the human person, but through the prism of their respective tasks satisfy the material, cultural and spiritual needs of every citizen of the state. Humanitarian cooperation is directly paid to the interests and needs, aspirations of the individual and requires a holistic, systemic approach to solving the problems of raising the material well-being and improves the social and psychological well-being of people, ensuring their social security and the creation of all the necessary socio-economic and political conditions for self-realization each individual.

The main competitive advantage of the highly developed countries is in the level of development of its human potential, which is in largely determined by the state education system. The source of sustainable economic growth in medium and long term is in this sphere.

Global information and communication, trade and financial and economic networks, which lie across national borders and unprecedented expand the scope of interpersonal and intergroup contacts and interactions at the same time sharply increased the danger and multiplied the risk of rejection, mutual hostility, confrontation of different socio-economic and political systems, cultures and civilizations. In these circumstances, the replacement of the culture of confrontation and conflict by a culture of tolerance and compromise the ethics of cooperation and mutual understanding becomes imperative importance for the very existence of society. In this regard, the role of immeasurable humanitarian cooperation between countries and peoples for the realization of an optimal model of social, economic, political and cultural development through «mutual germination» of humanitarian agencies, through citizens' initiatives, through the coordination of information, through

intensive contacts of citizens and civil society organizations. That's two-and multilateral humanitarian cooperation becomes a generator mechanism and the implementation of structural changes in contemporary society and its institutions.

European-Central Asian relations in the humanitarian and cultural field is now more than ever become obsolete, the time when civilization has intensified confrontation (Christianity – Islam). The humanitarian aspect has become de facto an integral part of the political process in a peaceful rapprochement and conflict resolution. The existing EU – CA dialogue contains elements of «peaceful load». It is aimed at building confidence between peoples and the bilateral relations between the two regions, but most of all humanitarian and cultural contacts help to affirm the principles of tolerance and peace. Intercultural dialogue is developing, and it contains a considerable potential for future sustainable relations between the peoples of the EU and Central Asian countries.

From the perspective of the Central Asian countries, the positive side of a common EU policy in the field of culture is that the Union, unlike other actors inspire trust and its activities are not perceived as «aggressive» pressure on other cultures and traditions. If we consider the relationship of the EU – Central Asia, we find in them a lot in common from the historical past: significant events and phenomena, which bring together and represent a political, cultural and spiritual significance for the European Union and Central Asia.

Since the 1990s, the EU Delegation organizes annual May events in various cities of Central Asia, known as the «European Week»: spread the knowledge about the culture, traditions and values of Europe. This contributes interest in the European Union. European cinema, music, art become closer to the peoples of Central Asia.

It is necessary to pay attention to the activities of EUNIC (European Union National Institutes for Culture) – Community of cultural organizations of the European Union Member States¹. It was established in 2006 and it consists of 30 members. EUNIC members work in more than 150 countries, including Kazakhstan. It has 2000 units. EUNIC-Almaty was founded by the Goethe Institute – Kazakhstan, French Alliance Almaty, British Council, «Dante

¹ www.eunic-online.eu ; <http://www.euniconline.eu/?q=content/eunic-almaty-0>

Alighieri» Committee and Consulate General of Hungary in May 2011, and then Swiss embassies had joined. The President of EUNIC-Almaty is the director of the Goethe Institute Barbara Fraenkel-Thonet.

According to the Head of the EU Delegation to Kazakhstan Norbert Jousten (2011), the culture is an essential element not only in the creation of an open society, but also in its social and economic development. «Cultural interaction is an important part of EU policy. Projects such as EUNIC will help better understand the culture of the European countries. This is very important for the preservation of peace, partnership and mutual understanding»¹.

According to Lena Milosevic, director of the British Council in Almaty, creating EUNIC-Almaty, we join the world cultural movement, working in many countries around the world. Now the organizations – members of EUNIC will be able to share experiences and ideas. It is very interesting for us to learn, what European culture means for Kazakhstan, how cultures of different countries recognized for Kazakhstan.

EUNIC covers the area of arts, education, intercultural dialogue, youth support and development. European Day of Languages, European higher education fairs, competitions (E.g., «The two sides of Europe» – about interesting, but little-known facts about Europe, about Europe's perception of Central Asia) is held annually². This kind of image policy in the conditions of globalization of culture requires much activity and possibly introducing novelty in the forms of cooperation, both in the European Union, as in Central Asia.

In the framework of the EU Central Asia Strategy for a New Partnership (2007) the European Education Initiative has been launched.

The objectives set within the European Education Initiative for Central Asia are:

to contribute to the adaptation of the education systems of Central Asia states to the needs of the globalised world and to cooperate with major international partners and donors supporting educational programs and institutions;

¹ Национальные институты культуры стран ЕС создали свое сообщество // Служба новостей «Артпаровоз» // <http://artparovoz.com/4894>

² В Алматы пройдет Европейский день языков // ArtInfo.KZ. – 2012-2013 // www.artinfo.kz/news/v-almaty-projdet-evropejskij-den-yazy-kov.html

to support all levels of education, including VET (Vocational Education and Training) and HE (Higher Education), staff and student mobility for instance under the Erasmus+ program, and on bilateral basis.

The Central Asia Education Platform (CAEP) was launched in February 2012 for an initial period of 3 years (first phase). The second phase of CAEP is running from March 2015 to March 2018. CAEP is a key pillar of the European Education Initiative for CA to organize activities, regional and national seminars of direct interest for each of the Central Asia partners in the field of Education.

During its first phase, the Platform promoted policy dialogue and supported reforms in the education sector within the Central Asia region:

- by facilitating a technical and a policy dialogue between the EU and CA countries through organizing seminar and workshops on national and regional level (e.g. in Astana 2013, Bishkek 2014 and Istanbul 2015),
- by developing a project website and database of existing education related projects financed by the EU and other donors as well as by CA countries to assist donor project coordination,
- by designing, delivering and discussing two studies on «Teacher Policies» and «Quality in Vocational Education and Training and Higher Education» on national and regional level¹.

In the second phase, CAEP continues to enhance co-operation between the European Union and Central Asia, as well as regional co-operation between the countries of Central Asia, in order to strengthen education reforms in the region. It will also serve to better co-ordinate all donors' actions in the education sector while enhancing ownership by Central Asia countries.

The EU Member States, notably Latvia and Poland, are actively engaged in this process – a first Ministerial Meeting of Education Ministers from Central Asia and the EU took successfully place under the Latvian Presidency of the Council of the EU in Riga in June 2015. The high-level representatives both from Kazakhstan,

¹ The Central Asia Education Platform (CAEP) // <http://www.caep-project.org/>

Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan and from the EU endorsed a Joint Communiqué and adopted an Indicative Roadmap of Activities for the CAEP Project Phase II.

Expanding the range of areas and forms of cooperation of Kazakhstan with the European countries in the areas of employment, labor migration, social, economic and legal protection and support for women, families, children, youth, low-income people, the elderly, disabled and other socially vulnerable categories of the population, development social services meets the strategic objective of social policy on both sides - to improve the quality of life, the preservation and strengthening of interethnic and interreligious harmony, the transition of society to a qualitatively new level of consolidation.

The main objectives of cooperation between Kazakhstan and the European Union in the social and humanitarian field are increasing opportunities for human development through the coordination of the strategic directions of social and cultural development of the two countries, creating a set of conditions for the strengthening of cooperation and deepening cooperation in the social and humanitarian sphere, based on the priority of universal values, guided by universally recognized principles and norms of international law and taking into account national interests and the financial and economic capacity of the Parties.

Interaction of the Parties in the social and humanitarian sphere is based on the following principles: priority of humanitarian direction in the system of bilateral interstate relations; the right to a decent life for every citizen of the state; economic freedom of the individual, his right to choose any kind of activity; equal opportunities and preventing all forms of discrimination in the field of labor and employment; social, economic, legal protection and support for women, families, children, youth, elderly, disabled and other socially vulnerable categories of the population; equality of citizens' rights to education; availability in obtaining quality health care; availability of housing and utility services; social justice and social solidarity of society; the participation of citizens in the management of state and social affairs, and development of social partnership; full encouragement of activity of civil society institutions aimed at improving the quality of life of different population groups; freedom of association of citizens in national, international and local

organizations in order to protect their economic, social and cultural interests; culture of dialogue, tolerance and compromise, focusing on achieving agreed solutions; respect for the traditions and culture of the peoples and of all the ethnic groups that make up the population of both countries; expansion of academic mobility and export of educational services; consistent state migration policy based on the achievement of compliance with the volumes and directions of migration flows framework interest in E-grants and the host society; ensuring the integration of immigrants into society and the formation of a tolerant attitude towards them; monitoring and effective control over the implementation of the decisions taken, agreements, programs, etc.

These principles are achieved through the effective development and utilization of human resources, economic resources, the use of market mechanisms for regulating the economy and democratic principles of social and political governance, based on the improvement of social legislation and the use of modern investment techniques in social capital (education programs, culture, health, science), aimed at adapting the different target groups to the conditions of life¹.

One of the main priorities of EU foreign policy is the promotion of democracy and universal human rights. In this regard, the EU seeks to promote respect for human rights and fundamental freedoms around the world, considering it as an essential condition for the preservation of internal stability.

Creating an open society in the countries of Central Asia based on the rule of law and respect for human rights is an important aspect of EU relations with the region. All five Central Asian States to conduct regular meetings with the EU's bilateral dialogues on human rights, as well as implementing various joint projects in this sphere.

In 1994, at the suggestion of the European Parliament it established the European Initiative for Democracy and Human Rights to support civil society activities in the field of human rights and democracy, as well as the efforts of international organizations

¹ Концепция Соглашения о гуманитарном сотрудничестве между Республикой Казахстан и Федеративной Республикой Германия // <http://www.wiedergeburt.kz/index.php/wiedergeburt/goszakaz>

in this field worldwide. In December 2006, it was renamed the European Instrument for Democracy and Human Rights (EIDHR)¹.

The objectives of the EIDHR are:

- The development of a culture of respect for human rights and fundamental freedoms where they are most at risk and providing support and expression of solidarity to victims of repression and human rights violations;
- Strengthening the role of civil society in the protection of human rights and the implementation of democratic reforms, the development of political participation and conflict prevention;
- Support for international human rights infrastructure, the rule of law and the promotion of democracy;
- Building confidence in democratic electoral processes through further development of the activities of election observation and support for electoral processes².

EIDHR is the EU's financial instrument, distributes funds to support these objectives.

The European Commission funds a variety of projects in Kazakhstan for a special budget line to support pluralism and strengthen the role of civil society. For this program to Kazakhstan allocated about one million euro per year, to which the EU Delegation shall work with local non-governmental organizations and the media.

In addition, there is a separate EU Rule of Law Initiative, which is coordinated by France and Germany, in close cooperation with the European External Action Service and the European Commission³.

The initiative is designed to assist Central Asian countries in the approximation of their national models of the judicial system, legislation and practice to international (mainly European) standards.

¹ European initiative for democracy and human rights (EIDHR) (2000-2006). Eur-lex. Access to European Union law // <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=URISERV%3Arl0110>

² Мажилис парламента Республики Казахстан // <http://www.parlam.kz/ru/blogs/nazarbaeva/Details/7/6670>

³ EU Rule of Law Initiative for Central Asia // <http://ruleoflaw.eu/about-us/eu-ca-strategy-for-a-new-partnership/eu-rule-of-law-initiative-central-asia/>

Rule of Law Initiative provides an institutional mechanism through which the support of the EU member states, of the European Union and other international actors are coordinated and rationalized.

Under the aegis of Rule of Law Initiative, operates the project «Platform for the rule of law» as a regional coordination mechanism to promote political dialogue and promote the necessary measures to strengthen and support in the field of law and governance reforms in each of the Central Asian countries.

The platform focuses on the issues of administrative law and procedure, production, criminal law and procedure, as well as issues of judicial reform, which together make up a «joint program of work», agreed by representatives of the five countries at ministerial conferences held in Brussels (2008) and Dushanbe (2010) .

The main project partners in Central Asia is the Supreme and Constitutional Courts, Ministry of Justice and Home Affairs (coordinators Rule of Law Initiative), parliamentary bodies, lawyers, prosecutors, government legal agencies, legal counsel and representatives of other legal professions, training centers, universities and representatives of civil society.

As part of the Rule of Law Initiative is performed¹:

- The exchange of experiences, lessons learned and good practices between the EU and Central Asia;
- Strengthening the knowledge of international legal and judicial standards and practices;
- Improving the training of lawyers;
- Better understanding of the judicial / legal Reformation processes and needs of the Central Asian countries;
- The creation of a network of experts / institutions to promote cooperation and understanding between the countries of Central Asia and the EU.

Every two years, the Conference of Ministers of Justice held in the format of the European Union – Central Asia. The last meeting in this format was held in Astana in autumn 2014. The Fifth Conference

¹ Memorandum of Understanding in the Field of Transport Networks Development between the European Commission and Ministry of Transport and Communications of the Republic of Kazakhstan http://eeas.europa.eu/delegations/kazakhstan/documents/eu_kazakhstan/memorandum_field_transport_en.pdf

of the Ministers of Justice of the European Union and Central Asia, under the EU Rule of Law Initiative for Central Asia will take place in Slovak Republic in the second half of 2016¹.

An example of the activities of the EU Rule of Law Initiative is the work of the organization Penal Reform International in Kazakhstan², which elaborated The Model program against the spread of HIV/AIDS and TB in women prisons. EU Contribution: 90% of total budget. During the period December 2010 – December 2012 this Program used € 228 000 for female prisoners and their families, staff of the women's prisons of the pilot regions of Kazakhstan, population of the pilot regions and all over the country³.

Environmental issues Central Asian region are an important component of regional cooperation. Problems in the rational use of water resources and watershed considered the EU in terms of the large potential for conflict and, accordingly, the need for concrete action to find acceptable solutions to the problem.

The Environmental Dialogue EU-Central Asia as a part of the implementation of the EU Strategy for Central Asia was established to assist in matters of protection of the countries of the region the environment and water management. Coordinator for EU action in this area is Italy, in close cooperation with the European Commission⁴.

The European Union supports the work of the Central Asian Regional Environmental Centre (CAREC)⁵.

The center is located in Kazakhstan and brings together all five Central Asian states. CAREC tasks of raising awareness and promoting multi-stakeholder cooperation in the field of environment and sustainable development at the local, national and regional levels.

¹ Fifth Ministerial Conference in 2016. Eu – Central Asia Rule of Law Platform / <http://ruleoflaw.eu/fifth-ministerial-conference-in-2016/>

² Penal Reform International // <http://www.penalreform.org/resource/womens-health-kazakhstans-prisons/>

³ Health care and training. A model program against the spread of HIV/AIDS and TB in women prisons // http://ec.europa.eu/europeaid/documents/case-studies/kazakhstan_health-care_women-prisons_en.pdf

⁴ Central Asia – Environment. International cooperation and development. European Commission // https://ec.europa.eu/europeaid/regions/central-asia/eus-development-cooperation-central-asia-environment_en

⁵ About CAREC. The Regional Environmental Centre for Central Asia // <http://www.old.carecnet.org/about-carec/?lang=en>

EU Special attention is focused on the management of water resources in the region in the framework of the EU Water Initiative, which was launched by Denmark at the World Summit on Sustainable Development (Johannesburg, 2002) and covers the issues of integrated water resources management (IWRM), including transboundary river basins and seas¹.

The EU Water Initiative is based on the mechanism of a national dialogue on water policy – the central element of the EU's efforts to achieve the Millennium Development Goals with regard to water resources, and goals of the IWRM concept.

This initiative is carried out in Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Azerbaijan, Armenia, Georgia, Moldova and Ukraine.

The EU's main objectives at this stage are:

- Support for targeted actions in the fight against climate change in the countries of the region, support the transformation of the international commitments into domestic action to mitigate climate change and the transition to a low carbon economy;
- Support the implementation of the Clean Development Mechanism (CDM);
- Activation of a coordinated effort to assist Central Asian countries in their efforts to improve the institutional capacity and capacity-building in order to combat climate change, based on an integrated approach at the local, national and regional levels;
- Intensification of the activities of the Working Group on water issues and the environment, ensuring the participation of civil society in this dialogue;
- Promoting the integration of environmental policy on the basis of the conclusions of the Ministerial Conference in 2011, «Environment for Europe»;
- The inclusion of the Central Asian countries in the EU system is realized development of a common information base on the protection of environmental data (SEIS) in the framework of the European Neighborhood Policy;

¹ The European Union Water Initiative. Global Water Partnership // <http://www.gwp.org/en/About-GWP/Publications/EU-Water-Initiative/>

- Support for the organization of a national dialogue on water policy and political measures with all five countries and ensuring increasing involvement of the EU level in these processes.
- Promoting the accession of all States of the region to international conventions and legal principles on common water resources, including the Convention on the Protection and Use of Transboundary Watercourses and International Lakes and the Protocols thereto.
- Support the region in addressing the problem of toxic industrial waste.

EU action in this area is illustrated by the adoption in June 2015 decision the European Union will allocate EURO 7.1 million for the project «Support of Kazakhstan's transition to a model of «green economy»¹.

Funds received by Kazakhstan under this grant will be used to improve the legislation, tariff policy, attraction of new technologies in the water sector.

It is obvious that the sphere of cultural and humanitarian cooperation between Kazakhstan and the EU is very wide. The author would like to focus in more detail on relations of Kazakhstan with the countries of the European Union in the field of education as the one of the main areas of interaction.

Education is seen by the European Union as a key aspect of successful economic and social development, taking an important direction in interregional cooperation.

The first program of cooperation in higher education, in which Kazakhstan has been actively involved, is a TEMPUS program (Trans-European cooperation scheme for higher education). The Tempus program was one of the programs of the European Union, which operated from 2007 to 2013, aimed at supporting the modernization of higher education in the partner countries of Eastern Europe, Central Asia, the Western Balkans and the Mediterranean through the implementation of inter-university cooperation projects. Currently, the call for proposals Tempus not advertised more, however, the projects selected for funding in the period from 2012,

¹ Европейский Союз выделит 7,1 млн евро Казахстану. G-Global // <http://group-global.org/ru/news/evropeyskiy-soyuz-vydelit-71-mln-evro-kazahstanu>

are still in force. In Kazakhstan the Tempus program was carried out on the basis of grant funding cooperation projects between universities in the European Union and the Republic of Kazakhstan in the priority areas. Nineteen Kazakh universities have become participants of the project. One example of successful implementation of the program was a joint project of «Al-Farabi nova» held by the Al-Farabi Kazakh National University in cooperation with the Higher School of Darmstadt (Germany) and University Robert Schuman (France) from 1998 to 2001.

Erasmus + – a new program of the European Union for the period from 2014 to 2020, aimed to support projects, cooperation, academic mobility in the field of education, training, sport and youth policy.

Erasmus+ program aims to modernize and to develop the Education, Training, Youth work, and Sport, to boost skills and employability. The program will significantly increase investments to the human development.

Erasmus+ brings together a number of 2007-2013 EU programs in the fields of Education, Training, and Youth (the Lifelong Learning Program, The Youth in Action Program, The Erasmus Mundus Program, Tempus, Alfa, Edulink, Programs of cooperation with industrialized countries in the field of higher education). As an integrated program, Erasmus+ offers more opportunities for cooperation across the Education, Training, Youth, and Sport sectors and is easier to access than its predecessors, with simplified funding rules¹.

In May 1995 Kazakhstan has signed the Agreement on Scientific Co-operation between the Government of Kazakhstan and INTAS – International Association for the Promotion of Co-operation with Scientists from the New Independent States of the former Soviet Union, which meant that Kazakhstan is involved into the European Union Fourth Framework Program on Research and Technology Development.

It is necessary to point that INTAS has been especially created by the European Commission to involve scientists from former

¹ About Erasmus+. Erasmus+ National office in Kazakhstan // <http://www.erasmusplus.kz/index.php/en/erasmus-eng/about-er-eng>

USSR into the EU research programs. INTAS was some kind primary school for our scientists to learn differences between the Soviet system to support research and the European approach to research and technology development. The European funding system for research based on grants and call for proposals, specificities of international cooperation in research, differences in funding and in management, and certainly different mentalities – all was very new for our scientists. INTAS supported wide network of the national information and contact points in NIS. INTAS had special approaches to maintain cooperation between the countries and the NIP/NCPs. Designated scientific cooperation agreements were signed with each country. The agreements included special clauses, in accordance to which 80% of the grants were foreseen for the scientists from NIS, and rest 20% were given to the EU partners. Scientific priorities approved by the INTAS Scientists Council based on requests of the EC and beneficiary countries. Step by step, in accordance to gained experience, INTAS launched joint calls with beneficiary countries, for example, INTAS-Kazakhstan calls for proposals co-funded by both parties.

Taking into account exclusive importance of INTAS support to S&T development in Kazakhstan, which was done at extremely difficult transition period, government of Kazakhstan issued decree to make INTAS grants free from any local taxation. Main partner of INTAS in Kazakhstan was the Ministry of Science and High Education.

INTAS Information Desk was for the first time opened in Kazakhstan in 1994. It was experiment of INTAS. Its positive results gave possibility to open NIPs in other New Independent States¹.

In the past few years, the emphasis has been made in the reform of higher education and training.

In accordance with the EU Strategy for Central Asia has developed a special program – European Education Initiative for Central Asia², which suggests an enhanced dialogue in the field of

¹ Magzieva K. Twenty years of Kazakhstan's participation in the European Union framework programmes for research, technology and innovation: lessons from the past and prospects for the future. G-Global // <http://group-global.org/en/node/15619>

² Central Asia – Education and research. International Cooperation and Development. European Commission // https://ec.europa.eu/europeaid/regions/central-asia/eu-support-education-and-research-cooperation-central-asia_en

education at all levels, increased resources for exchange programs, as well as a campaign to raise awareness about the possibilities of training and education in the EU exchange programs. One of the priorities of the Strategy is to provide an electronic platform for distance learning, learning throughout life, as well as e-learning.

The main areas of EU activity identified, such as:

- Further development of the relations of the region with the European educational space, including within the framework of the Bologna Process;

- Providing continuously existing support reforms in education and training;

- Further development of cooperation between research and the EU institutions in Central Asia, including through initiatives such as the Central Asian Regional Education Network (CAREN)¹.

CAREN is designed to create and manage high-performance broadband Internet connectivity for research and education in Central Asia, as well as facilitating communication, information sharing and cooperation between universities and research institutes, as well as between the region, Europe and the rest of the world.

A revolutionary step in the development of educational system of Kazakhstan was the accession to the Bologna Process.

The Republic of Kazakhstan is the first Central Asian state – a member of the Bologna process and a full member of the European Higher Education Area. Date March 11, 2010 entered the history of Kazakhstan's higher education as the Day of the signing of the Bologna Declaration on the decision of the Committee of Ministers of Education of the Bologna process (46 countries).

Kazakhstan became the forty-seventh member country of the Bologna process.

The purpose of Kazakhstan's participation in the Bologna process – improving access to European education, further improving the quality and increasing the mobility of students and teaching staff through the adoption of comparable systems of higher education degrees, the use of a system of credits, granting the graduates of universities of Kazakhstan-European Diploma Supplement.

¹ EU cooperation in education in Central Asia. European Union and Central Asia // http://eeas.europa.eu/central_asia/docs/factsheet_education_en.pdf

Kazakhstan's joining the Bologna process will enable Kazakhstan adhered by educational programs, curricula, academic mobility of students and teachers, the convertibility of national diplomas in the European region, graduates of the right to work in any country.

Kazakhstan's joining the Bologna process was carried out gradually, and presupposed the creation of basic prerequisites. Our country is one of the first of the post-Soviet states which signed and ratified the Lisbon Convention on the Recognition of Qualifications concerning Higher Education in the European region in 1997.

Kazakhstan studied the experience of European countries and the most significant and positive processes adapted to the Kazakhstani practice. This was followed by the active participation of the Kazakh universities in this process.

Later Magna Charta Observatory Secretary General of Universities, representatives of the Working Group of the Bologna Process, the leading European experts in the field of education were invited in Kazakhstan as experts.

The signing of the Republic of Kazakhstan of the Bologna Declaration implies the fulfillment of the obligations to carry out its basic parameters. The parameters are divided into compulsory, recommendation, optional.

Required parameters are seen as paramount to create a European Higher Education Area (EHEA) and the promotion of European higher education worldwide. These include: a three-level system of higher education; academic ECTS credits; academic mobility of students, teachers and administrative staff of universities; The European Diploma Supplement; control of the quality of higher education; creation of a single European Research Area in 2011, for the first time at the national level 200 million Tenge was allocated from the national budget for training students in a foreign university for one academic period, in 2012 this amount increased already to 500 million Tenge¹. Today, 38 universities have developed and implement joint educational programs. This allowed for the development of academic mobility of students and teachers.

¹ Реализация Болонского Процесса в Казахстане // Министерство образования и науки Республики Казахстан. Центр Болонского Процесса и академической мобильности // <http://naric-kazakhstan.kz/ru/realizatsiya-bolonskogo-protsessa/106-realizatsiya-bp-v-rk>

The European Diploma Supplement is a single official document about education, recognized by all the member countries of the Bologna process, makes it possible to continue their studies abroad.

Creating a single European Research Area (ERA) aims at convergence of researchers and scientists and creates the equivalent of a «common market» for goods and services in the field of research and innovation. To implement this option, Kazakhstan is actively involved in the implementation of programs of international organizations, UNESCO, ACTR / ACCELS, UNDP, Peace Corps, the British Council in Kazakhstan, the German Academic Exchange Service (DAAD), the National Centre for school and university French programs (CNOUS), the Bureau of linguistic and pedagogical cooperation of the French Embassy in Kazakhstan.

One of the forms of cooperation in the scientific and information sphere was the establishment of the European Documentation Centers.

In order to enhance information activities, assistance and coordination of scientific, research and training projects in the field of the European Union, European law and urgent problems of European policy, the European Commission at the end of the 1990 s decided to set up in the partner countries, European Documentation Centers (EDC). Inspirer and founder of the center in the Kazakh National University named after Al-Farabi became a professor, doctor of historical sciences ZH.U. Ibrashev and Professor G.S. Zhambatyrova.

European Documentation Center, located in the Al-Farabi Kazakh National University is the only one in Central Asia and has the status of «full EDC – European Documentation Center» and receives a full set of official documentation in all fields of EU policy.

EDC at the Al-Farabi Kazakh National University started functioning from September 1, 1998. In 2007, the Center for European Documentation was renamed the European Information Centre of the European Commission decision.

The aim of the EIC is to provide an information base for academic and applied research and inform the general public about the actual problems of European politics. European Information Center receives a full set of official documentation in all fields of EU policy. The EIC analytical reports and reviews received on a regular basis to comprehensively characterize the European Union's policy.

Center disseminates information about the European Union's activities, its institutions and policies pursued by the Member States in the field of European integration; promotes research on European issues; disseminates experience of international co-operation and staff of higher education institutions in the region; conducts seminars on participation in international programs, as well as the programs of the European Community. Currently, the European Information Centre has in stock over 3,000 items of various information materials and documents in electronic and printed form. Now The Director of the EIC is a professor K.I. Baizakova¹. One of the directions of the EIC is to conduct conferences, seminars, round tables, and competitions of student's works on European integration.

European analysts see an active policy in the field of education in Central Asia as one of the main parts of an overall strategy, as a major means of strengthening the European influence in the region. In formulating recommendations for EU action in the framework of the European Union-Central Asia Strategy for European Parliament J. Boonstra, Head of Eastern Europe, Caucasus and Central Asia Program at FRIDE, argues that «if the EU wants to contribute to the development of Central Asia, become more visible, act strategically over the long-term, and counter Russian influence, it should invest heavily in higher education (and where funds allow, also in technical vocational and secondary education). However, such an investment (largely consisting of Central Asian students having the opportunity to study in Europe) will only be useful if programs are able to tackle or circumvent the risk of brain-drain and unequal access (of the elites) to higher education».²

A striking example of cultural and humanitarian cooperation between the EU and Kazakhstan is the work of the Cambridge Central Asia Forum, where the author of the thesis held internship in 2015.

Cambridge Central Asia Forum (CCAF) was formed in 2001 (then under the name of Cambridge Committee for Central and Inner

¹ Европейский информационный центр. Казахский Национальный университет имени аль-Фараби // <http://kaznu.kz/ru/2764>

² Boonstra J. Implementation and review of the European Union – Central Asia Strategy: Recommendations for EU action. – AFET, 2016 // http://www.eucentralasia.eu/fileadmin/user_upload/PDF/Working_Papers/Implementation-EU-Central-Asia-Strategy-Recommendations-2015.pdf

Asia) and its efforts are concentrated on promoting research within established disciplines, as well as encouraging new multidisciplinary and interdisciplinary research on Central Asia, the Caucasus and Eurasia in general. The Chairman of Cambridge Central Asia Forum is Professor Sidhard Saxena, under whose leadership the author had the privilege to take an internship at the University of Cambridge. The real impetus for academic research of CCAF came through the nucleation of the CCAF group comprised of anthropologists, orientologists, historians, economists, educationalists, geographers, archaeologists and natural scientists who work together on interdisciplinary projects and educational development in the region. Professor Saxena noted – «A linear narrative of history serves only a few unless it is enlivened by imagination and vision of what that was and what is to come! The excitement of this intellectual opportunity is what that fuelled a new initiative in the form of the Cambridge Central Asia Forum in 2001»¹.

The prospects for research on Central Asia become even more exciting especially when one considers the possibility of collaboration with scholars and established traditions of the region, the encouragement of which is one of the most important aspects of CCAF activities. Central Asia research promises to generate findings that will be of intrinsic interest and academic significance and will simulate comparative insights for the study of the surrounding regions. Within the UK, the CCAF has close links with the British Library, Royal Asiatic Society, Ancient India and Iran Trust along with SOAS, the Universities of Oxford, Manchester, St Andrews, Nottingham, Kings College London and so on.

The Cambridge Kazakhstan Centre was inaugurated on the 19th of February 2010 by the then Minister of Education and Science of the Republic of Kazakhstan.

CCAF sees the promotion of bilateral academic relations between the region and the UK as part of its primary purpose. This implies gathering and disseminating information about existing activities both in Central Asia and in the UK, especially in Cambridge. The main aim is to be inclusive and extensive, listing not

¹ Past, Present and the Future Cambridge and Central Asia Forum / Cambridge Central Asia Briefs. – September 2011. – p. 2

only those with professional academic research interests in the region, in particular research students, but also those in other disciplines in contact with colleagues in the countries of Central Asia. The CCAF believes that it can help to promote awareness of the region and to bring together those involved in research on Central Asia. Conferences, projects and visiting scholars represent the ideas of academic networks which focus on constant exchange of ideas to increase the body of knowledge to allow for better understanding of Central Asia and the rest of the world.

The years of the Forum's existence demonstrate the high level of interest among scholars and students in the University of Cambridge and in other UK universities. Not only in the UK but CCAF has also established a long-standing relationship with the Central Asian countries in the field of education, cultural activities. Professor Saxena received two awards from the Minister of Science and Education of Kazakhstan for his 'Service to Education' in Kazakhstan in 2009. Professor Saxena, Prajakti Kalra and Dr. Shailaja Fennell were awarded honorary doctorates and Professorships from the Ahmad Yasawi Kazakh-Turkish International University, Turkestan, Kazakhstan in November 2009, for their academic work in Turkic and Central Asian studies.

CCAF under the Chairmanship of Professor Saxena hosted the 47th Permanent International Altaistic Conference in Cambridge on 'Tradition and Modernity in the Altaic World' in 2003. In August 2005 Professor S.S Saxena and Professor Shailaja Fennell organized a panel on 'Reconfiguring Central Asia' in the conference organized by the International Convention of Asia Scholars (ICAS) in Shanghai. They were co-sponsors with the University of Tsukuba and University of Tokyo of the international conference themed, 'The Central Asian Studies: History, Politics and Society', in Tsukuba University in December 2007. CCAF was hosting the 12th ESCAS (European Society for Central Asian Studies) Biennial Conference on 'Maturing Field of Central Asia' on the 20-22nd September 2011.

CCAF has given seed grants to projects ranging from the Ethnomusicology of Uyghur and Afghan music to conferences on the geopolitical strategies of the Central Asian states. Many of these have already resulted in monographs, publications and doctoral dissertations by young and established scholars.

CCAF has financially supported and placed students in the University of Cambridge carrying out graduate work on Central Asia. The students are working on myriad topics ranging from Japan's geopolitical strategy on the Silk Road, land reform in Kazakhstan and issues of national identity in present day Central Asian states. Forum has provided travel bursaries to undergraduate and graduate students as well as more senior researchers to facilitate travel in the region for academic and other purposes. CCAF has also hosted a number of scholars working on Central and Inner Asia related topics from abroad. It was organized a number of small conferences and seminars including high-level meetings designed to influence policy, especially Kazakhstan's Chairmanship of the Organization for Security and Cooperation in Europe (OSCE), the first Asian and Muslim country to do so and the Organization for the Islamic Conference (OIC). The CCAF has offered policy advice on important topics like regional cooperation (Shanghai Cooperation Organization), water issues in the region, renewable and non-renewable energy sources and civil society organizations operating in Central Asia.

In September 2009 in Almaty CCAF organized a roundtable on the culture, society and policy in contemporary Kazakhstan on the theme, 'The Role of Historical- Cultural Heritage in the Dialogue of Civilizations of the East and the West', in collaboration with the Cultural Policy and Art Study Institute at the Ministry of Culture and Information of the Republic of Kazakhstan, Institute of Oriental Studies named after R.B. Suleimanov at the Ministry of Education and Science of Kazakhstan and the Royal Asiatic Society.

In 2010-2011 CCAF was also asked to write the UK Parliamentary Select Committee Report on Central Asia and the Caucasus with Lord Waverly.

In addition to academic activities during the last five years the CCAF has become well known in the UK for organizing a number of cultural events. CCAF host one of the largest celebrations of the Nauryz festival in Europe. They were supported by the Embassies of Kazakhstan, Uzbekistan and Kyrgyzstan which allow making the event free for the audience to attend to get a flavor of the breadth of cultural and culinary offerings from Central Asia. With each passing year the celebration has attracted a larger cohort of people from

Cambridge and the UK. A number of photographic exhibitions have also been organized by the CCAF on themes like the Silk Road, Central Asia in the 19th century and the current state of the Aral Sea. At present CCAF are working with the Kasteyev Museum in Almaty, Kazakhstan to bring an exhibition of oil paintings on the theme of Role of Women in Central Asia: The case of Kazakhstan to Cambridge.

Over the last few years CCAF has turned its attention to more business and technology related issues in the Central Asia, starting in Kazakhstan and Uzbekistan. At the planning stage are projects related to Rare Earth Metals, Uranium, Geology and Petrology and Renewable Energy, Medicine and Health in countries across the region especially in Kazakhstan. For this purpose CCAF has set up a Cambridge Kazakhstan Development Trust which will focus on academic research in the sciences and humanities along with providing support for students in Cambridge, visiting scholars and corporate enterprises from within Kazakhstan and those interested in working with Kazakhstan.

Cambridge and especially Jesus College which is home to the majority of the CCAF members starting with the Chairman, Professor Saxena, has played a key role in rejuvenating interest in this region. Jesus College has a long history of interest in the Silk Road, dating back to Ilya Gershevitch who could talk his way through all the way from Venice to Khotan in Western China without losing a beat. He was a linguist whose repertoire spanned this vast geographical expanse and spurs the members of the CCAF to work harder with each passing year. Jesus College, Development Studies Faculty and Cavendish Laboratory remain the pillars for Central Asia related activity and represent the breadth of involvement in the region and in Cambridge.

Let's look at other examples of bilateral cultural and humanitarian cooperation between Kazakhstan and the EU.

The coordinating body for the development of Kazakh-German cultural cooperation is the Joint Commission on Cultural Cooperation. The fourth session of the Commission was held under the chairmanship of the Chairman of the Committee for Culture of the Ministry of Culture of the RK T.Kishkashbaeva and Director of the Department of Culture and Communication in the German Federal

Ministry of Foreign Affairs, Ambassador H.-U. Zaydta in April 2014 in Berlin. The meeting discussed issues of culture, education, language development, information, press, archives, sports and public service. The parties agreed to hold the next meeting of the fifth SEC in 2015-2016 in Astana.

In education, a successful example of cooperation is the joint work on development of the Kazakh-German University in Almaty. Kazakhstan also opened offices Goethe Institute and the German Academic Exchange Service DAAD.

With the increasing number of Kazakh students studying in Germany, in 2009 representative of the «Bolashak» International Programs Center opened in Germany.

The joint project «Kazakh library» is being implemented since 2006. The works of Abai, M. Auezov, I. Esenberlin, A. Kekilbayev, A. Nurpeisov, T. Ahtanov, G. Belger, O. Suleimenov, other writers and poets of Kazakhstan published in German. The project has published about 20 books Kazakh writers, in particular, in 2011-2012 reissued work M. Auezov «Abai's Way» and the three volumes of the trilogy I. Esenberlin «Nomads» in German.

An important link in the relationship between the two countries are Kazakh citizens of German nationality (about 180 thousand), as well as former Kazakhstanians (more than 900 thousand) and ethnic Kazakhs (about 1 thousand) living in Germany¹. In order to support the interests of the German community in the Kazakhstan the Kazakh-German Intergovernmental Commission for ethnic Germans living in Kazakhstan functions. 13th session of the IGC was held October 6, 2015 in Astana (the next meeting will be held in 2016 in Berlin).

Regional German ethnocultural association in Kazakhstan successfully operates, publishes the republican newspaper «Deutsche Allgemeine Zeitung», Association of Germans of Kazakhstan «Wiedergeburt» actively works.

Kazakh-Italian cooperation in the field of music and theater is being actively developed. Memorandum of Cooperation between the management of the theater «Astana Opera» and the direction of the Teatro alla Scala and the San Carlo Theater in Naples has been

¹ Агентство Республики Казахстан по статистике. Этнодемографический сборник Республики Казахстан 2014

signed within the framework of a tour of the legendary Milan's La Scala in 2014 summer. In January 2015 the ballet «Astana Opera» theater group performed on the stage of the old theater Carlo Felice.

In the field of museum management agreement was signed between the National Museum of the Republic of Kazakhstan and the Italian company «Civita» (manages 100 Italian museums).

In recent years, cooperation in the field of education, expanded cultural relations between Kazakhstan and France significantly intensified. March 1, 2013 during the visit of Minister of Foreign Affairs of France L. Fabius in Astana an intergovernmental agreement on cooperation in the fields of higher education and research was signed. September 17, 2013 during the visit of the Minister of Francophone Affairs Agreement on the Establishment of the University «Sorbonne-Kazakhstan» at the Abai Kazakh National Pedagogical University was signed.

During the French President's visit to Kazakhstan December 5, 2014 five of the Kazakh-French forum of higher education institutions was held in Astana. 19 fellows of the «Bolashak» program were trained in French universities in 2015. Representations of «Alliance Francaise» cultural and educational agencies operate in Astana, Almaty, Shymkent, Karaganda and Aktobe.

For the first time in the history of bilateral relations in the 2013-2014 cross-perennial crops in Kazakhstan and France carried out, during which the peoples of the two countries got acquainted with the rich cultural heritage and a high level of modern art. In general, Kazakhstan's artists began to perform regularly with scenes of famous theaters and concert halls of Paris and other French cities.

The exhibition «Pearls of France – French art and culture from the Renaissance to the present day» deserves special mention, held in Almaty from June 7 to August 5, 2012 at the Kasteev State Museum, as well as a two-day festival «Musical Evening Almaty» in Cannes, 9-10 July 2015.

The Memorandum of Strategic Partnership and Cooperation signed on 13 February 2014 in Astana between Astana Akimat and the French Institute of Oncology named Gustave Roussy, on the basis of which the Kazakh paramedics were able to pass practical

training in a Paris hospital of the Institute¹. Communication with the community of ethnic Kazakhs living in France is supported on an ongoing basis. Joint cultural and sports events are held. 18-19 May 2013 European Small Kurultai of Kazakhs took place in Paris.

Thus, the sphere of cultural and humanitarian cooperation is very important area of interaction between Kazakhstan and the European Union. This area is complex, sometimes contradictory and requires coordinated continuous efforts of both sides to be successful. In our opinion, Kazakhstan has a huge potential in this area of activity. From our perspective, the main task is more efficient use of the experience, consulting assistance, and funds allocated by the European Union on the base of own knowledge of Kazakh features. Creative approach is needed in application of the European experience, programs and schemes. Such an approach will make ensuring a harmonious combination of innovations and changes to the existing in the country traditions and mentality.

¹ The Astana times. – Wednesday, February 26, 2014. – № 4 (47). – A2 // <http://www.astanatimes.com/wp-content/uploads/2014/02/Print-edition-AT-47-4-02-2014.pdf>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Совместными усилиями ученых двух стран Казахстана и России была написана международная коллективная монография «Современная история и геополитика в Центральной Азии», которую мы посвящаем 25-летию Независимости Республики Казахстан.

Обоснованно и логически представлены проанализированные и систематизированные материалы и документы по проблемам становления и развития независимых государств нашего региона за последние четверть века. Особое внимание было уделено проблемам региональной и международной интеграции Центральной Азии, вопросам нациестроительства и социально-экономического развития, в котором не последнюю роль играют миграции (внутренние и внешние). Анализ созданного по инициативе нашего Президента Н.А. Назарбаева и поддержанного лидерами России В.В. Путиным и Белоруссии А.Г. Лукашенко Евразийского экономического союза показывает основные результаты и выявляет тенденции нашего дальнейшего социально-экономического развития.

Вопросы безопасности Центрально-Азиатского региона являются неспранными из-за близости «горячих точек», таких как Афганистан и Пакистан. Поэтому необходимо было проанализировать проблемы международного сотрудничества и совместные мероприятия наших государств в противодействии и купированию современных вызовов региональной и континентальной безопасности. Безусловно, что все процессы, происходящие в нашем регионе, нельзя рассматривать без участия и доброй воли нашего северного соседа – России.

Современное состояние религиозности и религиозной ситуации в Центрально-Азиатском регионе являются предметом глубокой озабоченности, так как в последние десятилетия новые явления, такие как религиозный экстремизм, все глубже проникают в наши страны. Эта наша общая проблема, которую необходимо решать общими усилиями.

Как попытка в предложении новых тем для научных изысканий мы включили вопросы гуманитарного сотрудничества Республики Казахстан и стран Европейского Союз, которые в

дальнейшем могут также вылиться в новую международную коллективную монографию.

Бесспорно, что авторы не смогли рассмотреть все вопросы и проблемы, стоящие перед центральноазиатским регионом. Однако «первая ласточка» международного сотрудничества казахстанских и российских ученых КазНУ им. аль-Фараби, РГГУ, Университета КИМЭП и Евразийского университета им. Л. Гумилева является свидетельством прекрасных условий для совместных научно-образовательных проектов.

Кроме того, мы приглашаем к сотрудничеству ученых из других стран, которые своими трудами и интересными материалами дополнят наш труд.

С праздником и мирного неба над головой!

С уважением, авторы

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. About CAREC. The Regional Environmental Centre for Central Asia. // <http://www.old.carecnet.org/about-carec/?lang=en>
2. About Erasmus+. Erasmus+ National office in Kazakhstan // <http://www.erasmusplus.kz/index.php/en/erasmus-eng/about-er-eng>
3. Adams, Laura. «Can We Apply a Postcolonial Theory to Central Asia?» *Central Asian Studies Review*, 2008. 7 (1): 2-8. Vol. 7. № 1. – p. 2-8.
4. Agency on Statistics of the Republic of Kazakhstan, Demographical Annual Report of Kazakhstan in 2004. Statistical Reports, Almaty: Agency on Statistics of the Republic of Kazakhstan, 2005. (in Russian).
5. Agency on Statistics of the Republic of Kazakhstan Population Migration in the Republic of Kazakhstan. – Almaty: Agency on Statistics of the Republic of Kazakhstan 2000.
6. Agency on Statistics of the Republic of Kazakhstan. Population Migration in the Republic of Kazakhstan. – Almaty: Agency on Statistics of the Republic of Kazakhstan, 2000.
7. Agency on Statistics of the Republic of Kazakhstan Statistical Yearbook of Kazakhstan. – Astana: Agency on Statistics of the Republic of Kazakhstan, 2016.
8. Agency on Statistics of the Republic of Kazakhstan Statistical Yearbook of Kazakhstan. – Astana: Agency on Statistics of the Republic of Kazakhstan, 2007.
9. Akiner S. Tajikistan: Disintegration or Reconciliation? – London: Royal Institute for International Affairs, 2001.
10. The Astana times. – Wednesday, February 26, 2014. – № 4 (47). – A2 // <http://www.astanatimes.com/wp-content/uploads/2014/02/Print-edition-AT-47-4-02-2014.pdf>
11. Barkey K., Hagen von M. Imperial Collapse: Causes and Consequences. – Boulder: Westview, 1997.
12. Beissinger M. The Persisting Ambiguity of Empire // *Post-Soviet Affairs*, 1995. – Vol. 11, № 2. – P. 149-184.
13. Boonstra J. Implementation and review of the European Union – Central Asia Strategy: Recommendations for EU action. – AFET, 2016 // http://www.eucentralasia.eu/fileadmin/user_upload/PDF/Working_Papers/Implementation-EU-Central-Asia-Strategy-Recommendations-2015.pdf
14. Brubaker R. Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
15. CA-NEWS (KZ). 15-02-2008
16. Central Asia – Education and research. International Cooperation and Development. European Commission // https://ec.europa.eu/europeaid/regions/central-asia/eu-support-education-and-research-cooperation-central-asia_en
17. The Central Asia Education Platform (CAEP) // <http://www.caep-project.org/>

18. Central Asia – Environment. International cooperation and development. European Commission // https://ec.europa.eu/europeaid/regions/central-asia/eus-development-cooperation-central-asia-environment_en
19. Dave B. Kazakhstan: Ethnicity, Language and Power. – Routledge, 2007. – Central Asian studies series Vol. 8.
20. Esposito, John. L. Islam and Politics. 2d ed., rev. – Syracuse: Syracuse University Press. 1987. – P.16-18.
21. <http://www.eurasianet.org/departments/insightb/articles/eav111008.shtml>
22. EU cooperation in education in Central Asia. European Union and Central Asia // http://eeas.europa.eu/central_asia/docs/factsheet_education_en.pdf
23. EUNIC//www.eunic-online.eu;
<http://www.euniconline.eu/?q=content/eunic-almaty-0>
24. European initiative for democracy and human rights (EIDHR) (2000-2006). Eur-lex. Access to European Union law // <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=URISERV%3Ar10110>
25. EU Rule of Law Initiative for Central Asia // <http://ruleoflaw.eu/about-us/eu-ca-strategy-for-a-new-partnership/eu-rule-of-law-initiative-central-asia/>
26. The European Union Water Initiative. Global Water Partnership // <http://www.gwp.org/en/About-GWP/Publications/EU-Water-Initiative/>
27. Fifth Ministerial Conference in 2016. Eu – Central Asia Rule of Law Platform / <http://ruleoflaw.eu/fifth-ministerial-conference-in-2016/>
28. Forest J. Religion in the New Russia. – New York, 1990
29. Hanson, G. «The economic logic of illegal immigration», Council on Foreign Relations, Special Report, CSR # 26, 2007.
30. Haugen A. The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia. – Basingstoke, UK, 2003.
31. Hayit B. Turkestan im XX. Jahrhundert. – Darmstadt, 1956.
32. Health care and training. A model program against the spread of HIV/AIDS and TB in women prisons // http://ec.europa.eu/europeaid/documents/case-studies/kazakhstan_health-care_women-prisons_en.pdf
33. Heathershaw J. Post-colonial perspectives on Central Asian statehood, in Kavalski E (eds) *Stable Outside, Fragile Inside*. – Ashgate, 2010.
34. Hirsch F. Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. – Cornell University Press: Ithaca and London, 2005.
35. IA Novosti-Kazakhstan, 18 January 2010.
36. International Migration Report 2015. United Nations New York, 2016 P. 29. http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2015_Highlights.pdf
37. IOM. Migration Trends in Eastern Europe and Central Asia. 2001-2002 Review. – Geneva: IOM, 2002.
38. IP/03/1017 – Brussels, 15 July 2003.
39. Jihad, Rashid A. The Rise of Militant Islam in Central Asia. – New Haven, London: Yale University Press, 2003. – 282 p.
40. Kazakhstan KP. 1971- 1974. RFE Special Series // RFE/RL Research Institute – Soviet Red Archive. 1 Old Code Subject Files. F. 300, subfond 80, series 1-1. hth.

41. Keller S. The Central Asian Bureau: An Essential Tool in Governing Soviet Turkestan // *Central Asian Survey*. – 2003. – # 22 (2-3). – P. 281-297.
42. Khalib A. The Politics of Muslim Cultural Reform. *Jadidism in Central Asia*. – University of California Press, 1999.
43. <http://knoema.ru/IMSTMG2014/international-migrant-stock-at-mid-year-by-sex-and-by-major-area-region-country-or-area-1990-2015?location=1000720-kazakhstan>
44. Krane, Ronald E. *International Labor Migration in Europe*. – New York, 1979. – 250 c.
45. Krichlov D. Islam in the Soviet Central Asia: Renovation Or Revolution? // *Religion in Communist Lands*, – 1990. – Vol. – XVIII.
46. Law of the Republic of Kazakhstan about Migration (*Zakon Respubliki Kazakhstan ot 13 Dekabrya 1997 goda № 204-I. O Migratsii naseleniya*. – Almaty, 1998. 121 p.
47. Lubin N., B.Rubin B. *Calming the Ferghana Valley: Development and Dialogue in the Heart of Central Asia*. – New York: The Century Foundation Press, 1996. – 232 p.
48. Magzieva K. Twenty years of Kazakhstan's participation in the European Union framework programmes for research, technology and innovation: lessons from the past and prospects for the future. G-Global // <http://group-global.org/en/node/15619>
49. Mansoor, Ali and Quillin, Bryce eds. *Migration and Remittances. Eastern Europe and the Former Soviet Union*. –Washington DC: World Bank, 2006.
50. Martin T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939*. – Ithaca, 2001.
51. Marwat Fazal ur-Rakhim. *The Evolution and Growth of Communism in Afghanistan (1917-1979): an Appraisal*. – Karachi, 1997.
52. Memorandum of Understanding in the Field of Transport Networks Development between the European Commission and Ministry of Transport and Communications of the Republic of Kazakhstan // http://eeas.europa.eu/delegations/kazakhstan/documents/eu_kazakhstan/memorandum_field_transport_en.pdf
53. Mendikulova, Gulnara. Contemporary Migration Trends between Kazakhstan and China, *Proceeding of International Conference «Central Asia-China: Conditions and Perspectives of Cooperation»*, 4-5th June 2008. – Almaty: KISI, 2009. – P. 158-170
54. Mendikulova, Gulnara. *Illegal Migration in Kazakhstan as a Threat to National and Regional Security*. (in Russian). *Proceeding International Conference «Afghanistan: 5 years after Taliban»*. – Dushanbe, 2006. – P. 67-79
55. Mendikulova, Gulnara. *The Kazakh Diaspora: History and Modernity*, – Almaty: Reiz, 2006 (*Kazakhskaya diaspora: istoriya i sovremennost'*) (in Russian).
56. Mendikulova, Gulnara. *Migrations in Post-Soviet Central Asia: Problems and Perspectives // Demography and Migration in Asia. Issues and Trends*. – Kolkata: Maulana Abul Kalam Azad Institute of Asian Studies, 2011. – P. 56-84.

57. Mendikulova, Gulnara. Repatriation Into Kazakhstan: History and Current Situation. International Conference on Central Asia. Toronto, 2000. # 6, p. 77-81
58. Mendikulova, Gulnara. Repatriation of the Kazakhs from Turkey into Sovereign Kazakhstan. Interrelations of Turkey and Central Asia in the Context of Enlarging Europe. – Almaty, 2005. – P. 257-266. (in Russian).
59. Mendikulova, Gulnara. «Some Problems of Adaptation of the Kazakh Repatriates (Oralmans) in Contemporary Kazakhstan». *Otan tarikhy*, 2004. – № 2. – Pp. 3-35.
60. http://www.migration.ucdavis.edu/mn/more.php?id=3209_0_4_0
61. Migration, Homeland, and Belonging in Eurasia / edited by Cynthia J. Buckley, Blair A. Ruble, Erin Trough Hofmann. – Washington D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 2008. – 362 p.
62. Migration Policies in Europe and the United States. – Dordrecht, Boston, 1993. –162 c.
63. Mostov J. Democracy and Politics of National Identity // *Studies in East European Thought*. – 1994. – Vol. 46. – p. 9-31.
64. Motyl A. The Post-Soviet Nations: Perspective of the Demise of the USSR . – Columbia University Press, 1992.
65. Motyl A. Will the Non – Russians Rebel? – Uthaca and London: Cornell University Press, 1987.
66. Nahaylo B., Swoboda V. Soviet Disunion: A History of the National Problem in the USSR. – New York: Free Press, 1990.
67. Nationalism: National Minorities. 1954 – 1977. RFE Special Series // RFE/RL Research Institute – Soviet Red Archive. 1 Old Code Subject Files. F. 300, subfond 80, series 1-1. hth.
68. Ogden, Philip E. Migration and Geographical Change. – Cambridge, New York, 1984. – 108 c.
69. Parrot B. Analyzing the Transformation of the Soviet Union in Comparative Perspective // *The End of Empire? The Transformation of the USSR in Comparative Perspective / ed. by K. Davisha, B. Parrot*. – New York and London: M. E. Sharpe, 1997.
70. Past, Present and the Future Cambridge and Central Asia Forum // *Cambridge Central Asia Briefs*. – September 2011. – p. 2.
71. Partnership and Co-operation Agreements (PCAs) (2003) http://ec.europa.eu/external_relations/ceeca/pca/index.htm;
72. Penal Reform International // <http://www.penalreform.org/resource/womens-health-kazakhstans-prisons/>
73. Privatsky B. G. Muslim Turkistan: Kazak Religion and Collective Memory. – London, 2001. – 272 p.
74. Population Reference Bureau. 2009 World Population Data Sheet. Washington, D.C.: Population Reference Bureau, 2009.
75. Rakowska-Harmstone T. Islam and Nationalism: Central Asia and Kazakhstan under Soviet Rule // *Central Asian Survey*. – London, 1983. – Vol. 2. – №. 2. – P. 43-47.

76. Refugee population by country or territory of asylum // <http://data.worldbank.org/indicator/SM.POP.REFG>
77. Reuters (2005), ATHENS NEWS, 29/04/2005, page: A13 Article code: C13128A132; IP/03/1017. - Brussels, 15 July 2003.
78. Simon G. Nationalism and Policy Towards the Nationalities in the Soviet Union. – Boulder, Colorado: Westview Press, 1991.
79. Smith, A.D. State and Nation in the Third World. – New York: St. Martin's, 1983.
80. Smith G. Federation, Defederation and Refederation: From the Soviet Union to Russian Statehood // Federalism: The Multiethnic Challenge / ed. by G. Smith. – London: Longman, 1995. – P. 157-179.
81. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2009). Trends in International Migrant Stock: The 2008 Revision (United Nations database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2008). <http://esa.un.org/migration>
82. United Nations. Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat, Trends in Total Migrant Stock: The 2005 Revision <http://esa.un.org/migration>. United Nations, POP/DB/MIG/Rev. 2005. – New York, 2006
83. United Nations. World Population Prospects. The 2004 Revision. Volume I (United Nations publication, 2005. Sales No. E. 05.XIII.
84. UNHCR. Refugees and Others of Concern to UNHCR in Countries of Commonwealth of Independent States (CIS) in 1999, UNHCR, Geneva, 7 June 2000, p. 3/8. 2000. – Indicative number of refugees and others of concern to UNHCR, end 2000, UNHCR, Provisional Statistics on Refugees and Others of Concern to UNHCR for the year 2000, UNHCR, Population Data Unit, PGDS/UNHCR. – Geneva, 11 April 2001, (www.unhcr.ch) tab. 1.
85. United Nations High Commissioner for Refugees. The State of the World's Refugees. In Search of Solutions. – United Nations High Commissioner for Refugees: Oxford University Press, 1995.
86. What role for «traditional-religious» authorities in fragile states? The example of Tajikistan // Foreign Voices? – Germany, Bonn. 2006. – №1. – P. 2-5.
87. Accord: Политика компромисса. Мирный процесс в Таджикистане // Серия Accord 10/ под рук. К. Абдуллаев и С. Барнес. – Лондон, Москва, 2001. – 37 с.
88. Абазов Р.Ф. Исламское возрождение в центральноазиатских новых независимых государства // Полис. – № 3. – 1995. – С. 61-67.
89. Абашин С. Исламская оппозиция в Ферганской долине: локальные конфликты и глобальные угрозы // Доклад на конференции «Россия-Восток». – Волгоград. – Ноябрь 2002., опубликовано на <http://www.ferghana.ru/town/enter.jpg>, 25 декабря 2002.
90. Абашин С.Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. – СПб.: Алатайя, 2007.
91. Абдольхофф К. Роль таджикской традиции в развитии исламского вероучения // Путь Востока. Проблема методов // Материалы

- IV Молодежной научной конференции по проблемам философии, религии, культуры Востока // Серия «Symposium». Выпуск 10. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 128-129.
92. Абдулин Б. К вопросу об исламе в Казахстане // Континент. – 29 ноября-12 декабря 2000. – № 23 (36). – С. 18-20.
 93. Абдуллаев Е. Законодательство Республики Узбекистан и проблемы правового обеспечения религиозного согласия // Государство и религия в странах с мусульманским населением / под ред. З.И. Мунавварова и Р.Й. Крумм. – Ташкент: Республиканский научно-просветительский центр Имама Бухари и Фонд им. Фридриха Эберта, 2004. – С. 136-140.
 94. Агентство Республики Казахстан по статистике: этнодемографический сборник Республики Казахстан 2014
 95. Акаев А. Переходная экономика глазами физика. – Бишкек: Учкун, 2000. – 266 с.
 96. Алма-Атинская декларация, 21 декабря 1991 г.: сборник документов по международному праву. – Алматы, 1998.
 97. Алма-Атинская декларация – Российская газета //URL: <https://rg.ru/1991/12/19/sng-site-dok.html>
 98. Артемьев А. О сущности понятий «фундаментализм», «религиозный экстремизм» и «политический ислам»: общее и особенное. // Религиозный экстремизм: истоки, реальность и социально-правовые превенции // Сборник материалов научно-практической конференции 26-27 апреля 2001 года. Часть 2. – Алматы. Академия КНБ, 2001 – С. 73-476.
 99. Артемьев А.И., Тайбектеги Н. Откуда родом ваххабизм? Современные течения в исламе и религиозный экстремизм // Мысль. – 2000. – № 8-9. – С. 28-33.
 100. Ауыл молдалары білімін көтерді // Ислам және өркениет. – 16-31 желтоқсан 2006. – № 24.
 101. Ахметжанов А., Султангалиева А. Идея Евразийского Союза для СНГ и Казахстана // Казахстан и мировое сообщество. – 1995. – № 12.
 102. Ашимбаев М.С., Косиченко А.Г. Современный терроризм. – Алматы: КИСИ, 2005. – 213 с.
 103. Бабаджанов Б. Среднеазиатское духовное управление мусульман: предыстория и последствия распада // Многомерные границы Центральной Азии / под редакцией А. Малащенко и М.Б. Олкотт. – М., 2000. – С. 67-83.
 104. Бабаджанов Б., Камилев М. Мухаммаджан Хиндустани и начало «Великого раскола» среди мусульман Узбекистана. (Материалы в печати).
 105. Бабаджанов Б.М., Муминов А.К., Олкотт М.Б. Мухаммаджан Хиндустани (1892-1989) и религиозная среда его эпохи (предварительные размышления о формировании «советского ислама» в Средней Азии) // Восток. – 2004. – № 5. – С. 43-59.

106. Бабикова О. Центральная Азия. Наступление исламского экстремизма // Азия и Африка сегодня. – 2000. – № 2. – С. 14-16.
107. Бердымухамедов Г. Экономическая стратегия Туркменистана: опираясь на народ, во имя народа http://www.turkmenistan.ru/?page_id=12&lang_id=ru&elem_id=16836&type=event&sort=date_desc
108. Бойко В.С. Афганистан на начальном этапе независимого развития (1920-е гг.): центральноазиатский контекст внутренней и внешней политики // Афганистан и безопасность Центральной Азии. – Бишкек, 2004.
109. Ботобеков У. Внедрение идей партии «Хизб ат-Тахрир ал-ислами» на юге Киргизии // Ислам на постсоветском пространстве. – М., 2001. – С. 129-153.
110. В Алматы пройдет Европейский день языков. ArtInfo.KZ. 2012-2013 // www.artinfo.kz/news/v-almaty-projdet-evropejskij-den-yazykov.html
111. В зоне особого внимания // Казахстанская правда. – № 292-293. – 24.12.04.
112. В Казахстане введен новый исламский финансовый инструмент Закаят фонд: <https://tengrinews.kz/markets/kazahstane-vveden-novyyiy-islamskiy-finansovyyiy-instrument-189198/>
113. В Чечне готовят «бойцов ислама» // Коммерсант. – 16.12.1998
114. Вагабов М.В. Ваххабизм: история и современность. – Махачкала, [б.и.], 2000. – 727 с.
115. Вайсс, Бернард Дж. Дух мусульманского права (усул ал-фикх) / пер. с английского, ответ. за выпуск И.С. Раимов. – М., СПб.: Диля, 2008.
116. Ведомости Парламента РК. – 1999. – № 19. – ст. 649
117. Вести, 18.10.2004.
118. Владимир Путин о своем видении будущего СНГ. Пресс-конференция в Бишкеке // 1 TV, 17 сентября 2016: [<https://www.1tv.ru/news/2016/09/17/310184>]
119. Восток и политика: Политические системы, политические культуры, политические процессы: науч.-метод. комплекс / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 685 с.
120. Время новостей: <http://freeas.org/?nid=7685>. – 2008, 24 апреля
121. Выступление Главы государства в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова [Электронный ресурс] URL // <http://www.kazembassy.ru/en/arhivnews/6729-2014-04-29-04-26-27>
122. Генассамблея ООН приняла резолюции об укреплении сотрудничества с ОДКБ, СНГ и ШОС – Организация договора о коллективной безопасности (официальный сайт) / URL: http://www.odkb-csto.org/news/detail.php?ELEMENT_ID=8635&SECTION_ID=91
123. Годы, которые изменили Центральную Азию (коллективная монография, русско-язычное издание) // ИВ РАН, ЦСПИ / рук. проекта: В.В. Наумкин, П. Линке; отв. ред. И.Д. Звягельская. – М., 2009. – 332 с.
124. Грюнебаум Густав Эдмунд фон. Классический ислам. Очерки истории (600-1258) / пер. с англ. яз. И.М. Дижур, предисл. В.В. Наумкина. – М.: Наука. 1988.

125. Гушин А. Какой бренд нужен Евразийскому союзу? [Электронный ресурс] http://eurasia.expert/brend-evraziyskogo-soyuza/?sphrase_id=335
126. Дадабаева З.А. Таджикистан в системе межгосударственных отношений на постсоветском пространстве // Россия и современный мир. – 2006. – № 2. – С. 103-106.
127. Дадабаев Т. Постсоветский Туркменистан: условия жизни, доверие между людьми, источники беспокойства // Центральная Азия и Кавказ. – 2006. – № 4 (46). – С. 147-157.
128. 20 лет независимости Кыргызской Республики. Цифры и факты. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – Бишкек, 2011. – 108 с.
129. Дитер Г. О необходимости региональной интеграции в Центральной Азии // Региональная интеграция в Центральной Азии: сб. статей. – Берлин, 1995. – С. VII-XV, 133-156.
130. Дитте О. Взаимодействие России и стран СНГ в решении вопросов безопасности на постсоветском пространстве // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 6 (31).
131. Договор между Республикой Казахстан, Республикой Беларусь, Кыргызской Республикой и Российской Федерацией об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях, 29 марта 1996 г. // Казахстанская правда. – 1996. – 16 мая.
132. Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года – Организация договора о коллективной безопасности (официальный сайт) // URL: http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=126
133. Договор о создании Единого экономического пространства между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Республикой Узбекистан, г. Чолпон-Ата, 30 апреля 1994 г., с изменениями 17 июля 1998 г. (присоединение к договору Таджикистана) // Казахстан и мировое сообщество. – 1998. – №3. – С. 89-93.
134. Доклад о человеческом развитии в Центральной Азии. В будущее без барьеров: Региональное сотрудничество в области человеческого развития и обеспечения человеческой безопасности // Региональное бюро ПРООН по странам Европы и СНГ. – Братислава, 2005. – 281 с.
135. Доклад по целям развития тысячелетия Узбекистан 2015 / под общ. ред. Г. Саидовой. – Ташкент: Центр экономических исследований, 2015. – 100 с.
136. Доля малого предпринимательства (бизнеса) в экономике и ее основных отраслях <http://www.stat.uz/ru/90-interaktivnye-uslugi/ekonomika-v-tsifrah/773-razvitie-malogo-predprinimatelstva-biznesa-v-uzbekistane>
137. Донаков Т. Особенности создания религиозных объединений и их правовая основа в Казахстане // Религиозный экстремизм: истоки, реальность и социально-правовые превенции. Сборник материалов

- научно-практической конференции 26-27 апреля 2001 года. – Алматы: Академия КНБ РК, 2001. – Часть. 1. – С. 13-16.
138. Европейский информационный центр. Казахский Национальный университет имени аль-Фараби // <http://kaznu.kz/ru/2764>
139. Европейский Союз выделит 7,1 млн. евро Казахстану. G-Global // <http://group-global.org/ru/news/evropeyskiy-soyuz-vydelit-71-mln-evro-kazahstanu>
140. Европейский Союз и Центральная Азия / под ред. Ж.У. Ибрашева. – Алматы, 2000. – 353 с.
141. Егорцев А.Ю. Тоталитарные секты: свобода от совести. – М.: Сектор, 1997. – 108 с.
142. Жаркынбаева Р.С. Социально-экономическое и политическое развитие Республики Казахстан в период независимости: учеб. пособие. – Алматы, 2010. – 98 с.
143. Жуков С.В., Резникова О.Б. Центральная Азия в социально-экономических структурах современного мира. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – 488 с.
144. Жусупалиев Э. Партия «Хизб-ут-Тахрир» активно участвовала в выборах в Киргизии / <http://news.ferghana.ru>. 19.07.2005.
145. Зайферт А. Крайкемайер А. О совместимости политического ислама и безопасности в пространстве ОБСЕ. – Душанбе: Шарки озод. 2003. – 234 с.
146. Закон «О государственной поддержке малого и среднего предпринимательства» <http://www.turkmenbusiness.org/content/zakon-turkmenistana-o-gosudarstvennoi-podderzhke-malogo-i-srednego-pre>
147. Закон Республики Казахстан «О борьбе с терроризмом» от 13 июля 1999 года № 416 // Казахстанская правда. – № 182-183. – 30.07.99.
148. Закон Республики Казахстан «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях» // Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан. – Алматы, 1995. – № 20. – С. 78-87.
149. Закон Республики Узбекистан «О свободе совести и религиозных организациях». – Ташкент «Адолат», 1998. – Ч. 2 – Ст. 19. – 21 с.
150. Закон Туркменистана «О разгосударствлении и передаче собственности в Туркменистане», принятый 19 февраля 1992 года // Ведомости Верховного Совета Туркменистана. – 1992 г. – № 2.
151. Заявление глав государств – членов Организации договора о коллективной безопасности о противодействии международному терроризму (21 декабря 2015 года, г. Москва) – Организация договора о коллективной безопасности (официальный сайт) / URL: <http://www.odkb-csto.org/news/>
152. Звягельская И. Государство и ислам в Центральной Азии: к постановке вопроса // Секуляризм и ислам в современном государстве: что их объединяет? // Материалы Межд. «круглого стола» (г. Алматы, 30 ноября 2007 г.). / ответ. ред. Б.К. Султанов. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2008. – С. 99-107.

153. Иванченко В. Информационное сопровождение ЕАЭС [Электронный ресурс] URL http://russiancouncil.ru/blogs/viktoriiia-ivanchenko/?id_4=2427
154. Из донесения Джеймса Рамсея Макдональда в Министерство Иностранных дел Великобритании. – Британская миссия в Москве, 20 мая, 1924 // India Office Record. L/PS/10/837 – Political Development in Russian Central Asia since the Revolution. Foreign Office, Political Intelligent Department, 1924.
155. Интервью Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева // Независимая газета. – 1996. – 30 марта
156. Информационная справка Министерства юстиции Республики Узбекистан на 1 января 2003 г.
157. Информация // Ислам және өркениет. № 1. – 1-15 қантар 2007.
158. Информация // Новое поколение. – 23.06.2000.
159. Информация о деятельности Духовного управления, количестве мечетей, мусульманских священнослужителей и т.д. из интервью муфтия Рагбека Нысанбай-улы журналу «Ислам элемі» // Ислам элемі. – № 1. – 1996. – С. 2-3.
160. Информация о деятельности Совета командующих Пограничными войсками и его рабочего органа Координационной службы в 2015 году – Интернет-портал СНГ /URL: <http://www.e-cis.info/page.php?id=25182>
161. Информация о деятельности Совета руководителей органов безопасности и специальных служб государств-участников Содружества Независимых Государств – Интернет-Портал СНГ/URL: <http://www.e-cis.info/page.php?id=13826>
162. Информация о деятельности Совета руководителей подразделений финансовой разведки государств-участников Содружества Независимых Государств – Интернет-Портал СНГ/URL: <http://www.e-cis.info/page.php?id=24108>
163. Информация о Совете министров обороны государств-участников Содружества Независимых Государств – Официальный сайт Исполнительного комитета СНГ/ URL: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=200>
164. Информационно-аналитический портал АО «Фонд Национального Благосостояния «Самрук-Қазына» // <http://sk.kz/page/privatizatsija>
165. Иралиев С. Международное сотрудничество в области образования как канал проникновения религиозного экстремизма в Республику Казахстан // Религиозный экстремизм: истоки, реальность и социально-правовые превенции: сборник материалов научно-практической конференции 26-27 апреля 2001 года. Часть. 2. – Алматы: Академия КНБ, 2001. – С. 41-44.
166. Ислам должен возвышать человека // Казахстанская правда. – 25.11.2000.
167. Исингарин Н. 10 лет СНГ. Проблемы, поиски, решения. – Алматы: ОФ «БИС», 2001.

168. Искандаров А. Интеграция в Центральной Азии: политические аспекты. – Душанбе: Ирфон, 2007. – 287 с.
169. Ислам на территории бывшей Российской империи. – М., 1999.
170. История – Антитеррористический центр государств-участников Содружества Независимых Государств /URL: <http://www.cisatc.org/132/167>
171. История Востока: В 6-ти томах. Т. 6. Восток в новейший период (1945-2000 гг.) / отв. Ред. В.Я. Белокреницкий, В.В. Наумкин. Ин-т востоковедения РАН. – М.: Вост. лит., 1995. – 1095 с.
172. ИТАР-ТАСС, 18.10.2004.
173. Қазақстан мұсылмандар діни басқармасының 2000 жылдан бастап шықан патаулардың бір бөлігі. – Алматы: Көкжиек-Б, 2008. – С. 187-247.
174. Казахстан. Вызов времени перемен. Отчет о человеческом развитии. 1995. / ПРООН. – Алматы, 1995. – 114 с.
175. Казахстан сегодня: монография / под общ. ред. Б.К. Султанова. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2009. – 416 с.
176. Каримов И.А. Концепция дальнейшего углубления демократических реформ и формирования гражданского общества в стране. Доклад Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова на совместном заседании Законодательной палаты и Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан. – Ташкент: Узбекистон, 2010.
177. Каримов А. Дунёвийлик дахрийлик эмас ёхуд «Хизбут-тахрир» ниг даъволари хусусида мулохазалар. – Тошкент: «Тошкент ислом университети» нашриёт-матабаа бирлашмаси, 2005. – 47 б.
178. Каримов И.А. Узбекистан – собственная модель перехода на рыночные отношения. – Ташкент: Узбекистон, 1993. – 116 с.
179. Каримов И.А. Узбекистан: 16 лет независимого развития. – Ташкент: Узбекистан, 2007. – 275 с.
180. Касенов У. Интеграция в Центральной Азии как фактор региональной безопасности // Казахстан и мировое сообщество. 1996. – №3.
181. Кітаптар тегін таратылды // Ислам және өркениет. – № 24. – 16-31 желтоқсан 2006.
182. Клинтон обещает не допустить воссоздания Советского Союза [Электронный ресурс] / <http://www.inopressa.ru/article/07dec2012/ft/clinton>
183. Коллективные силы быстрого развертывания Центрально-Азиатского региона коллективной безопасности – Организация договора о коллективной безопасности (официальный сайт) //URL: http://www.odkb-csto.org/js_csto/voennaya-sostavlyauschaya-odkb/ksbrtsar.php
184. Концепция внешней политики РК на 2014-2020 гг. Утверждена Указом Президента РК от 21 января 2014 года № 741 // сайт МИД РК: [<http://mfa.gov.kz/index.php/ru/vneshnyaya-politika/kontseptsiya-vneshnoy-politiki-rk-na-2014-2020-gg>]

185. Концепция Соглашения о гуманитарном сотрудничестве между Республикой Казахстан и Федеративной Республикой Германия // <http://www.wiedergeburt.kz/index.php/wiedergeburt/goszakaz>
186. Концепция социальной защиты населения Республики Казахстан: Одобрена постановлением Правительства Республики Казахстан от 27 июня 2001 года № 886 // НПО решение проблем бедности. – Алматы, 2004. – С. 50-59.
187. Коэн С. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? // Вестник аналитики. – 2006. – № 4 (26).
188. Курганская В.Д., Косиченко А.Г. Ислам и исламские лидеры в южном Казахстане: научно-исследовательский отчет. – Алматы, 2005.
189. Кыргызстан на современном этапе развития: Аналитические заметки: Гражданское общество, миграция, ислам, коррупция. – Бишкек, 2008. – 186 с.
190. Кыргызстан: экономический рост, занятость и сокращение бедности // Международная организация труда. – 2008. – 78 с.
191. Ларина Е., Наумова О. «Ислам имамов» и традиционализм у казахов России // Вестник Евразии. – № 3 (37). – М., 2007. – С. 132-135.
192. Левитин Л. Узбекистан на историческом повороте. Критические заметки сторонника Президента Ислама Каримова. – М.: Вагриус, 2001. – 351 с.
193. Ленин В.И. Замечания на проект решения ЦК о задачах РКП (б) в Туркестане от 13 июня 1920 года // Полн. собр. соч. – М., 1981. – Т. 41. – С. 436.
194. Мажилис парламента Республики Казахстан // <http://www.parlam.kz/ru/blogs/nazarbaeva/Details/7/6670>
195. Малащенко А. Исламское возрождение в современной России. – М.: Московский Центр Карнеги, 1998.
196. Маликов К. Религиозная ситуация в Кыргызстане // Время Востока. – 21.01.2008.
197. Маликов К. Свежие данные по исламу в Кыргызстане // Интернет-издания Tazag. – 06.07.2007.
198. Маликов К. Светское государство и исламский политический процесс в Кыргызстане: «мусульманский ресурс» как фактор государственного строительства // Секуляризм и ислам в современном государстве: что их объединяет?: материалы Международного «круглого стола» (г. Алматы, 30 ноября 2007 г.) / ответ. ред. Б.К. Султанов. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2008. – С. 151-179.
199. Малышев Д.Б. Постсоветский Восток в поисках религиозной идентичности // Независимая газета. Религии. – 18.08.2002.
200. Маматов А. Основные направления модернизации социальной сферы Кыргызстана (1992-2002 гг.): автореф. дис. к-та эконом. наук. – Бишкек, 2005. – 26 с

201. Мамаюсупов О.Ш., Мурзахалилов К.К., Маматалиев К.К. Ислам в Кыргызстане: тенденции развития. – Бишкек: [б.и.], 2004. – 350 с.
202. Масов Р. История топорного разделения. – Душанбе: Ирфон, 1991.
203. Мендикулова Г.М. Казахская диаспора: история и современность. – Алматы: Реиз, 2006. – 264 с.
204. Мир, который мы хотим. Национальные консультации в Туркменистане по определению целей и задач глобальной программы развития на период после 2015 года. – Ашхабад, 2013, май. – 34 с.
205. Мирзоев Г.Р. Преодоление конфликтной ситуации в республике Таджикистан. Россия и восстановление мира (90-е годы XX в.): дис. ... канд. ист. наук. – М.: Институт Российской истории РАН, 2004. – 192 с.
206. Муканов М.Р. Угроза религиозного экстремизма в ЦАР <http://repository.enu.kz/bitstream/handle/123456789/1492/ugroza.pdf>
207. Муминов А. Традиционные и современные религиозно-теологические школы в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – 4 (5). – С. 77-83.
208. Муминов А., Гафуров У., Шигабдинов Р. Исламское образование в Узбекистане (1917-2003) // Islamische Bildung in der Sowjetunion und der GUS. Internationale Tagung gerfoerdert von der VW-Stiftung (Bochum 13.-16. Mai 2004).
209. Мунавваров З. Становление нового соотношения между светкостью и религиозностью в Республике Узбекистан // Ислам и светское государство / под общей ред. З.И. Мунавварова и В. Шнайдер-Детерса. – Ташкент. Международный фонд Имама ал-бухари и Фонд им. Фридриха Эберта, 2003. – С. 129-136.
210. Мурзахалилов К. Ислам в Кыргызстане: становление и перспективы развития // Секуляризм и ислам в современном государстве: что их объединяет? //Мат-лы Межд. «круглого стола» (г. Алматы, 30 ноября 2007 г.). /ответ. ред. Б.К. Султанов. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2008. – С. 181-187.
211. Мурслиев А. Духовный переворот в Ташкенте // Комсомольская правда. 09.07.1991.
212. Мухашов А. Государство и религия: особенности взаимоотношений // Религиозный экстремизм: истоки, реальность и социально-правовые превенции: сборник материалов научно-практической конференции 26-27 апреля 2001 года. Часть. 2. – Алматы: Академия КНБ РК, 2001. – С. 25-27.
213. Назарбаев Н. Быть ближе к людям, решать их проблемы // Казахстанская правда. – 31 января 2001 г.
214. Назарбаев Н.А. Казахстан на пути ускоренной экономической, социальной и политической модернизации. Послание Президента РК народу Казахстана. – Астана, 2005. – 25 февраля.
215. Назарбаев Н.А. Казахстанский путь. – Караганда, 2006. – 372 с.

216. Назарбаев Н.А. К свободному, эффективному и безопасному обществу: Послание народу Казахстана // Казахстанская правда. – 2000. – 25 октября.
217. Назарбаев Н.А. Послание Президента РК народу Казахстана. Казахстан на пути ускоренной экономической, социальной и политической модернизации. – Астана, 2005. – 25 февраля.
218. Назарбаев Н.А. Послание Президента РК народу Казахстана. Стратегия вхождения Казахстана в число 50-ти наиболее конкурентоспособных стран мира. – Астана, 2006. – 1 марта.
219. Назарбаев Н.А. Стратегия радикального обновления глобального общества и партнерство цивилизаций. – Астана: ТОО АРКО, 2009. – 264 с.
220. Нурсултан Назарбаев, Президент Республики Казахстан – Манифест «Мир. XXI век». Саммит по ядерной безопасности (г. Вашингтон, 31 марта 2016 г.) // Посольство Республики Казахстан в Российской Федерации. – С. 4-5.
221. На саммите в Бишкеке принято решение о дальнейшей судьбе СНГ // Tengrinews. – 2016 16 сентября: [https:// news. mail. ru/politics/27140355/?frommail=1](https://news.mail.ru/politics/27140355/?frommail=1)
222. Национальные институты культуры стран ЕС создали свое общество. Служба новостей «Artparovoz» // [http:// artparovoz. com/4894](http://artparovoz.com/4894)
223. Национальный отчет по человеческому развитию за 2005 г. Влияние гражданского общества на человеческое развитие.– Кыргызская Республика, UNDP, 2005. – 104 с.
224. Ниязи А. Киргизия и Туркмения: попытка сравнительного анализа моделей развития // Азия и Африка сегодня. – 2006. – №7. – С. 42-44.
225. Новости-Казахстан: [[https:// newskaz. ru/politics /20160617/12222040.html](https://newskaz.ru/politics/20160617/12222040.html)]; Zakon.kz: [[https:// www.zakon.kz/4800466-nazarbaev-globalnaja-jekonomika.html](https://www.zakon.kz/4800466-nazarbaev-globalnaja-jekonomika.html)].– 2016, 17 июня 2016.
226. О привлечении учащихся общеобразовательных школ к сельскохозяйственным работам в 1985-1986 учебном году в Чимкентской области // АП РК. Ф. 708. Оп. 123. Д. 103. – Л. 14-15.
227. Об итогах социально-экономического развития Республики Узбекистан за I полугодие 2016 года // Народное слово. – 27 июля 2016.
228. Огудин В.Л. Природные места поклонения в религиозных представлениях современного населения Ферганы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. – М., 2003. – 52 с.
229. Олимов М. Хамадов С. Неформальное лидерство в странах Центральной Азии: каким будут новые вожди? // Мусульманские лидеры: социальная роль и авторитет. – Душанбе: Научно-исследовательский центр «Шарк» и Фонд им. Фридриха Эберга, 2003. – С. 47-52.
230. Олимов М., Шохуморов С. Мухаммаджан Хиндустани: жизнь и деятельность // Мусульманские лидеры: социальная роль и авто-

- ритет. – Душанбе: Научно-исследовательский центр «Шарк» и Фонд им. Фридриха Эберта, 2003. – С. 99-107.
231. Олимова С. Духовные лидеры в современном мусульманском обществе Центральной Азии. Опыт Таджикистана // Мусульманские лидеры: социальная роль и авторитет. – Душанбе: Научно-исследовательский центр «Шарк» и Фонд им. Фридриха Эберта, 2003. – С. 22-25.
 232. Олимова С. Коммунистическая партия Таджикистана в 1992-1994 гг. // Восток. – 1996. – № 2. – С. 52-62.
 233. Основа новейшей государственности / под. ред. М. Убайдуллоева. – М., 2002. – 367 с.
 234. Основные макроэкономические показатели Туркменистана за 2007-2014 гг. <http://www.stat.gov.tm/ru/main/info/makro.pdf>
 235. Парамонов В.В. Экономика Казахстан (1990-1998). – Алматы: Гылым, 2000. – 196 с.
 236. Парамонов В., Строков А. Распад СССР и его последствия для Узбекистана: экономика и социальная сфера // Центральная Евразия. – 2006. – № 06 (11).
 237. Пивовар Е.И. Евразийский интеграционный проект на постсоветском пространстве: 1991-2015. Формирование, становление, развитие. – СПб.: Алетейя, 2016.
 238. Письма и телеграммы представителей трудовых коллективов, профсоюзных организаций Каз. ССР с протестами против повышения цен и снижения уровня жизни // АП РК. Ф. 7; Оп. 1, д. 919.
 239. Положение о Комитете по делам религий при Кабинете Министров Республики Узбекистан. 27 января 1995 г. № 23 // Религия и закон: сборник международных документов и законодательных актов РУ. Автор и составитель Юнусова А.Т. – Ташкент: Тошкент ислом университети, 2002. – С. 195-197.
 240. Пономарев В. Угроза «исламского экстремизма» в Узбекистане: мифы и реальность // Правозащитный центр «Мемориал». Информационный центр по правам человека в Центральной Азии. – Москва. – 1999. – Октябрь.
 241. Послание Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан <http://www. Prezident.tj/ru/node/6599>
 242. Предисловие // Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические процессы: сборник статей /отв. ред. С.Н. Абашин, В.И. Бушков. – М.: Наука, 2004. – С. 3-5
 243. Примбетов С. О союзе трех центральноазиатских государств (Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана) // Казахстан и мировое сообщество. – 1996. – № 3.
 244. Проект «О формировании Евразийского Союза Государств» // Евразийское пространство: интеграционный потенциал и его реализация. – Алматы, 1994.

245. Путин: США положили начало опасному процессу разрушения системы контроля над вооружениями. – ИТАР-ТАСС // URL: <http://tass.ru/politika/1530636>
246. Раджабова М. Уголовная ответственность за религиозно-экстремистские, фундаменталистские и сепаратистские деяния // Государство и религии в странах с мусульманским населением / под ред. З.И. Мунавварова, Р.И. Крумм. – Ташкент: Международный фонд Имама ал-бухари и Фонд им. Фридриха Эберга, 2004. – С. 130-132.
247. Разаков Т. «Хизб ут-Тахрир» играет роль учебного центра для других террористических организаций <http://www.ferghana.ru> – 21.10.2002.
248. Рамочное соглашение между Казахстаном, Кыргызстаном, Узбекистаном и Таджикистаном о совместном и комплексном использовании водно-энергетических ресурсов Нарын-Сырдарьинских водохранилищ и Токтогульского гидроузла, 17 марта 1998 г. // Казахстанская правда. – 1998. – 20 марта.
249. Рахимов М. Политическая модернизация в Узбекистане в начале XXI века: проблемы и перспективы // Центральная Азия: Пути модернизации // V Международная научная конференция. Казахстанско-Немецкий Университет, 13-14 марта 2008 / сост. О.М. Зеленская, П.Ю. Карпов – Алматы: Казахстанско-Немецкий Университет, 2008. – С. 175-178.
250. Рахнамо А. Практические проблемы становления светского государства в мусульманском обществе: опыт Таджикистана // Секуляризм и ислам в современном государстве: что их объединяет?: матлы Межд. «круглого стола» (г. Алматы, 30 ноября 2007 г.) /ответ. ред. Б.К. Султанов. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2008. – С. 214-235.
251. Реализация Болонского Процесса в Казахстане. Министерство образования и науки Республики Казахстан. Центр Болонского Процесса и академической мобильности // <http://naric-kazakhstan.kz/ru/realizatsiya-bolonskogo-protsesssa/106-realizatsiya-bp-v-rk>
252. Религиозная свобода – не анархия // Казахстанская правда. – 21.07.1995.
253. Религиозный экстремизм в Казахстане (пресс-релиз) // www.procuror.kz
254. Религия и закон. Сборник международных документов и законодательных актов Республики Узбекистан /автор-составитель А.Т. Юнусова. – Ташкент: Ташкент ислам университети, 2002. – С. 159-161.
255. Республика Казахстан: оценка системы адресной социальной помощи. Заключительный отчет. Достойный труд: комплексный подход к социальной сфере в Казахстане. – Астана, 2003. Международное бюро труда, 2004. – 82 с.
256. Российская бизнес-газета, 10.01.2001; Известия, 17.01.2001
257. С «Жамаатом» покончено // Казахстанская правда. – № 257-258. – 12.11.04.

258. Савченко И.А. Социокультурная интеграция и дезинтеграция современных многоэтнических сообществ: автореф. дисс... докт. соц. н. по специальности 22.00.06 «Социология культуры». – Нижний Новгород, 2012.
259. Салиев А.С., Файзуллаев М. Социально-экономическое развитие в Узбекистане за годы независимости // Вестник АРГО. – 2013. – № 2. – С. 131-143.
260. Сапармурат Туркменбаши. Рухнама. – Ашхабад: Туркмен. гос. изд. служба, 2002. – 416 с.
261. Сафаров Г. Колониальная революция (опыт Туркестана). – М., 1921.
262. Сведения о количестве населения на территории Киргизской Советской Социалистической республики (по данным переписи 1920 года) // ЦГА РК. Ф. 548. Оп. 1, Д. 42.
263. Свобода совести в Казахстане. У барьера общественного сознания. – Алматы, [б.и.], 2002. – Часть 1. – 152 с.
264. Сиверс В. Развитие взглядов на понятия «Центральная Азия», «Средняя Азия», «Горная Азия» и «Внутренняя Азия» в классической немецкой и русской географии. Комментарии А.И. Краснова // GEO [<http://geo.1september.ru/2003/30/22.htm>]
265. Сидоров А. Религия: вера и идеология // Казахстанская правда. – 1995. – 3 октября.
266. Слямгазулы К. Религий много, закон – один // Казахстанская правда. – 2001. – 13 января.
267. Смоляков А.В. Политическое измерение экономической интеграции (сравнение европейской и восточноазиатской моделей) // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. – 2010. – № 3. – С. 23-24.
268. Соглашение от 8 декабря 1991 года о создании Содружества Независимых Государств – Российская газета //URL: [https:// rg.ru/1991 /12/19/sng-site-dok.html](https://rg.ru/1991/12/19/sng-site-dok.html)
269. Статистические данные о религиозных общинах Казахстана // Мегаполис. – 2000. – № 4.
270. Стратегическая матрица Кыргызстана: ретроспектива, современность и сценарии будущего развития / под общ. ред. А.Б. Байшушакова. – М.: Институт экономических стратегий, 2007. – 440 с.
271. Стенограмма встречи руководителей республик Средней Азии и Казахстана в г. Алма-Ате 22–23 июня 1990 г. // Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 7. Оп. 1, д. 69.
272. Стерлигова А. Н. Анализ значения термина интеграция в контексте управления организацией // Логистика и управление цепями поставок. – 2005. – № 6. – С. 70-71.
273. Странам ЕАЭС важно не допустить возведение экономической крепости «Евразия» – Винокуров [Электронный ресурс]URL // <http://www.for.kg/news-331767-ru.html> Суюнбаев М. Идентификация региона // ЦентрАзия: [[http://www. centrasia. ru/newsA. php?st =1315408920](http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1315408920), 07.09.2011]

274. Структура Шанхайской организации сотрудничества – официальный сайт Шанхайской организации сотрудничества / URL: <http://rus.sectso.org/structure/#6>
275. Султангалиева А. К. Ислам в Казахстане: история, этничность, общество. – Алматы [б.и.], 1998. – 188 с.
276. Сутырин В. Политика «тысячи нитей»: «мягкая сила» России на постсоветском пространстве [Электронный ресурс] URL http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7273
277. Сутырин В. Учащиеся евразийских государств, соединяйтесь! [Электронный ресурс] http://eurasia.expert/uchashchiesya-evraziyskikh-gosudarstv-soedinyaytes/?sphrase_id=336
278. Тагаев Д., Аитов Н.А. Пути развития Таджикистана. – Душанбе: Ирфон, 1994. – 176 с.
279. Таджикистан: 20 лет государственной независимости: Статистический сборник // Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. – Душанбе, 2011. – 832 с.
280. Таджикистанские фантомы. IWPR. – 20-01-2007.
281. Тайные общества и секты. Культовые убийцы, масоны, религиозные союзы и ордена, сатанисты и фанатики. – Минск, [б.и.], 1997.
282. Ташкентская декларация, 21 октября 1996 г. // Казахстанская правда. – 1996. – 23 октября.
283. Иван Тимофеев: Не жду прорывов в отношениях ЕС и Евразийского союза [Электронный ресурс] <http://eurasia.expert/ivan-timofeev-otnosheniyakh-es-i-evraziyskogo-soyuza/>
284. Тодуа Зураб. Экспансия исламистов на Кавказе и в Центральной Азии. Глава 7. – М.: Ин-Октаво, 2006. – 272 с.
285. Тощенко Ж.Т. Постсоветское пространство: суверенизация и интеграция. Этносоциологические очерки. – М., 1997.
286. Труевцев К.М. «Цветные революции» и террористическая угроза в Центральной Азии // Политика. – 2005. – № 2 (37). – С. 16.
287. Туркменистан: обзор системы профессионального образования и рынка труда // Европейский фонд образования. – 2012. – 42 с.
288. Турсунов Х. Образование Узбекской Советской Социалистической Республики. – Ташкент, 1957.
289. Узбекистан на пути к гражданскому обществу: сборник статей / под ред. Р. Алимова. – Ташкент: Шарк, 2003. – 304 с.
290. Указ Президента Республики Казахстан от 11 октября 2001 года № 701 Об утверждении Положения о Постоянном представителе Республики Казахстан при Евразийском Экономическом Сообществе // Казахстанская правда. – 2001. – 20 октября.
291. Указ Президента РК «О мерах по предупреждению и пересечению проявлений терроризма и экстремизма» 10 февраля 2000 года // САПП Республики Казахстан. – 2000. – №7. – С. 74-78.
292. Уровень религиозности и конфессиональные ориентации населения Республики Казахстан (Информ-аналит. доклад). – Алматы: ИРК. – 47 с.

293. Файзуллаев Д. Радикализация ислама в постсоветской Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. – 2009. – № 4 (202)
294. Файзуллаев Д. Радикализация ислама в постсоветской Центральной Азии // Азия и Африка сегодня. – М., 2008. – № 11. – С. 15-19.
295. Федоров В.И. Хозяйственные связи в СССР. Вопросы теории правового регулирования. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978. – С. 48-49, 60-63.
296. Филимонов Э. Нетрадиционные культы тоталитарной направленности как фактор угрозы безопасности личности и общества // Религия, церковь в России и за рубежом. – 1995. – № 5. – С. 24-27.
297. Филичкин В. Всегда вчерашнее завтра // Деловой Урал. – 22.10. 1999.
298. Химматзода М. Роль просветителей Средней Азии в духовном пробуждении народов региона // Мусульманские лидеры: социальная роль и авторитет. – Душанбе: Научно-исследовательский центр «Шарк» и Фонд им. Фридриха Эберта, 2003. – С. 37-39.
299. Шерматова С. Кто, с кем и за что воюет в Таджикистане // Московские новости. – № 6. – 11-18 февраля 1996.
300. Шерматова С. Так называемые ваххабиты // Чечня и Россия: общества и государства. – М., [б.и.], 1999. – С. 13-15.
301. Шозимов П. Различные восприятия национального государства элитами Таджикистана // Секуляризм и ислам в современном государстве: что их объединяет?: материалы Международного «круглого стола» (г. Алматы, 30 ноября 2007 г.) / ответ. ред. Б.К. Султанов. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2008. – С. 236-259.
302. Человеческое измерение в стратегии социально-экономического развития Туркменистана в XXI веке / ПРООН. – Ашхабад, 2000. – 75 с.
303. Цели в области развития на пороге тысячелетия. Отчет Туркменистана. – Ашхабад, 2003. – 73 с.
304. Экспертный диалог в рамках ЕАЭС: взгляд из России и Белоруссии [Электронный ресурс]URL //http://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obschestvo/30102015-integracija
305. Юнусов Адхам кори. Динимиз душпанлари. – Тошкент, 2002. – 34 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ РЕДАКТОРА.....	3
Е.И. Пивовар. Дефиниции и специфика интеграционных процессов на пространстве СНГ и ЕАЭС	6
Г.Р. Дадабаева. Национализм в Центральной Азии: от советских наций к постсоветским нациям-государствам	20
Gulnara Mendikulova. Migrations in Post-Soviet Central Asia: New Trends, Threats and Perspectives	49
Р.С. Жаркынбаева, К.Т. Жумагулов. Социально-экономическое развитие постсоветских государств Центрально-Азиатского Региона	74
М.Ш. Губайдулина. Центральная Азия в интеграционных процессах и проектах.....	121
А.В. Гущин и И.Е. Ханова. Евразийский экономический союз – имиджевое и гуманитарное измерение	150
А.С. Левченков. Международное сотрудничество и противодействие современным вызовам безопасности в Центрально-Азиатском регионе	159
А. Избаиров. Новая религиозная ситуация в независимых государствах Центральной Азии: основные параметры и тенденции развития	174
Evgenia Nadezhuk. Humanitarian Cooperation between the Republic of Kazakhstan and the EU	260
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	284
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	286

Научное издание

Губайдуллина Мара Шаукатовна
Гущин Александр Владимирович
Дадабаева Гульнара
Жаркынбаева Роза Сейдуалиевна
Жумагулов Калкаман Турсунович
Избаиров Асылбек Каримович
Левченков Александр Станиславович
Мендикулова Гульнара Малбагаровна
Надежук Евгения Адольфовна
Пивовар Ефим Иосифович
Ханова Ирина Евгеньевна

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ГЕОПОЛИТИКА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Коллективная монография

Редактор: Э. Сулейменова
Компьютерная верстка: У.А. Абдикаймова, К.С. Умирбекова
Дизайн обложки: К.С. Умирбекова

ИБ №11038

Подписано в печать 12.09.2017. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Объем 19,25. Тираж 80 экз. Заказ №354а
Издательский дом «Қазақ университеті»
Казахского национального университета им. аль-Фараби
050040, г. Алматы, пр. аль-Фараби, 71.

Отпечатано в типографии издательского дома «Қазақ университеті»